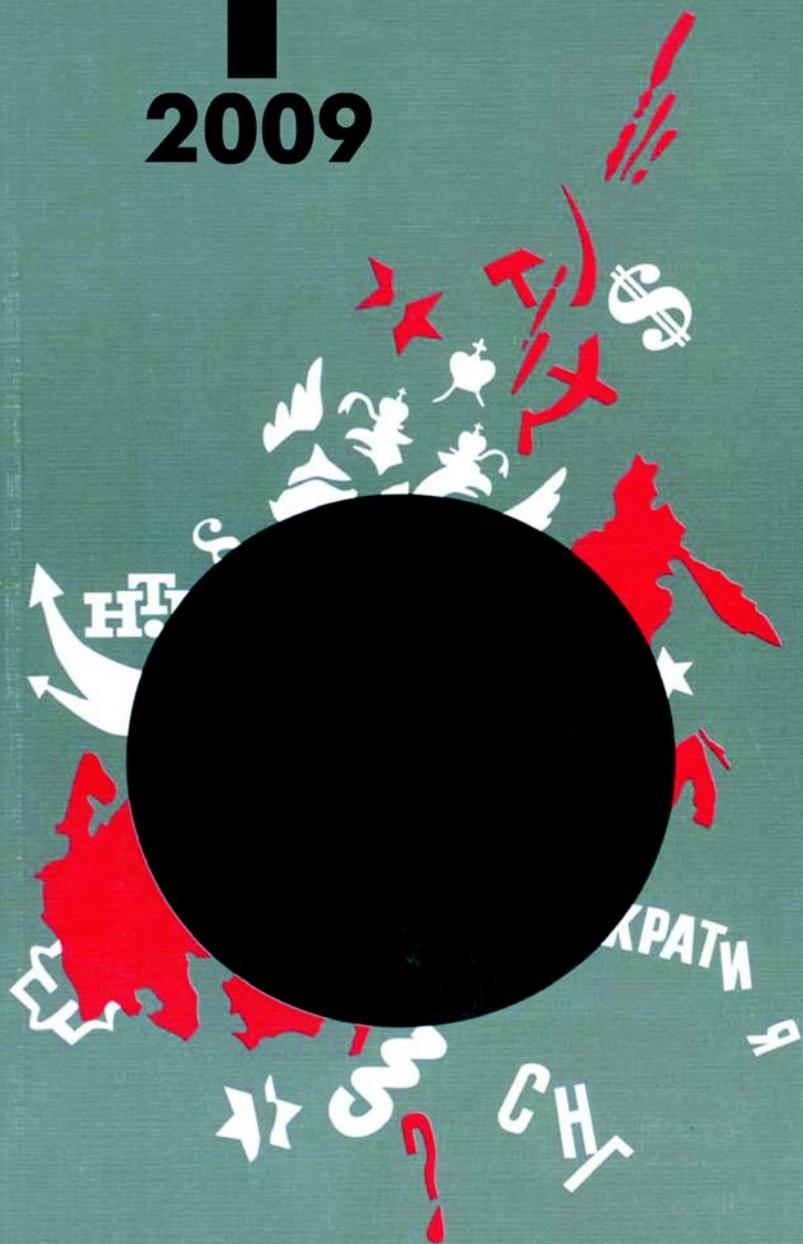

1
2009

РОССИЯ XXI

1.2009 январь-февраль

Общественно-политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Теория развития (тупики бытийные
и метафизические) _____ **4**

Ярлыки и мифы

Ютта Шеррер

«Серебряный век» в двойной перспективе
памяти. На примере учебников культурологии
и цивилизации _____ **46**

Страницы истории

Марк Ланицкий

Банальность зла, или зло глупости _____ **62**

Валерий Каджая

Собибор _____ **92**

Актуальный архив

Оксана Киянская

Декабристы и народ:
к постановке проблемы _____ **108**

Редакционная почта

Елена Трофимова

«Женский вопрос» в прозе
и публицистике
Александры Коллонтай _____ **154**

Илья Смирнов

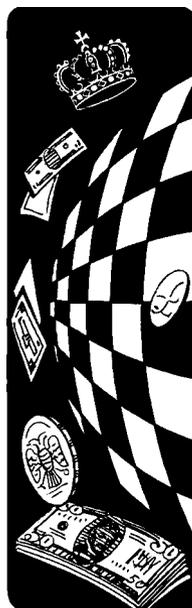
Новая книга в контексте старых
споров между «физиками»
и «лириками» _____ **168**

Если внешний мир «лежит во зле», «неотразимый» закон, правящий им, «безнравствен», то не следует ли, в самом деле, отвернуться и бежать от мира, спасаясь? И вот моралист освобождает человека от призвания участвовать в великом процессе природного просветления и в великом историческом бое между добром и злом; он избавляет его от задания найти свое творчески подобающее место в мире вещей и людей; он снимает с него обязанность участвовать в несении бремени мироздания; он дает ему в руки упрощенный трафарет для суда над миром...

И.А. Ильин

**Картина эволюции жизни
подсказывает нам определенную
концепцию познания, а также
метафизику, которые взаимно
предполагают друг друга.
Представленные в отчетливом
виде, эта метафизика и эта критика
смогут, в свою очередь, пролить
свет на эволюцию в целом.**

Анри Бергсон

Сергей Кургинян

**ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ
(ТУПИКИ БЫТИЙНЫЕ
И
МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ)**

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

The author deals with one of the most acute and debatable issues of the contemporary political philosophy: whether the notion of development a basis for consensus of various political forces or the notion is unacceptable for different rival ideological systems? May people who hold different outlook positions and value assumptions rally around the idea of development? As the practice demonstrates, there is no unequivocal answer to these questions. Representatives of conservative circles development associate with evolutionism and predetermination of progress, with building of the Earthly City of God, with a dangerous social Utopia. Is the idea of development really alien to Christianity? And can a present-day intellectual or a simple Christian bless the logic of retroversion, bear with archaization, with the blind alley of social hell and the ruthless machine of dehumanization? The author focuses on debate over possibility of reconciliation of the theory of systems with concept of development.

Ключевые слова: теория систем, концепция развития, православная методология, религиозный модерн, логика регресса.

**Тупики социального ада:
политически актуальное**

Президент Путин когда-то публично заявил, что считает распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». Но сегодня никто из серьезных исследователей не может сказать, что она порождена идеалами.

Есть исторические свидетельства, не позволяющие так говорить. Строй рухнул не по причине ложности идеалов.

Я сейчас не обсуждаю, хороши идеалы или плохи. По этому поводу можно спорить бесконечно. Я же констатирую «медицинский факт», и не более. Идеалы не породили крушения строя ни в Китае, ни на Кубе. Для того, чтобы зафиксировать такой факт, достаточно вспомнить, что Фиделю Кастро пророчили фиаско сразу после советской геополитической катастрофы. Где фиаско? Уже двадцать лет прошло. В Китае – тоже геополитическая катастрофа, порожденная идеалами? Там готовится перенять эстафету глобального лидерства!

Если распад СССР – это геополитическая катастрофа, то надо называть виновника. Мы установили, что это не идеалы. Но это и не народ. Вряд ли кто-то хочет на него возложить ответственность и сказать, что китайцы или кубинцы хорошие, а русские плохие.

Глупо возлагать ответственность и на чьи-то происки. Уж какие происки чинились против Кастро – дальше некуда!

Ну, так кто же виноват? Логически, социально и политически мы вынуждены констатировать, что виновата элита, которая и обеспечила геополитическую катастрофу. А за счет чего она ее обеспечила? За счет перерождения.

Что это такое, я уже описал, рассмотрев некий отдельный случай, конкретное лицо, любящее поговорить о причинах катастрофы¹. Я никак не хочу все сводить к случаю. Но он очень показателен. Это, так сказать, наглядное пособие по перерождению.

А что такое подобное перерождение с общих позиций? Это важный вопрос.

Я уже говорил о превращенных формах. Формах, любящих себя и ненавидящих свое содержание. Ну, так вот, именно в этом превращении таинство перестройки. Советский Союз истребила превращенная форма.

¹ Кургинян С.Е. Медведев и развитие // Завтра. 2008. 13 августа;
<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=10&auth=&id=2097>

В первый раз я сказал об этом в 1992 году, написав об антиэлите. И с каждым годом все больше убеждаюсь в своей правоте. Форма истребила свое содержание. Кстати, это и есть Танатос в чистом виде и доказательство того, что перестройка представляет собой активизацию внутрисистемного Танатоса. СССР как Содержание истребила номенклатура как превращенная Форма. Теперь она же хочет истребить и Российскую Федерацию, сменив демократическую маску на белую.

Хотите узнать судьбу новой системы, именуемой путинской? Приглядитесь к новой номенклатуре (она же – старая). Когда эта номенклатура под теми или иными лозунгами запоет на танатический лад – предупредитесь.

А теперь давайте на время отвлечемся от советских идеалов и вспомним непростую и несовершенную советскую действительность, в которой все мы жили. И не просто вспомним. У каждого свои воспоминания. А осмыслим и сопоставим кое с чем нынешним. А также с белой ностальгической псевдоутопией, с помощью которой очередные перерожденцы хотят осуществить очередную подрывную работу.

Дебольшевизаторы любят расписывать ужасы советского коммунального быта.

Знаю этот быт по своему опыту. Воспевать его никоим образом не хочу, хотя... Ну, никак не могу сказать, что он меня раздавил или как-то особенно угнетал. В каких-то случаях он мог носить уродливые черты, а в каких-то нет. Но говорят-то совершенно о другом. О том, что советский быт неумолимо возвращал неполноценного человека. Какого человека? Почему между умеренными бытовыми издержками и качеством личности должна существовать такая неумолимая корреляция? А древнегреческие герои, жившие даже без коммунальных удобств? Они тоже неумолимо приобретали антропологические изъяны, порожденные бытом? Но тогда чем лучше быт, тем лучше человек. И, как сказал чукча из анекдота, «я знаю этого человека».

Быт, конечно, может раздавить человека. Но он для этого должен носить особый характер. Тот самый, который в принципе именуется «социальным адом». (Оговорюсь, я не обсуждаю здесь проблему сталинских лагерей, заведомо выходящих за пределы того, что можно называть «бытом».) Итак, «социальный ад» – это быт, в пределах которого уже нельзя сохранять человеческое достоинство, возможности внутреннего роста, моральный стержень. Это быт криминальных бараков, латиноамериканских трущоб, африканских гетто. Это быт людей, которых

не лечат, не учат, не охраняют от сопряженной с таким бытом распущенности. Вы хотите сказать, что это был советский быт? Вы лжете! Этого не было. Этого не было ни в больших городах, ни в селах, где жили очень трудно. Ни даже в проблемных регионах, в которых мне лично пришлось бывать по роду первой профессии геофизика.

Социальный низ существует всегда. Дно тоже существует всегда. Но какие-то корректирующие импульсы, исходящие от всепроникающей власти (конечно, очень безусловной), доходили если не до самого дна, то почти до дна. И эти импульсы имели не расчеловечивающий, а обратный характер. Власть в СССР не поощряла разврат, культурную дегенерацию, социальную маргинализацию. Она не всегда могла это остановить, но она явным образом пыталась. Она отвратительным образом затыкала рот, творила многообразные идеологические глупости. Но того, что ей приписывают дебольшевизаторы, она не делала. И чем больше они ей будут приписывать, тем больше их будут презирать за откровенную ложь.

Кроме того, власть этот коммунальный быт преодолевала. И под конец чуть ли не преодолела. Дебольшевизаторы издевались над понятием «общественные фонды потребления». Над тем, что советская власть лживо заявляла, что в совокупности с этими фондами потребления уровень жизни советского человека в чем-то приближается к уровню жизни на Западе...

Теперь мы понимаем, что такое общественные фонды потребления. Это реально бесплатная медицина. Дебольшевизаторы орали, что она в СССР была плохая. Есть многолетние сводные данные ООН. И мы знаем по этим данным, какая она была и какая она сейчас. Это было бесплатное образование далеко не худшего по высшим мировым меркам уровня. Дебольшевизаторы орали, что оно отстает по качеству. Но, опять-таки, есть данные ООН. А мы и без них сами знаем, что было и что стало. Чем был приличный советский педагогический вуз и что такое сейчас какой-нибудь новоявленный «университет».

Я очень бегло скажу о другом.

Социально обусловленные цены на продовольствие и предметы первой необходимости. Очереди? Предложите сейчас людям среднего и низкого достатка постоять в тех очередях и получить продукты по тем ценам.

Бесплатные квартиры. Качество? Во-первых, оно не было плохим. А во-вторых оно что, сейчас в России лучше? Конечно, сейчас кто-то мо-

жет построить виллы любого качества. Ну и что? А что могут оставшиеся?

И, наконец, главное. Дебольшевизаторы с упоением рассказывают о том, как хорошо жили в дореволюционной России представители среднего класса – врачи, учителя, инженеры. А также купцы. И другие успешные люди. Согласен, они жили хорошо. Именно они жили в тех больших многокомнатных квартирах, которые потом превратили в коммуналки. Ведь не дворцы же и не усадьбы в них превратили. Дворцы и усадьбы, которые не пожгли, превратили в музеи и санатории.

Но кто переехал в коммуналки и откуда? Дебольшевизаторы много рассказывают о том, как хорошо жили рабочие на какой-нибудь морозовской фабрике. Где-то они, наверное, жили прилично, не спорю. Но если бы они везде жили прилично, то на кой ляд они стали бы переезжать в коммуналки и тесниться там на общей кухне? Значит, где-то они жили относительно прилично. А где-то совсем наоборот. И второго «где-то» было несравненно больше. Иначе вообще ничего понять нельзя. Людей в эти коммуналки не ЧК депортировала. Коммуналки ведь не ГУЛАГ! Люди туда с восторгом переезжали. Еще раз спрашиваю – ОТКУДА?

Единственно возможный ответ: они переезжали туда из помещений, по отношению к которым пятнадцатиметровая комната в коммуналке воспринималась как рай. Но тогда каков был социальный ад, в котором их держали до переезда? Они переезжали в комнату с окном. В их коммунальной квартире все-таки были какие-то сантехнические удобства. А до того жили они в подвале, где дети вымирали или зарабатывали чахотку (читайте хотя бы Короленко).

Вот это-то и был расчеловечивающий социальный быт (он же – ад). Который сочетался со всем остальным. В том числе с отсутствием социальной перспективы (или, как минимум, с крайне затрудненной вертикальной социальной мобильностью).

Я не хочу сказать, что все успешные дореволюционные граждане, жившие в многокомнатных квартирах, упивались своими возможностями и плевали с высокой колокольни на несчастья социальных низов. Напротив, в отличие от нынешних успешных граждан, существенная часть тогдашних «счастливчиков» мучилась от сознания несправедливости жизнеустройства, при котором расчеловечиваются «братья». Именно это мучение и породило революционный актив – от Радищева до Герцена и дальше.

Одна часть успешной страты уходила в революцию, другая просто мучилась угрызениями совести, иногда вполне деятельно. Чехов, например. Но если бы вся успешная страта состояла только из таких людей, то о ком бы написал Чехов: «Как в сущности много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила!»

Значит, была эта подавляющая сила, пребывающая в довольстве и счастье. И, как следует из чеховского морального диагноза, абсолютно безразличная к чужому несчастью.

Это безразличие счастливого меньшинства (как элиты, так и существенной части обывательствующего среднего класса) и это безмерное несчастье низов – они, и только они, породили революционный взрыв. Когда безразличные допускают социальный ад, они должны знать, что кто-то спустится в этот ад и начнет выводить оттуда. И за ним пойдут. И наступят страшные времена. Но, конечно, даже тогда жертвы этих страшных времен, потерявшие свои социальные достижения, никакой ответственности за случившееся не почувствуют. А тех, кто вышел из ада, будут называть «сволочью». И никакого внятного лозунга, кроме как «вернуться и пороть», не сформулируют.

Так чем были тогда коммуналки, которые этим людям предложили большевики? Они были выходом из ада. Чем была тогда дешевая одежда при любой ее скудности? Выходом из ада. Чем была борьба за чистоту («либо социализм победит вошь, либо вошь победит социализм»)? Выходом из ада. Чем была, наконец, борьба за развитие, за образование и воспитание, за открытую социальную перспективу? ВОСХОЖДЕНИЕМ ОНА БЫЛА – ВОТ ЧЕМ.

Это все было путем к счастью для тех, кто находился в аду. Говорят, что большевики перебили цвет нации. Наверняка в этом есть доля правды. Наверняка в числе жертв были и те, кто нравственно страдал, и те, кто пытался деятельностью своей что-то исправить, и даже те, кто поддерживал революцию.

Но не они же одни. И куда денешься от чеховского диагноза? Довольные и счастливые люди слишком много думали о себе. И их было слишком много. Они не хотели заниматься социальным адом, не чувствовали ответственности за него. В итоге ад занялся ими. Люди пострадали безвинно. А класс, а страта? Как говорить об отсутствии их исторической вины при определенном историческом результате? Совсем нечуткие к метафизике люди еще могут как-то отгородиться от исторической правды, да и то с большими издержками (лукавая перед самими

собой). Но как могут отгородиться от нее те, кто понимает, что такое бич божий? Или его секулярный эквивалент – историческая вина?

Создав такое зеркало прошлого, посмотрим на настоящее.

Я не так давно был в Белоруссии в составе одной делегации. Конечно, нас привозили в образцовые совхозы. И, конечно, в этих совхозах всюду пахло застоєм 70-х годов. Но в совхозных клубах есть очень активно работающие кружки и секции. Дети танцуют, поют, учатся лепке и рисованию. Им не предлагают проституцию и уголовку в качестве «канала вертикальной мобильности». Их как-то тянут наверх. Примерно так, как было при Брежневe.

Я не любил брежневский застой. Я его яростно не любил. Я любил те потенциалы, которые позволяли двинуться из этого застоя в постиндустриальное общество. Я любил энергию, которую общество накопило за сорок пять мирных лет. И которую можно было направить на восхождение, на прорыв, на взятие постиндустриального барьера.

Перестройщики эту энергию слили в канализацию. Есть ли в обществе теперь хоть какая-то энергия? Не будем даже обсуждать качества. Накапливается ли она? Конечно, нет ничего похожего на ту ситуацию. Конечно, царствуют регресс и апатия. Но они царствуют не беспредельно. Где-то – в каких-то нишах и какими-то путями – что-то накапливается. Вопреки всему, идут какие-то восстановительные процессы. И что? Эту (может быть, последнюю) скудную по количеству и безусловную по качеству энергетику будут снова сливать в канализацию с помощью «перестройки-2» и при этом сюсюкать по поводу несчастных, проживающих в ветхих домах?

История не знает сослагательного наклонения. Но если бы в течение последних двадцати лет СССР развивался так, как при Черненко, то есть по 3% в год, то, с учетом накопления этих 3%, ВВП был бы уже вдвое больше, чем в 1985 году. То есть у каждой семьи была бы приличная бесплатная квартира, дача, машина среднего качества, бесплатные медицина и образование, нормальная социальная перспектива.

Мало? Серо? Так ведь и шла речь о том, чтобы переломить эту застойность переходом к ускоренному развитию!

Повторяю, я до тошноты ненавидел брежневский застой. Но то, что соорудили перестройщики, и есть триумф ненавидимого мною «застоя со знаком минус», освобожденного от «застоя со знаком плюс». Этот «застой со знаком минус» (номенклатура минус социальные обязательства) «опустил» общество, дабы сохранить – да, сохранить, а не отдать –

власть. Оглядитесь вокруг себя, и вы поймете, что произошло именно это.

Номенклатура, боясь в условиях восхождения народа оказаться неконкурентной во власти, организовала регресс под видом перестройки. Перестройка – это Тень застоя. Это его маневр, направленный на само-спасение. За счет чего? «За счет всего», – сказали мне застойные номенклатурщики, преуспевшие в постзастойное время. Согласитесь, определение емкое.

И вот теперь эти номенклатурщики начинают рыдать по поводу ветхих домов. Они понимают, в какое время живут? Они могут посмотреть на свой результат в зеркало советской действительности?

Жил-был город. Он был построен вокруг одного крупного предприятия военно-промышленного комплекса. Потом предприятие остановили. Жителей города никуда не вывезли. Других предприятий нет. Заботы государства по поводу судьбы обитателей этого города тоже нет. Вы примерно понимаете, что там происходит? Вы понимаете, что сегодня никто не социализует преступников, вышедших из зоны, даже на убогий советский манер? Что, выходя оттуда, они просто оседают в удобных для них, близких к зоне, неблагополучных анклавах.

Я имею в виду ту «братву», которая не рвется в Москву. Такая есть. Она оседлывает анклавы. Милиция носа туда сунуть не может. Вы понимаете, как там живут? И вы хотите сказать, что при советской власти тоже так жили? Вы лжете. Вы либо лишены социального опыта, либо сознательно жертвуете им в угоду агитпропу. И подменяете проблемную (и порою страшную) правду – лубком в духе «Груза-200».

Но оставим даже в стороне эти крайние случаи. Хотя, собственно, почему? Возьмем другие случаи, гораздо более расхожие и социально репрезентативные. В несовершенно СССР, в условиях отнюдь, повторю, не воспеваемого мною застоя, были всякие презрительно третируемые «малости» ... Ну, например, детская комната милиции... Вписанная в систему и потому реально работающая, а не вываливающаяся из нее и абсолютно декоративная. Или – бесплатные спортивные секции, причем очень и очень массовые. Теперь всего этого нет. Но зато есть очень специфический «телик», которого не было. А также новая «улица», которой не было. И где дерутся не до первой крови, а совсем иначе.

Тогда детская комната милиции все-таки как-то удерживала среднего паренька от криминалки и доводила до армии. В армии его тогда как-то воспитывали. Не ахти как, но как-то. Потом он возвращался в свой

родной город, становился к станку, который работал (и попробуй не встань!). И, натерпевшись в армии, быстро делал детей какой-нибудь приглянувшейся барышне. Крутилась машина скудной, скучной, остывающей, но человеческой жизни.

Это было тогда. Что происходит теперь? Первичный криминальный опыт паренек получает на улице. И при просмотре телевидения. К моменту прихода в армию он уже криминализован. В армии обучается владению холодным и огнестрельным оружием. Потом приходит к закрытой проходной завода. Путь у него один – в криминалку. Этот путь широко открыт. Остальные закрыты. Вдобавок ему внушили (реклама у нас такая), что «только в BMW последней модели можно почувствовать себя настоящим мужчиной».

Возможность получить BMW последней модели у него одна. А почувствовать себя настоящим мужчиной он хочет. И верит тому, чему его учат с телеэкрана. Табу никаких нет. Он начинает добывать этот самый BMW. Либо он преуспеет, либо нет. Если он не преуспеет, то окажется в тюрьме или на кладбище. Если преуспеет, то попадет в «элиту» среднего уровня и станет присматриваться, как попасть в «элиту» высшего уровня. А там, глядишь, и в политику.

Вам описать, что такое криминальная молодежь в возрасте от 12 до 15 лет? Вам описать окружающие Москву точки, где проводятся гладиаторские бои? Их организаторов, участников и зрителей сделает своим активом «белая перестройка»? Для этих людей освежать Гайдара – раз плюнуть. Но Гайдар же сотоварищи и создали этих людей. Они дали такому «активу» путевку в жизнь. Они породили почву для будущего фашизма. И отделить Гайдара от ответственности за это так же трудно, как Вальтера Ратенау от ответственности за Гитлера. С той лишь разницей, что Вальтер Ратенау свое заплатил. А Гайдар, я думаю, не заплатит. Впрочем, какая разница?

2007 год. Я участвую в телевизионной передаче, посвященной Куршевелю и Прохорову. На передачу приезжает одна соответственно одетая и украшенная барышня, знакомая нашим политикам. Эта барышня позитивно оценивает мой дресс-код, узнает меня как одну из телевизионных «говорящих голов». И поначалу относится уважительно. Но я осуждаю Прохорова. Барышня изумляется и огорчается (думала, что приличный человек, ан нет). И говорит с невероятным презрением: «Я думаю, что девушки там были счастливы... А что, было бы лучше, что-

бы они справляли Новый год в своей родной деревне Бабушкины Вилы? Они вместо этого справляют с интересным человеком...»

Конец 80-х годов. Школьница, посмотревшая фильм «Интердевочка», пишет режиссеру фильма П.Тодоровскому такое письмо: «От себя и от имени многих моих ровесников хочу поблагодарить Вас за создание замечательной картины, которая поможет современной молодежи, особенно девушкам, в выборе будущей профессии. После просмотра фильма я, например, сразу решила, если быть, то "интердевочкой". Мне семнадцать лет. В этом году я заканчиваю десятый класс».

Как вам такое зеркало?

Метафизика развития

Мы отвлеклись на политически актуальное... Это отвлечение может или помочь, или помешать нам разобратся в проблеме развития. Помочь оно может только в единственном случае: если мы, сохранив метафизическое начало в недрах политически актуального, сумеем теперь, не отрекаясь от политики, высвободить это начало.

При таком высвобождении политическая метафизика должна естественным путем превратиться в метафизику развития как такового. Можно ли это сделать? И как?

Размышляя об этом, я предъявил определенный счет себе самому. «Вот ты, – сказал я себе, – говоришь, что никто из находящихся на чужом для тебя (ну, скажем так, белом) поле не говорит о развитии. А, собственно, почему ты так считаешь? И на основании чего? На основании того, что об этом не говорят высокие чины, что нет соответствующих выступлений по телевидению и разворотов в известных политических изданиях? Но разве это достаточный повод для столь огульного утверждения?»

А если все же что-то есть? Я собрал своих коллег, попросил их сделать мониторинг высказываний на данную тему лиц (не только высоко-статусных), принадлежащих к не разделяемой, но уважаемой мною белой идеологии. Причем высказываний – за рамками обычного круга популярных СМИ, ориентированных все-таки на политику.

Собранный урожай вряд ли можно назвать обильным. Однако должен признать, что в очень важной для белой идеологии православной среде давно идет вполне содержательная дискуссия о развитии. Только

вот эту дискуссию... то ли не замечают, то ли держат в загашнике. А она, между прочим, очень тонко сопряжена с рядом других метафизических дискуссий, которые вроде бы развития не касаются. И при этом имеют некий специфический обертон, вполне не чуждый всему сразу – и политике, и теории развития.

Но вначале все же о том, как разворачивается православная дискуссия на тему развития. Самую глубокую и содержательную аналитическую разработку я прочел не в политических газетах и политических же журналах, а в «Московском психотерапевтическом журнале» (№3 за 2005 год), где М.Миронова очень внятно разбирает альтернативные подходы к столь важному для нас всех вопросу в своей статье «Категория "развитие" в психологии и христианской антропологии».

М.Миронова очень тактично и одновременно аналитично рассматривает точки зрения, существующие внутри того сообщества православных интеллектуалов, в которое она сама очевидным образом входит. Как психолога, М.Миронову интересует, по ее собственным словам, прежде всего, «проблема переосмысления категории "развитие" в контексте христиански ориентированной психологии». Однако ее аналитика, как мне представляется, важна не только для психологов, но и для всех, кого волнует проблема развития как такового.

Ведь не зря М.Миронова уже в заглавии своей статьи говорит не только о соотношении проблемы развития с психологией (христиански ориентированной, как она уточнит ниже), но и о соотношении той же проблемы развития с христианской антропологией.

Я уже упоминал, что не раз наталкивался в своей деятельности на очень серьезные и отнюдь не либеральные политические элитные группы с корнями в советской высшей страте, для которых вообще ненавистно или, по крайней мере, совершенно чуждо развитие как таковое. Само слово «развитие» вызывает в этой среде глубочайшее психологическое отторжение. Поскольку я никогда не злоупотребляю сведениями, почерпнутыми в частных беседах и на узких «круглых столах», то в открытой печати я и мог ограничиться только указанием на наличие подобных групп. Без всяких конкретизаций, которые я никогда себе не позволю как по причине элементарного человеческого такта, так и из политических соображений.

Ведь группы, о которых я говорю, искренне патриотичны и к государственности (как к советской, так и пред- и постсоветской) относятся с глубоким трепетом. То, что в этих группах укоренилось такое отно-

шение к развитию, никак их не демонизирует. Напротив, я и оговаривал-то наличие таких групп потому, что они для меня индикативны. Обладая и политическим опытом, и обостренной чувствительностью к угрозам государственной целостности, эти группы, видимо, имеют свои основания для подобного отношения к развитию.

Весь вопрос для меня состоял и состоит в том, сводятся ли эти основания к тому, что лозунг «развитие», провозглашенный в «эпоху перемен», привел к разрушению страны и глубочайшему социальному регрессу? Или же все-таки у этого крайне негативного отношения к развитию есть более глубокий и фундаментальный генезис?

М.Миронова – еще раз подчеркну – с глубочайшим тактом и деликатностью артикулирует некие возражения против развития, которые кто-то высказал публично, а кто-то, как она говорит, «в частных разговорах». В том-то и беда, что данная тема прорабатывается в основном в этих самых частных разговорах. И, соответственно, не может быть предъявлена в качестве одного из пунктов национальной повестки дня.

Но М.Миронова обращает внимание на то, что тема развития обсуждается все же не только в частных разговорах. Она предлагает к рассмотрению статью священника и психолога Андрея Лоргуса «Методологические проблемы идеи развития». Отец А.Лоргус предложил свое понимание этих проблем в докладе на совещании «Преподавание в православных школах вопросов творения мира, жизни и человека». Совещание проводил 29 октября 1999 года Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, доклад о. А.Лоргуса был опубликован в 2000 году в сборнике «Шестоднев против эволюции» (издательство «Паломник»).

Суммируя возражения против развития, почерпнутые из указанного сочинения о. А.Лоргуса и своих частных источников, М.Миронова формулирует тезисы православных теоретиков, рассматривающих развитие со знаком минус. В большинстве случаев М.Миронова основывается на прямых цитатах из статьи о. А.Лоргуса.

Тезис 1 сформулирован в виде такой прямой цитаты: «Существуют явления, прямо противоположные развитию: явления деградации и регресса. И именно православная мировоззренческая точка зрения больше всего склоняется к ним. Представления о мире, разрушающемся и распадающемся, представления о личности человека, деградирующей, и истории человеческой, находящейся в непрерывном регрессе, свойственны православному пониманию мира и прямо противоположны идее развития».

Тезис 2 сформулирован тоже в виде прямой цитаты: «Духовный опыт показывает, что в настоящее время большинство людей находится в состоянии падения». Комментируя эту цитату, М.Миронова дополнительно указывает, что в кругах тех, кто против развития, много говорится о том, что феномен падения во всей его полноте будет наблюдаться в самые последние времена, о которых повествует Откровение Иоанна Богослова. И что, с точки зрения этих кругов, данное обстоятельство служит дополнительным подтверждением тому, что человечество лишь регрессирует в процессе истории.

Тезис 3 сформулирован опять же в виде прямой цитаты: «Библия не может смириться с таким представлением о человеческом существе, в котором интеллект, психика, речь и иные, собственно человеческие, проявления жизни возникли постепенно в результате развития».

Тезис 4... И вновь – прямая цитата из А.Лоргуса, приводимая М.Мироновой: «В христианском мировоззрении нет места представлению о развитии, в котором некая сущность может порождать и изменять себя "из себя же", не идет здесь речи и о необходимости развития более сложных форм из более простых».

Тезис 5 (который, в отличие от предыдущих, М.Миронова формулирует не в виде прямой цитаты, а значит, опираясь еще и на свои частные источники): человек не изменился со времен Адама, так как образ Божий был вложен в него при сотворении. Поэтому ни о чем новом в человеке – а следовательно, о его развитии – не может идти речи; правильнее говорить о совершенствовании того, что уже было заложено.

М.Миронова никоим образом не пригвозждает А.Лоргуса к позорному столбу в духе перестроечного агитпропа, которому мне пришлось уделить такое большое внимание. Она без тени иронии выражает благодарность о. А.Лоргусу за то, что он «заострил внимание на действительно существующих противоречиях между традиционными психологическими и богословскими представлениями».

Я могу только присоединиться к позиции М.Мироновой во всем, что касается оценки сочинения А.Лоргуса. И впрямь, надо выразить благодарность православному интеллектуалу, внятно сформулировавшему то, что в размытом виде существует и обсуждается в определенных интеллектуальных кругах, чье влияние отнюдь не ограничено (заявляю об этом со всей ответственностью) психологами, с которыми общалась М.Миронова. Я с психологами, увы, в отличие от М.Мироновой, общаюсь мало. А с политиками и близкими к политике интеллектуалами –

много. И утверждаю, что группы, оценивающие развитие в полном соответствии с тезисами, которые были приведены выше, и широки, и влиятельны.

Вести полемику с такими группами на публицистическом уровне совершенно бессмысленно. Столь же бессмысленно, более того, пошло и унизительно восклицать: «Ах, у нас и Путин, и Медведев призывают к развитию, а вы его отметае с порога, называете фантомом, химерой, заблуждением, в лучшем случае, ложной ученостью!» Представители этих групп могут не разделять представлений Путина и Медведева даже по самым ключевым вопросам и при этом быть лояльными гражданами, государственниками, патриотами, имеющими право как на высказывание своей позиции, так и на ее отстаивание.

Кроме того, всегда можно сказать, что Путин и Медведев высказались по поводу развития с политических и технократических позиций, а здесь речь идет о рассмотрении развития с позиций духовных. И это не одно и то же.

И, наконец, вашему покорному слуге одно внятное слово (например, процитированного выше А.Лоргуса) дороже любого лояльно-размытого словоблудия тех, кто будет лепетать про развитие потому, что это созвучно указаниям руководителей партии и правительства. Но...

Но любой специалист по общественному сознанию скажет вам, что наличие вышеназванных тезисов, коль скоро они имеют весомую элитную и общественную поддержку, не позволяет выдвинуть идею развития в виде идеи консенсусной.

На опасном рубеже: в оппозиции разуму

Нет проекта без идеи развития. В каком-то смысле югоосетинский вызов связан еще и с попыткой России перейти к развитию. Этих попыток – даже самых мягких и деликатных – Запад боится больше всего.

Сколь бы эти попытки ни были западническими – они пугают. Хотите правду? Они пугают **ТЕМ БОЛЬШЕ, ЧЕМ БОЛЕЕ ОНИ ЗАПАДНИЧЕСКИЕ**. Очень неудобно и горько говорить об этом, но это так.

Либо проект, основанный на углубленном, доходящем до предельных вопросов рассмотрении развития, – либо «фул абзац». Именно потому проблема развития не отменяется, а усугубляется.

Вроде бы все так просто: все «за» – и за работу, товарищи! Но уже по казусу Лоргуса видно, что это не так. И поверьте – ради глубокого понимания насущной сегодня, как никогда, темы, стоит присмотреться к данному казусу. Не демонизировать кого-то, не устраивать «охоту на ведьм», а присмотреться. Вдруг да выяснится нечто существенное?

Вы призываете все общество и всю элиту отбросить идеологические разночтения и поддержать, казалось бы, очевидную в своей позитивности и безальтернативности идею развития, а вам говорят: «А откуда вы взяли, что эта идея очевидна? Тем более безальтернативна и позитивна? У нас, например, совершенно другая точка зрения. И вы своей плетью национально-государственнической аргументации наш духовный обух не перешибете. Вам надо какое-то там развитие во имя победы в противостоянии с врагом государства. Мы тоже хотим противостоять врагу государства. Но мы знаем, что есть еще враг человеческий и что выше задачи спасения государства стоит задача спасения души. И вы нам это самое развитие не подбрасывайте! Ишь ты, "позитивное", "безальтернативное, "консенсусное". Что нам ваши мирские приоритеты? У нас есть приоритеты совсем иного порядка!»

А тут из-за спины этой – в принципе АБСОЛЮТНО НОРМАЛЬНОЙ И ВНЯТНОЙ – аргументации слышится второй, собственно политический, так сказать, голос: «Хватит, хватит... Доразвивались при Михаиле Сергеевиче...» И опять-таки – что скажешь? И впрямь доразвивались.

Поскольку я убежден, что оба эти голоса – духовный и политический – суть одно целое, то возникает крайне сложная ситуация. Ну и слава богу, что она крайне сложная! Иначе нам пришлось бы избыточно политизировать обсуждение развития и слишком разбавлять это обсуждение собственно политической проблематикой... Разрушительность дебольшевизации... Рамки политической рациональности в вопросе об убийстве царской семьи... Все это, конечно, важно. Но только вкупе с настоящей теоретической проблематикой.

Наличие такого внятного оппонирования развитию, которое заявлено отцом А.Лоргусом, позволяет нам сделать шаг вперед и начать обсуждать развитие как таковое, переходя от прикладной – к общей политической метафизике.

Внимательно ознакомившись с работой А.Лоргуса «Методологические проблемы идеи развития», я обратил внимание на некоторые моменты, которые М.Мироновой, в силу ее профессиональной ориентированности, не показались особо существенными. Мне же представляется,

что без рассмотрения этих моментов беседа о метафизических про и contra в вопросах развития рискует погрязнуть в частностях. Очень интересных, в том числе и для меня, но в политическом отношении не имеющих решающего значения.

Прежде всего, речь идет о построении работы А.Лоргуса. Он делает свой доклад (ставший основой рассматриваемой статьи) в связи с дискуссией о дарвиновской теории эволюции, развернувшейся в определенных религиозных кругах и породившей совещание Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата на тему «Преподавание в православных школах вопросов творения мира, жизни и человека». В теории Дарвина есть ряд моментов, болезненных для христианского сознания. Причем именно для сознания не слишком, так сказать, усложненного. И при этом обремененного всеми сомнительными приобретениями нынешней российской эпохи, к числу которых, конечно, относится абсолютное пренебрежение ко всему, что сформировало на настоящий момент человечество.

Такое современное российское сознание (к сожалению, его приходится объективно оценивать как регрессивное), взяв на вооружение что угодно – от радикального демократизма до своеобразно понимаемой религиозности («а почему бы нет, могу выбрать и такой прикид»), – категорически отменяет все остальное: «А чё такое? У меня новые ценности, а тут лезут с каким-то Дарвином, получается, что я от обезьяны произошла, а мне при моих новых ценностях это ну никак не подходит».

По сути именно это, как мне помнится, заявила одна школьница, подав вместе с отцом судебный иск с требованием, чтобы школа прекратила навязывать учащимся, имеющим религиозные ценности, какого-то Дарвина. Позиция школьницы и ее отца не случайно оказалась в фокусе внимания ряда телевизионных каналов. Все это явным образом отдавало пиаром с политической окраской.

Беспокойство вызывает не сама эта позиция, а способ ее обсуждения. Ведь российская школьница и ее отец – не первооткрыватели в данном вопросе. Таких исков в мире было множество, особенно в конце XIX – начале XX века. Вызов дарвинизма мучительно осваивался христианством. Одним способом этот вызов осваивал Ватикан, другим – Российская империя и Русская Православная Церковь. И в том, и в другом случае существовала церковная иерархия, чей вердикт был обязателен для верующих. И тут надо говорить не о способе, а о способах при-

нения вызова, который и впрямь был достаточно болезнен для религиозного сознания.

У протестантов иерархии, способной вынести окончательный вердикт, не было. Именно поэтому наиболее яростно против Дарвина ополчились некоторые течения в протестантизме, особенно американском. И вели бои против Дарвина очень долго. А некоторые ведут до сих пор, хотя большинство вполне религиозного американского общества воспринимает их как мракобесие. Но за то время, пока шли эти бои против дарвинизма, «воюющими сторонами» было столько сказано, что, казалось бы, навеки усвоено: такие бои не нужны никому. Ни науке, ни церкви.

Что касается Ватикана, то он, в свойственной ему гибкой манере, очень быстро справился с вызовом. Конечно, всегда («всегда» – это до второй половины XX века) сохранялись радикальные клерикальные круги, которые отрицали Дарвина. Но это уже не было мнением всего церковного Института.

Скажут: «Ватикан нам не указ». И я полностью соглашусь. Хотя... На уровне МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ – почему бы и не поучиться (сохраняя при этом и систему ценностей, и аутентичность православной позиции)? Но и впрямь ведь не указ. Заемным опытом сыт не будешь. Однако есть же и свой опыт! Он для нас тоже не указ?

Граф Алексей Константинович Толстой никогда не был отлучен от православной церкви, в отличие от графа Льва Николаевича Толстого. Кроме того, Алексей Константинович Толстой никогда не был либералом и очень сдержанно (мягко говоря) относился к революционным демократам, в отличие от графа Алексея Николаевича Толстого.

В стихотворении, которое я приведу ниже, это выражено напрямую в его оценке нигилистов (то есть революционных элементов Российской империи). Эта его экстремально-негативная оценка, весьма тогда «немодная», никак не добавила ему популярности ни в либерально-буржуазных, ни в фрондирующих аристократических салонах России. Но он дал эту оценку потому, что таково было его мировоззрение. И он не хотел им поступаться – ни в угоду либеральной моде, ни в угоду странному течению противоположного рода. Дал он ее по одному частному поводу.

М. Лонгинов, начальник Главного управления по делам печати в 1871 – 1875 годах, поддавшись давлению неких крайних (как сейчас сказали бы, контрмодернистских) группировок, всего лишь попытался

запретить одно из произведений Дарвина. Повторяю – всего лишь попытаюсь! Пошли слухи (разумеется, обоснованные, но слухи), что он это сделает. И граф Алексей Константинович Толстой на эти слухи откликнулся своим известным стихотворением «Послание к М.Н.Лонгинову о дарвинизме».

Это «Послание» советский агитпроп тоже не любил, поскольку слишком уж сильно граф «приложил» нигилистов, то есть революционных демократов, то есть предтеч большевиков (по каноническому определению Ленина – «декабристы разбудили Герцена» и так далее). Но стихотворение стало суперпопулярным уже в момент его написания и оставалось таковым весь XX век.

Это стихотворение убило все попытки перенести на российскую почву протестантские (или католические в их радикально-инквизиторском исполнении) методы борьбы с Дарвином. Мне казалось, что стихотворение знает каждый образованный человек. В общем-то, так и было лет 30 назад. Кто-то цитировал наизусть, кто-то кусками. В школах стихотворение изучали. Не учили наизусть «от и до», как «Песню о Буревестнике», но изучали. А наиболее яркие фрагменты стихотворения вошли в быт достаточно широких кругов... ну, примерно так, как цитаты из Ильфа и Петрова вошли в быт несколько более широких кругов...

А.Лоргус не знает это стихотворение? Его бэкграунд хочет в очередной раз «по полной программе наступить на те же грабли»? Кто-то готов так же прямолинейно, как М.Лонгинов, начать работать с наукой вообще и теорией эволюции в частности по прошествии конкретно 136 лет? Уже не в XIX и не в XX, а в XXI столетии?

А зачем? Нет, вы мне объясните, зачем? В чем какая-то политическая целесообразность? Если даже речь идет о том, чтобы установить в стране абсолютно жесткий теократический режим, то это все равно не так делается! Россия не Иран, но и в Иране это не так делается! Главное, что будет этот теократический режим делать? Гоняться за сторонниками Дарвина и ждать, пока очередные научно-технические революции создадут такие виды оружия, против которых стареющий потенциал, унаследованный от СССР, будет бессилён? Соединять работу а-ля М.Лонгинов с развитием нанотехнологий?

Но главное все-таки метафизика... Поскольку я хочу СРАЗУ обсуждать и ее, и политику, я все-таки приведу дословно метафизически бессмысленное стихотворение А.К.Толстого. Тем более, что оно столь же бессмысленно с политически-прикладной точки зрения.

Я враг всех так называемых вопросов.

Один из членов Государственного совета.

Если у тебя есть фонтан, заткни его.

Козьма Прутков

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ...,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.
Всход наук не в нашей власти,
Мы их зерна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошелся с Моисеем.
Ты ж, еврейское преданье
С видом нянюшки лелея,
Ты б уж должен в заседанье
Запретить и Галилея.
Если ж ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мненья –
Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотвореньи?
Отчего б не понемногу
Введены во бытиё мы?
Иль не хочешь ли уж Богу
Ты предписывать приёмы?
Способ, как творил Создатель,
Что считал он боле кстати –
Знать не может председатель
Комитета о печати.
Ограничивать так смело
Всесторонность Божьей власти –
Ведь такое, Миша, дело
Пахнет ересью отчасти!
Ведь подобные примеры
Подавать – неосторожно,
И тебя за скудость веры
В Соловки сослать бы можно!
Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга.
Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто –
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто!

Нигилистов, что ли, знамя
Видишь ты в его системе?
Но святая сила с нами!
Что меж Дарвином и теми?
От скотов нас Дарвин хочет
До людской возвесть середины –
Нигилисты же хлопочут,
Чтоб мы сделались скотины.
В них не знамя, а прямое
Подтвержденье дарвинисма,
И сквозят в их диком строе
Все симптомы атавизма:
Грязны, неучи, бесстыдны,
Самомнительны и едки,
Эти люди очевидно
Норовят в свои же предки.
А что в Дарвина идеи
Оба пола разубраны –
Это бармы архирея
Вздели те же обезьяны.
Чем же Дарвин тут виновен?
Верь мне: гнев в себе утиша,
Из-за взбалмошных поповен
Не гони его ты, Миша!
И еще тебе одно я
Здесь прибавлю, многочистимый:
Не китайскою стеною
От людей отделены мы;
С Ломоносовым наука
Положив у нас зачаток,
Проникает к нам без стука
Мимо всех твоих рогаток,
Льет на мир потоки света
И, следя, как в тьме лазурной
Ходят Божии планеты
Без инструкции ценсурной,
Кажет нам, как та же сила,
Всё в иную плоть одета,
В область разума вступила,
Не спросясь у Комитета.
Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!

Конец 1872 г.

А.Лоргус в своем докладе, который М.Миронова считает столь индикативным (и я с нею абсолютно согласен), апеллирует к методологии как науке, которая, начиная с 40-х годов XX века, стала оказывать влияние на отношение к научной теории вообще и рассматриваемым им конкретным теориям в частности.

Методология – интересное и в целом очень позитивное направление. Другое дело, что методология породила не только очень умные и правильные идеи, методы, приемы работы, но и параллельную субкультуру со всеми ее составляющими. В то время, как ведущие методологи (особенно глубоко уважаемый мною Г.П.Щедровицкий) категорически настаивали на необходимости изучения традиции мышления, требовали, чтобы определенные канонические философские произведения заучивались чуть ли не наизусть, субкультура культивировала пренебрежение ко всему, что не есть методология. Было очень соблазнительно отказаться от изучения философской традиции и от апелляции к ней и на все смотреть «с методологического висока». Это порождало дилетантов.

Я никоим образом не отношу к ним А.Лоргуса, окончившего психологический факультет МГУ в 1982 году и Московскую духовную семинарию в 1992 году. Я просто обращаю внимание – и его, и других интеллектуалов со сходной точкой зрения, – что такой соблазн в принципе существует.

Но коль скоро А.Лоргус апеллирует к методологии, то я хочу обратить его внимание на то, что граф А.К.Толстой, не зная о существовании методологии, которая, по мнению А.Лоргуса, начала развиваться с конца 40-х годов XX века (а как же Джон Ди и его последователи?), построил стихотворный текст блистательно именно с методологической точки зрения. Да и с политической, кстати, тоже. То, что мы и в XIX веке не были за китайскою стеною... Согласитесь, граф угадал правильно. Кто-то хочет, чтобы мы оказались за нею в XXI столетии?

Так вот, насчет православной методологии... Граф А.К.Толстой никогда не рвал связи с каноническим православием. Что же до разных его масонских шалостей, то кто из искренне верующих христиан (православных в том числе), принадлежащих к высшему классу, не баловался чем-то подобным в XIX веке? Не только в России, но и в Германии, и во Франции, и т.д.?

Граф шутивно и одновременно всерьез спрашивает о том, кто, относя себя к Твари, может осуществлять дескрипцию интенций Творца по поводу им творимого? Как это в принципе возможно? Не построено ли в религии все и всегда на неисповедимости путей Господних?

Но если эти пути неисповедимы, то почему надо считать, что Ньютон или кто-то еще (тот же Дарвин) не раскрывали нечто в этих путях (конечно, не до конца и несовершенным образом), а клеветали на Божий Промысел? Каким должно быть научное открытие, чтобы его нельзя было интегрировать в Божий Промысел, который – по методологическим основаниям, применяемым в гиперпрограмме под названием «вера»! – всегда абсолютно эластичен?

Атеисты пели частушки: «Всю Вселенную прошли – нигде бога не нашли». Все понимали, что это чушь. Что прошли не всю Вселенную. Что понятие «нигде» для Бога вообще не существует. Что Вселенной все не исчерпывается. Наука никогда в этом смысле не посягала на Бога, если это была серьезная наука. Если отдельные «жрецы науки» это делали, то на свой страх и риск и в силу исторической ограниченности. Эйнштейн говорил о том, что со стороны Бога некрасиво бросать кости каждый раз, нечто определяя. Но он почему это говорил? Потому что считал, что Бог и не бросает эти кости. Ибо Он – единство истины, справедливости и красоты. Он не говорил, что Бог в принципе, если ему захочется, не может и кости побросать. Все он может. Ибо неисповедимы пути и так далее.

Вульгарнейший атеизм, действуя с определенными целями, мог подбрасывать малообразованным людям: «Вам говорили, что бог на облаке? А там самолеты летают, а бога нет». Может быть, Лоргус хочет подобную чушь выдать за позицию науки?

Борис Викторович Раушенбах – крупный ученый и вполне верующий человек. С его статьей «Четырехмерное пространство», опубликованной в сборнике «Пристрастие» (издательство «Аграф», 2000 год), каждый может ознакомиться самостоятельно.

Вначале Раушенбах вводит четырехмерность просто как существование, наряду с обычными тремя пространственными измерениями, четвертого. И оговаривает, что, когда теория относительности только появилась, за это новое четвертое измерение принимали время.

Далее Раушенбах пишет о том, что есть «значительно более сложное четырехмерное пространство, где четвертой координатой является не время (что себе легко представить), а тоже пространственная координата (что представить себе немислимо)». И указывает, что методы изображения этой немислимой ситуации (если есть четвертое пространственное измерение, то любая мистика допустима) давно были выработаны в русской иконописной школе.

Раушенбах размышляет о последствиях возрожденческого отказа от свойственных средневековому искусству приемов. О том, что художники Возрождения «границу между миром видимым и невидимым стали показывать изображением облаков». Но ведь Раушенбах понимает, что «границу между миром видимым и невидимым» просто стали показывать по-другому. То есть что «облака» в искусстве Возрождения – это все то же введение немислимой пространственной четырехмерности. Он считает эту инновацию неудачной... Не будем спорить. Подчеркнем лишь, что обсуждение УДАЧНОСТИ и НЕУДАЧНОСТИ методов показа пространственной немислимой четырехмерности лишь подтверждает, что речь идет ИМЕННО О ПОКАЗЕ ЭТОЙ НЕМИСЛИМОЙ ЧЕТЫРЕХМЕРНОСТИ, а не о чем-то другом.

Но наука на своем языке осваивает пространства с немислимой четырехмерностью, а также большим количеством собственно пространственных измерений, что совсем немисливо. При этом речь идет – и это особо важно – не об абстрактных математических n-мерных пространствах, а о пространствах физических (квантовых и космологических, прежде всего).

Наука и религия конкурируют друг с другом в том, что касается понимания сверхсложности подобной реальности. Такая конкуренция не носит антагонистический характер. Как поведет себя религия в этой ситуации? Любая ее попытка отказаться от конкуренции (и кооперации) с наукой в вопросе о сложности и сверхсложности приведет к тому, что пальма первенства перейдет к науке. Религии же останется пропись, элементарщина. Но в этом случае религия проигрывает.

Так что такое атака церкви на науку? Граф А.К.Толстой, как православный методолог XIX столетия, показывает, что это ересь. Это посягательство на Бога. На его прерогативы, на всевозможности Вседержителя. В чем изъян его методологических построений? И есть ли этот изъян?

Православный методолог XXI века А.Лоргус прекрасно понимает, что, с методологической точки зрения, изъяна нет. Существует Система (религиозная или иная). Существует Информация, отвечающая критериям достоверности («данные опыта» это называется, «верификация» и так далее). Как может Система не интегрировать в себя Информацию: данные науки, любые другие данные о мире, имеющие статус достоверности (при том, что достоверность всегда относительна)? Если Система этого не может, то одно из двух: или Система плохо построена, или... Или на самом деле она-то может, но ей мешают, чтобы развалить ее,

соорудив на пустом месте пустой и бесперспективный конфликт между Системой и Информацией.

Но А.Лоргус – не М.Лонгинов. Он и живет, согласитесь, несколько позже. И замахивается на нечто большее. Если бы он замахивался только на теорию эволюции, я не стал бы столь подробно это обсуждать. Но он замахивается на теорию развития вообще. А поскольку ему мало замахиваться на теорию с позиций чистой веры (он слишком хорошо понимает, чем это чревато), то он берет в союзники (чуть не сказал «в подельники») методологию и теорию систем. Мол, теория развития была хороша, пока не возникла теория систем.

Это классический игровой прием. Он же – политический «заход». Управляемый конфликт, так сказать. Манипуляция, она же – разводка. Вы хотите атаковать науку. Вы ее делите на «своих» (методологов и системщиков) и «чужих» (сторонников теории развития). Потом «свои» должны съесть «чужих». А вы – стоять, уперши руки в боки, и похихикивать. Чужими руками жар загребать.

Конфликт теории систем и теории развития? Не понял. Ну, гадом буду, – не понял. Я не выпускник психфака МГУ. Я кандидат физико-математических наук. Защищался в советскую эпоху, когда это кое-что значило. Защищался как раз по уравнениям, описывающим устойчивость систем, и сходным вопросам. У меня есть работы и по теории систем, и по распознаванию образов, и по обратным задачам. Я в политологии непрерывно применяю теорию систем.

Ну, так вот... Я не знаю ни одного профессионала, который осмелится сказать, что теория систем опровергает теорию развития. А у А.Лоргуса сказано именно это. Я не по реферативным выжимкам, данным М.Мироновой, сужу. Я А.Лоргуса сам внимательно прочитал. И мне его методологический прием ясен. Берем некие научные дисциплины (например, дисциплину X и дисциплину Y), сталкиваем их с научной же дисциплиной Z, потом организуем проигрыш дисциплины Z дисциплинам X и Y, а потом «подчищаем» все с помощью религии.

А.Лоргус делает буквально это. Дисциплина X – методология. Дисциплина Y (основной союзник А.Лоргуса) – теория систем. А дисциплина Z, которую надо разгромить, – теория развития. Вся теория развития целиком, понимаете?

Осуществляя такой методологический прием, надо ждать методологического же ответа. И не только от графа А.К.Толстого. В ожидании методологического ответа надо ознакомиться с теорией систем. Я не знаю, в какой мере А.Лоргус является специалистом по методологии.

Судя по тому, как он ею пользуется, тут есть вопросы. Но он психолог, методология близка психологии мышления... Все может быть. В конце концов, методология – это сфера гуманитарного знания. И в силу специфики знаний у нее есть свое, достаточно размытое представление о строгости.

Но с теорией-то систем все иначе! Это математическая дисциплина. Там есть иное представление о строгости. Есть алгоритмы и аппарат. Есть круг авторитетов. Этот круг вполне обозрим. И я твердо говорю, что сталкивать теорию развития и теорию систем может только человек, который в теории систем не понимает НИЧЕГО. То есть ничего вообще – за пределами модных сегодня ужимок: «Я, мол, системщик». Теория развития и теория систем не могут противостоять друг другу в принципе – с методологической, опять-таки, точки зрения.

Теория систем – это «что». Что развивается? Система. Любая динамическая система имеет траекторию (в обычном пространстве, если речь идет о механической системе, или в пространстве фазовых переменных, если речь идет о системе более сложной). Траектория определенного типа – это траектория развития.

Как отличить траектории, не являющиеся траекториями развития, от траекторий, являющихся траекториями развития? Как выявить типы траекторий развития, увязать эти типы с классами систем, решить обратную задачу восстановления системы по траектории? Этим всем должна заниматься теория развития.

И что значит противопоставить их друг другу? Примерно то же самое, что противопоставить слову «солёный» слову «огурец». Это логический, а значит и методологический, нонсенс.

Но что подобный казус знаменует собой в плане идеологическом (так и хочется сказать – схоластическом)? Что религия в том виде, в каком ее понимает Лоргус, не хочет бороться с наукой, оставаясь только на своей территории. Как достигается такая победа – понятно.

Говорится, что есть мистический опыт, опровергающий нечто (например, развитие).

Оппонент спрашивает: «Что за опыт?»

Ему отвечают: «Вам не понять. Наш опыт внутри системы, а вы – вне нее».

Оппонент указывает на мистический опыт других людей, находящихся внутри системы. Опыт, утверждающий, а не опровергающий нечто (например, развитие).

Ему отвечают: «Мы между собой разберемся, а вы тут лишний».

Ну, хорошо, я готов признать себя лишним.

Как быть с культурологией, историей религий, религиоведением – отдельный вопрос. Есть мнение, что всем этим можно заниматься только находясь «внутри». Принимаю, но с одной оговоркой. А сравнительным религиоведением должен заниматься кто? Экуменист? Немного чудно.

Но, в принципе, я готов рассмотреть все сразу: и отказ от развития с апелляцией к мистическому опыту, и разделение на тех, кто «внутри», и тех, кто «не внутри». Однако тогда религия не должна никогда апеллировать ни к какой науке. Она должна апеллировать только к религиозному опыту и создавать такие формы его осмысления, которые будут свободны от научного искусства.

Такой подход к религии существовал. Говорили ведь о «греческом соблазне», имея в виду увлечение античными философствованиями. Но это очень быстро было отмечено. Стало ясно, что подобный подход носит абсолютно тупиковый характер. Религии пришлось пойти на компромисс, взять внутрь себя и научный метод, и научные данные. Не сделай она этого – ей бы быстро пришел конец.

Ведь речь идет ни много ни мало о вопросе соотношения между Разумом и Верой. И «оскоромились разумом» люди веры не в XIX и не в XX столетии, а примерно тогда, когда Блаженный Августин заявил во всеуслышание, что без чтения греческих философов он пребывал бы во тьме. Он же не заявил при этом, что для него наука выше божественного! Он трактовал Платона и Аристотеля очень тонко и абсолютно своеобразно. И именно вокруг этих (и других, вкушающих от разума) трактовок сложилась хрупкая система христианского «вероразума». Начните изымать из этого сплава разум – система рухнет.

ПРОВОЦИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЫ НА РАЗРЫВ С РАЗУМОМ КАК ТАКОВЫМ – ЭТО ПОДРЫВНАЯ ОПЕРАЦИЯ. Говорю как специалист. Это точь-в-точь запуск Танатоса – но не по отношению к нации с определенным идеологическим опытом, а по отношению к конфессии.

Отношения между Разумом и Верой никогда не были гладкими и сусальными. На что опять-таки указывает А.К.Толстой, но и не только он, по этому поводу тысячи томов написаны. Да, они НЕ БЫЛИ гладкими. Но они БЫЛИ – были всегда! Кто-то говорил, что Разум подчинен Вере. Кто-то – что Вера подчинена Разуму. Кто-то предлагал тот или иной паритет в отношениях между Верой и Разумом. Кто-то особым образом трактовал Разум в его отношениях с Верой.

Возражат, что были и те, кто говорил: «Верую, ибо нелепо». Согласен. Без такой позиции религия мертва. Но такая позиция отдельных очень ярких личностей, позиция мистиков, духовидцев, отстраняющихся от разумного во имя ясности духовного зрения, всегда была интегрирована в институт под названием «церковь». И если бы эта позиция не была интегрирована в институт и отчасти растворена в нем, то религии бы не было. Была бы секта духовидцев... Потом оказалось бы, что у одних – одни духовные видения, а у других – другие. Дать оценку статусу духовных видений невозможно: то ли мистическое откровение, то ли соблазн... И все стало бы рассыпаться.

Чтобы не рассыпалось, как раз и нужен институт. Институт, а не отдельные, сколь угодно яркие, личности с их видениями, чурающиеся разума как препятствия и соблазна. Личности-то, может быть, и чурались. А институт с разумом никогда не порывал! Потому что понимал, что это бессмысленно. Что нельзя построить здание без веры, но и на одной вере его не построишь.

Номиналисты, реалисты и концептуалисты по-разному строили отношения между Знанием и Верой. Но они все и всегда эти отношения строили. В Средние века строили. Потом – тем более. Что такое Ренессанс? Это не безбожие, это иное давление античного Знания на христианскую Веру. Вера – выдержала.

Так они и жили... Этак полторы тысячи лет...

А потом наступило нечто, ради чего, в сущности, я так подробно все это обсуждаю. Нечто называлось «проект Модерн». Модернисты – не безбожники. Есть католические, протестантские и православные модернисты. Не разрывая с Верой, они приняли вызов Нового времени. Времени, породившего стремительный взлет науки и техники. А в силу этого – иное отношение к Разуму. Модернисты поняли, что теперь отношения с Разумом и Наукой надо строить по-новому. Или же уходить в глубочайшие катакомбы.

В эти катакомбы ушли так называемые контрмодернисты. Модернисты и контрмодернисты разошлись отнюдь не только в вопросе о внутрицерковных реформах. Да, и о них спорили. Но главным все же был спор об отношении к Разуму. Религиозный модерн согласился принять Разум в дом Веры на совершенно других основаниях, нежели это происходило ранее. А контрмодернисты на это не согласились.

Без религиозного модерна нет проекта Модерн как такового. А без этого проекта Модерн о каком развитии можно говорить с политической и стратегической точки зрения?

Многие путают Просвещение и Модерн. Эта путаница – от лукавого. Для меня лично и Просвещение – это великая эпоха с великими достижениями, со своими гениями, своими мучениками. Но вряд ли кто-то не согласится с тем, что Модерн намного шире Просвещения. Что в его основе – поиск новых внутрирелигиозных подходов к вопросу о Разуме и Развитии.

Прежде всего, речь пошла о соотношении Развития и Свободы Воли. Если Бог даровал Свободу Воли, то он сделал это зачем-то. Человек имеет право выбрать путь. И идти этим путем до конца. Он может идти к свету или к тьме. Кто-то говорил, что еще и к свету через тьму. Но это отдельный и очень сложный вопрос. В ходе этого движения человек меняется. Меняется, ибо борется. Меняется, ибо само приближение к чему-то может осуществить в нем фантастические перемены.

Являются ли эти перемены актуализацией того, что заложено, или возникновением чего-то совсем нового? Сложный вопрос. Понятно, что в примере, который приводит А.Лоргус (куколка, превратившаяся в бабочку), реализуется не индивидуальная, а внутривидовая программа. Куколке предписано стать бабочкой. И потому куколка несвободна. Но в примере с куколкой и бабочкой речь идет о природе. И о природном же роке. Куколка не человек. Она не может менять программы, написанные программистом под названием «природа». Куколка, как и бабочка, безраздельно принадлежат природному.

А человек? Разве уже культура не является вызовом господству природы? А вторая реальность – реальность сознания? И доколе простирается человеческая свобода? И есть ли у нее пределы, если она дарована Богом?

Впрочем, даже и в плане соотношения Развития и Природы... Что такое, например, мутация? Животное или зародыш облучили жестким радиационным излучением. Возник... ну, например, монстр... Имеем ли мы право сказать, что радиационное излучение актуализировало заданные траектории динамической системы под названием «животное»? Если цыпленок вылупился из яйца или куколка превратилась в бабочку, то ясно, что речь идет о заданных (и реализованных) траекториях. Но если из яйца вылупился мутант, а из куколки вместо бабочки выпорхнуло нечто другое, то это тоже заданная траектория?

Но тогда все на свете предзадано и говорить просто не о чем. На самом же деле уже приведенный пример, касающийся животного или растения, которые качественно менее свободны от диктата природы,

чем человек, доказывает, что возможно то, что не задано изначально. И это-то и называется прорыв.

На сверхсложную систему, способную выйти за рамки автоматизированных программ поведения, оказано абсолютно нетривиальное воздействие. Система в существующем виде на это воздействие ответить не может. Но она хочет жить. И она представлена миллионами, а то и миллиардами экземпляров с разной жизнеспособностью. Одни из них сверхнормативная нагрузка уничтожит, а другие преобразует («тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»).

Развитие – это ответ системы на испытание, задающее нагрузки, превышающие пределы прочности системы. Механическая или любая просто сложная система ответит на нагрузки, превышающие пределы ее прочности, одним-единственным способом: она разрушится. А вот сверхсложная система... Может быть, разрушится, а может быть, и нет. И в этом «может быть, нет» – механизм развития. Нет этого «может быть» – нет развития. И почему же это Творец не мог заложить такой механизм в Творение? Уже скоро компьютерщик сможет, а Творец нет? Странное отношение к Творцу (смотри А.К.Толстого). Странное – и, видимо, неслучайное.

Логика регресса

Обсуждение тех или иных религиозных идей... Рассмотрение сложных внутриконфессиональных мировоззренческих разногласий... Так ли все это актуально? Отвечает ли это заявленной теме? Почему этим надо

заниматься на страницах светского журнала, а не в специальных изданиях?

Эти вопросы абсолютно закономерны. И проще всего было бы свети ответ к одному – лежащему на поверхности – обстоятельству. Мы говорим: «Развитие или смерть!» А рядом представители весьма авторитетного института, церкви, утверждают устами священника и интеллектуала Лоргуса, что для христианина нет и не может быть развития как позитивной ценности. Если мы занимаемся политикой, мы не можем делать вид, что этого не происходит. Иначе это не политика, а башня из слоновой кости.

Читатель вправе спросить: «Кто об этом говорит? Представитель института или представители? Влиятельна ли эта точка зрения в элите, ориентирующейся на православие, в собственно православном сегменте

современного российского общества? Если даже эта точка зрения влиятельна, то так ли она пагубна в политико-стратегическом смысле? И, наконец, при чем тут светская часть российского общества?»

На часть из этих вопросов трудно дать прямые доказательные ответы. Косвенные ответы я уже давал. Читателю остается только поверить им. А также экспертным оценкам, согласно которым эта точка зрения влиятельна и имеет самые разные стратегические последствия. В том числе и собственно политические.

Ведь не только ваш покорный слуга, далекий от профессиональных дел, но и интегрированная в конфессию М.Миронова адресует, говоря о группе православных интеллектуалов, отрицающих развитие, как к тексту А.Лоргуса, так и к частным разговорам. Поскольку разговоры частные, то дальше вступает в действие система моральных ограничений. Они ведь на то и частные, чтобы на них не ссылаться. Кроме того, поскольку они частные, то любые ссылки будут бездоказательными.

Итак, читателю придется верить на слово и исходить из того, что, дискутируя с А.Лоргусом, я на самом деле дискутирую отнюдь не только с ним. И это в каком-то смысле меня оправдывает. Но лишь в каком-то смысле.

Беспокойство читателя по поводу того, что подробные рассмотрения неочевидных и достаточно тонких религиозных идей могут увести нас далеко в сторону, я полностью разделяю. И постараюсь этого избежать. А также привести аргументы в пользу такого рассмотрения.

Первый аргумент я уже привел. Если влиятельные группы говорят о том, что смыслы, весьма важные для России, несовместимы с развитием, то мы не можем не задуматься, так ли это.

И потому, что не хотим разговорами о развитии разрушить подобные смыслы.

И потому, что верим в развитие и не верим в то, что оно может оказаться антагонистичным великим смыслом, глубоко созвучным нашей культуре и государственности. Этот аргумент можно назвать идеологическим. Его надо поставить на первое место, но к нему нельзя все сводить.

Второй аргумент – стратегический. Тезис о несовместимости развития с той или иной религиозностью не нов. И выдвигается отнюдь не только христианами. В исламе, например, есть похожая авторитетная точка зрения, тоже разделяемая отнюдь не всеми мусульманами. И в католицизме есть. И в протестантизме. Странников невозможности сопряжения религии с развитием, как я говорил выше, называют контрмодернистами. Не фундаменталистами и даже не интегритами, а именно контрмодерниста-

ми. Мировая борьба между модернистами и контрмодернистами сегодня обострена до предела. Устраниться от участия в этой борьбе невозможно. Можно попытаться спрятаться. Но это не выход.

Хотим мы или нет, нам не избежать стратегической полемики по вопросу о Модерне и Контрмодерне. Эта полемика носит частный внутри-конфессиональный характер?! Да что вы! От нее, прошу прощения за пафос, буквально зависит судьба мира. И трата времени на разъяснения сути стоящих перед миром альтернатив вполне окупается важностью вопроса. Тем более, что альтернативы не вскользь касаются нашей основной темы – проблемы развития, – а сфокусированы ИМЕННО НА ЭТОЙ ПРОБЛЕМЕ.

Третий аргумент носит политико-метафизический характер. Россия затянута в воронку регресса. Сегодня она очень сильно отчуждена от источников, способных дать развитию контррегрессивную энергетику. Для того, чтобы преодолеть такое отчуждение, мало политических, социально-экономических, социально-культурных и даже философских рефлексий. Надо дойти до метафизических уровней. И там разбираться, почему оскудели живые ключи, энергетизирующие общество, и как это преодолеть.

В таких ситуациях всегда подробно и детально рассматривают метафизику как таковую, не пугаясь того, что это слишком абстрактно, слишком специфично и усложнено.

Если разберемся должным образом – уйдем от простого к сложному, от абстрактного к конкретному, от специфичного к общему. А если не разберемся – будем блуждать в потемках и удивляться, почему это у нас регресс, вопреки всему, остается макросоциальной тенденцией. Ведь не только потому он ею остается, что его пестуют, дают ему «зеленый свет» на телевидении, превращают в норму социального поведения. Нельзя сказать, что альтернативные направления удушены до конца. Почему же они не так популярны, как в конце 80-х годов? Почему нет тогдашнего спроса на сложную литературу, сложное кино, театр?

ПОЧЕМУ НЕ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ КУЛЬТУРНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РЕГРЕССА? В конце 80-х годов повестка дня, предложенная властью, не устраивала определенные слои общества. Но с какой энергией эти слои искали альтернативную повестку дня! Как спорили на кухнях, с какой активностью искали точки альтернативного предложения! Тогда все кипело страстями по развитию! Кипело вопреки очень скудному интеллектуальному рациону. Теперь рацион гораздо разнообразнее. А социального аппетита нет. Все так возлюбили деньги и упрощенные

удовольствия? Ясно, что не все... Но тогда откуда этот всеобщий сон на бегу? Понятно, что людей сознательно дебилизируют. Непонятно другое – почему это действие, очевидное до наглости, не вызывает адекватного противодействия.

В старом фильме Крамера «Благослови зверей и детей» дети пытаются спасти бизонов, которых будут отстреливать. Они преодолевают всевозможные препятствия и, наконец, выпускают бизонов на свободу. Но бизоны не хотят бежать в прерию.

Почему не хотят бежать в прерию развития дебилизируемые группы российского населения, эти метафорические бизоны?

Наша политика отчуждена от мирового (да и своего) опыта. Она не знает и не хочет знать прецедентов. Она не понимает, что не впервые в истории возникает этот больной вопрос. Что с таким же вопросом (почему не хотят бежать некие метафорические бизоны) сталкивались все, кто делал стратегические проекты. Например, еврей-сионисты, которые мучительно пытались понять, почему народ не устремляется в Палестину.

«Почему бизоны не бегут из Европы, где их будут зачищать?» – спрашивал себя и других Теодор Герцль, наблюдая рост европейского национализма и предвидя фашизм. За ответом политики ранга Герцля обратились не к психологам и методологам, а к метафизикам. Таким, как Гершом Шолем.

По существу, Шолем в своем ответе сказал, что отсутствие энергии связано с пересохшими метафизическими ключами. И стал заниматься метафизикой, заниматься детально и одновременно политизированно. И каждый раз, когда перед активистами различных проектов возникал вопрос, почему их бизоны не бегают, они шли на глубину, к метафизическим ключам. А не суетились на политической поверхности, перманентно впадая в ступор.

Я мог бы привести и более близкие примеры, говорящие о том, что глубокое рассмотрение так называемых «корней» (гносеологических, метафизических и т.д.) окупается в политическом смысле. Но стоит ли?

Конечно, я испытываю определенный дискомфорт, вступая на данную специфическую территорию. И, видит бог, не рвался к этому. Просто все так сошлось, что отказываться от обсуждения уже невозможно. Я был бы очень признателен, если бы инициативу на себя взяли современные православные мыслители. Интеллектуалы высшей пробы есть. Вряд ли все они встали на позицию отца Лоргуса (хотя кто знает?). И вряд ли им безразлично, как будет выглядеть конфессия в глазах мира (хотя, опять же, кто знает?).

Но по тем или иным причинам эти интеллектуалы молчат. Это их право. Но если все будут молчать – тогда какое развитие?

Итак, разрыв конфессии с развитием означает разрыв с Модерном. Во имя чего? Есть ли логический изъян в следующей схеме: «Если развитие скверно, то все, что ему противостоит, хорошо. И тогда регресс хорош. Он порождает архаизацию и возвращает в лоно. Если развитие скверно, то дело не только в том, чтобы не развиваться, а в том, чтобы наносить по развитию всевозможные удары. То есть противопоставлять развитию регресс. А как иначе бить по развитию?»

Все прекрасно понимают, что логических изъянов в данной схеме нет. Мне возразят, что долог путь от логики до политики. Не спорю. Ну, так я и хочу знать, какая часть пути уже пройдена. И при всей важности ответа на этот вопрос еще важнее установить, что, сказав «а» и осудив развитие, будут говорить «б» и бороться с развитием.

Итак, «Долой развитие! Да здравствует регресс!»

Но регресс ведь не движется до той точки, которая задана чьими-то конфессиональными пожеланиями! Начавшись, он не может привести общество в точку желанного кому-то нового Средневековья, а потом уйти, как сделавший свое дело мавр. Он не для того приходит, чтобы уходить. Все остальные уйдут – он останется.

Провозгласившие подобный лозунг православные интеллектуалы, если они интеллектуалы, не могут не понимать сокрушительности его последствий для христианства в целом. И неизбежности ухода общества от христианства в весьма специфическую «примордиальную архаику». «В язычество?» – спросят те, кто любит уточнять. Хотите, считайте так. Разве этого мало? Но на самом деле язычество не последняя остановка на триумфальном пути регресса.

Кстати, нельзя ли было бы уточнить, что такое – и в политическом, и в метафизическом смысле – Христианство, разорвавшее с Историей? Можно ли разорвать с Историей и не разорвать с Откровением? А может быть, существуют элитные группы, которые хотят Христианства, отступившего с территории Откровения на территорию Мифа?

Но будет ли это Христианство? Как оно удержится на этой самой территории Мифа? С какой именно – весьма своеобразной и никакого отношения к христианству не имеющей – эзотерикой оно должно сплестись, чтобы уцелеть на территории Мифа? О каком Мифе пойдет речь? Как присягнувшее ему «христианство» будет сопротивляться исламу, который вряд ли собирается отступать на территорию Мифа? Как оно будет сопротивляться религиям Востока, которые с территории Мифа

никогда не уходили? Ах, оно не хочет сопротивляться? Но есть закон систем! Система, которая не сопротивляется экспансии других систем, оказывается поглощенной ими. И что тогда?

Неужели же подобные экстравагантные новации порождены грезами о так называемом «национальном христианстве»? При том, что грезящие, называя себя православными, уже не хотят называть себя христианами? Но нельзя ли тогда попросить их более развернуто раскрыть понятие «нацхристианство»?

Есть понятие «национальная идеология». Пока мы оперируем этим понятием, все в порядке. Но речь обычно идет о секулярных идеологиях. Социалистической, например. Или какой-либо другой. Демократической, почему бы нет? Тогда появляются гибриды разного качества. Например, печально известный национал-социализм. Или национальная демократия... Что в ней плохого?

У определенных политиков возникает желание создать более сложные гибриды. Например, христианская демократия. Она создана? Создана. Есть вполне уважаемые партии. Например, что такое германская ХДС? ХРИСТИАНСКО-демократический союз. Значит, есть прецедент синтеза христианства и некоей идеологии.

А дальше может возникнуть и такая идея: если есть национальная демократия и есть христианская демократия, то почему не может быть христианско-национальной демократии?

Наверное, это возможно. И, безусловно, при этом христианское в рамках христианско-национальной демократии должно приобретать национальный оттенок. Но именно оттенок. Что значит перейти от оттенка к краске? Начнется вполне добропорядочный разговор о великом вкладе конкретной нации в общехристианское дело, а кончится заявкой на ее уникальность в этом деле. Соответственно, рухнет само дело: христианский универсализм. А под обломками гибнет все.

То есть, как только оттенок превратится в краску, краска станет коричневой. Но и этим не будут исчерпаны возникающие при подобных метаморфозах проблемы.

Нация – это субъект и продукт Модерна. Все мало-мальски корректное (христианско-демократическое и так далее), что наработано по части синтеза национального и христианского, **ВСЕЦЕЛО ОБУСЛОВЛЕНО МОДЕРНОМ.**

Контрмодернист не может апеллировать к нации. Если он и произносит это слово, то лишь по недоразумению, имея в виду на самом деле племя.

Отказавшись от Модерна, надо отказываться от упомянутых выше корректных (хотя и проблематичных) вариаций на тему конструктивного синтеза нации и христианства.

Термин «национальное христианство» в контрмодернистском исполнении оказывается тождествен термину «племенное христианство». Что-то в этом направлении разрабатывали... даже не Гиммлер, а Гитлер и Розенберг. Начинали-то они с этого, да кончили другим.

Гитлер показал, что такое синтез христианского и племенного! И что при таком синтезе от христианства остаются рожки да ножки. Конкордат Третьего рейха с Ватиканом как раз и был констатацией того, что «ножки ваши, а рожки наши». В нацистской Германии эстафета быстро перешла от изуродованного христианства к язычеству. Но и на этом все не закончилось. Родилась весьма специфическая религия смерти. Как и полагается, со своим Мифом.

Может быть, речь идет о том, чтобы десантировать за счет регресса наш народ на территорию этого Мифа и там уничтожить окончательно? Что сначала провозглашается по сути «долой развитие! да здравствует регресс!», а потом это плавно перерастет в «долой жизнь! да здравствует смерть!»?

Отказ православия от развития порождает сокрушительные для православия политические и «корпоративные» последствия. Но религия не имеет права все поверять лишь политической и «корпоративной» целесообразностью. Для религиозного человека метафизическая правда важнее политической целесообразности. Так в чем же эта метафизическая правда?

Ее политически необходимое обсуждение закономерно уводит нас на территорию крайней – и крайне специфической – сложности.

Прежде всего, обсуждать приходится онтологический статус Адама, находившегося в раю. А также место рая, то есть сакральную географию. Имеет ли Адам, находясь в раю, провиденциально замысленную полноту? Если он ее имеет, то ему дальше двигаться некуда. Только в сторону грехопадения. Но тогда имеет смысл говорить лишь об отрицательном движении. И Лоргус прав: метафизически развитие скомпрометировано. Однако если опираться на слова авторитетов церкви – и Святого Андрея Юродивого, и Григория Синайского, прокомментированные святителем Игнатием Брянчаниновым, – Рай, где пребывает Адам, не есть высшее небо. Рай – это первое («нижнее») небо. Тем самым у Адама остаются возможности позитивного движения вверх – от первого неба к небесам более высоким.

Спросят, возможно ли это даже для безгрешного человека, каким был сначала Адам? А разве нет указаний на то, что некто, поврежденный первородным грехом, поднимался выше первого неба? Разве не говорил об этом прямо апостол Павел во Втором послании к Коринфянам («Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба».)?

Разве есть хоть один церковный авторитет, который сомневается в том, что Павел говорил о себе? То есть, повторяю, о человеке, поврежденном первородным грехом? В любом случае, он здесь прямо говорит о наличии третьего неба. Святитель Игнатий цитирует рассказ Святого Андрея Юродивого, поведенный им иерею Никифору: «...Он, обратясь ко мне, сказал: "Не бойся, нам должно взойти выше" – и подал мне руку. Когда я схватился за его руку, – мы очутились выше второй тверди ("твердь" и "небо" суть одно. – С.К.). ...И опять руководивший меня обратился ко мне, и подал мне руку, говоря: "Нам должно взойти и еще выше". С этим словом мы очутились выше третьего неба, где я увидел и услышал множество Небесных Сил, поющих и славословящих Бога».

Далее Святой Андрей говорит о том, как после видения Владыки Христа он, «не понимая и сам, как» – снова оказался «ходящим по раю». Святитель Игнатий Брянчанинов пишет в книге «Слово о смерти»: «Из этого видения святого Андрея видно, что рай есть ближайшая к земле небесная обитель, или первое небо, превыше которого находятся другие небеса».

Наверное, кто-то может захотеть изъять из «христиански безусловного» апокрифы о Енохе, пророке Исае, а также Ветхий Завет с вознесением пророка Илии. И забыть, что в этом корпусе текстов есть упоминания и о седьмом небе. Но Павла из христианства изъять нельзя. И что-то мне неизвестно о каких-либо попытках игнорировать суждения и толкования Св.Игнатия Брянчанинова.

Но если Адам был всего лишь в Раю до момента грехопадения, то без этого самого грехопадения он должен был восходить, то есть развиваться. Значит, он не был совершенен настолько, что ему некуда было развиваться дальше. А значит, развитие в положительном плане существует. Изначальная природа, будучи благой, не являлась совершенной настолько, чтобы не быть улучшаемой! Спасение, обожение предполагает отнюдь не только восстановление изначального, но и превышение его. И это достаточно очевидно. Но это превышение, по определению, является фундаментальным позитивным развитием. И осуществляется

оно в историческом времени, которое тем самым тоже обретает фундаментальный же позитивный смысл.

Так что такое попытка Лоргуса скомпрометировать развитие с якобы церковных позиций? Или даже представить это развитие всего лишь как компенсацию?

А.Лоргус (и ведь не он один) пытается скомпрометировать не только движение, противопоставив его неизменности, но и меру этого движения – Время (противопоставив оное Вечности). Посмотрим, насколько это совпадает с представлениями церковных авторитетов.

Дионисий Ареопагит пишет в сочинении «О Божественных именах»: «Сущий (Исх.3,14) является сверхсущностной субстанциональной Причиной всякого возможного бытия, Творцом сущего, существования, субстанции, сущности, природы, начала, и Мерой веков, и Реальностью времен, и Вечностью сущих, и Временем возникающих, и Бытием всего, что только бывает, и Рождением всего, что только появляется... Всех сущих и веков бытие от Предсущего; и всякие вечность и время – от Него». Так, значит, время – от Него!?

Преподобный Максим Исповедник так комментирует Дионисия: «...Выход Божией благодати в чувственное, при его сотворении, мы называем временем». Время – выход Божией благодати!

Мы видим, что А.Лоргус хочет скомпрометировать Время, которое у Дионисия неразрывно с Сущим («Мера веков», и «Реальность времен», и «Время возникающих») и которое Максим Исповедник называет «выходом Божией благодати в чувственное». Так чем занимается А.Лоргус? Подкопом под Божью благодать? Подо что еще? Ясно, подо что! Под Творение!

Сборник, в котором напечатана статья Лоргуса, называется «Шестоднев против эволюции». Урок Лоргуса состоит в том, что, начав «за здравие», всегда кончают «за упокой».

Начав подкапываться под эволюцию, кончают подкопом не только под развитие, но и под Шестоднев. Сам по себе Шестоднев – это время? Время! Но тогда это благое Время! Это история? История! Но тогда это благая история! Значит, время и история могут быть благими?

Одно дело – рассуждать, кто творит (Бог или человек).

Другое дело – поставить под сомнение то, что Творчество разворачивается во Времени. И что именно Творчество, развернутое во Времени, представляет собой смысл Истории.

Я уже обсуждал ранее метафизические идеи странного толка, согласно которым якобы Большой Взрыв (в терминологии астрофизиков),

послуживший началом нашей Вселенной, метафизически равноценен изгнанию Адама из Рая. Не началу Творения то есть, а моменту грехопадения. Одно дело – сказать, что Бог за шесть дней своего творчества, развернутого во Времени, создал мир, разместил в нем Рай, а потом изгнал Адама из Рая, а Рай то ли сокрыл, то ли изъясил из мира. А другое дело – сказать, что все шесть дней Творения Бог работал не над этим миром, а над чем-то другим. А этот мир – то бишь Вселенная – является «отходами производства» под названием грехопадение.

Можно ли предлагать такую версию и одновременно осуждать гностицизм? Мне кажется, вопрос риторический. Но он ведь еще и политический, не так ли?

На самом деле противопоставление Времени – Вечности весьма и весьма коварно. Потому что в этом противопоставлении осуществляется сокрытие разнокачественности самого времени. Шестоднев – это Время, но это сакральное Время. Бог не отстранился, сотворив мир. В противном случае, чем является пришествие Сына?

Для всех мировых культур очевидно наличие сакрального Времени, врывающегося в обычное. Любая культура это чувствует, но наша, пожалуй, острее других. «Душа ПРАЗДНИКА просит», – говорят далеко не благообразные герои Шукшина. В России время праздника всегда ощущалось как особое время. В каком смысле особое? В том, что сакральное.

Праздник разворачивается во времени. Он без этого разворота во времени немислим. Но он разворачивается в ДРУГОМ, отчасти сакральном, времени. Не разворачиваясь во времени, он не является действием. А он является действием! Любое действие – церковное, ритуальное – имеет фазы и предполагает мистериальность. Что такое мистерия? Это чередование сакральных жестов и сакральных слов. Это процессуальность, не так ли? Как она может существовать без времени?

«Душа праздника просит», она просит сакрального очистительного Времени. И разве неясно, что сама Душа находится в очень плотном переплетении со временем? Плотность этого переплетения варьируется. Но подчас ее так наращивают, что становится в принципе невозможно разделить Душу и Время. Так что же, компрометация Времени должна стать еще и компрометацией Души?

Я уже говорил о том, что небестрепетно «десантируюсь» на территорию внутриконфессиональной метафизики. Но Лоргус-то десантируется бестрепетно на территорию науки (той же теории систем, например)! И как дискутировать? Я не хочу уподобляться Лоргусу и выступать с по-

зиций «симметричных ответов». Однако какой-то ответ должен быть дан, иначе неизвестно, куда это все пойдет.

А.Лоргус не ограничивается в своих заходах на территорию науки теорией систем. Он еще и апеллирует к термодинамике, утверждая, что Творение полностью подвластно энтропии (Второму закону термодинамики) и что, соответственно, у него нет потенциала саморазвития. А.Лоргус параллельно с подобными рассуждениями противопоставляет науку XXI века науке XIX века.

Странно, что А.Лоргус при этом еще и учительствует по части методологии. Потому что в такой апелляции, таком выборочном черпании нужного ему из науки и таком противопоставлении науки XIX века науке XXI века нет никакой логики. И ему на это укажет любой грамотный методолог. Фатум Второго закона термодинамики – это типичное наследство науки XIX века. Мол, мир охладевает – и что с этим поделаешь? Или фатум, или Промысел. Но уже в начале XX века в ответ на коварный вопрос: «Что будет с человечеством, когда погаснет Солнце?» – звучал ответ: «Мы зажжем новое». Атомная бомба еще не была изобретена. Водородная тем более. Но наука уже отрицала фатум Второго закона термодинамики. А далее, по мере все более глубокого проникновения в тайны мироздания, философы науки все чаще рассматривали модель, в которой человек, доразвившись, находит способы согреть Вселенную, противостоя Второму закону термодинамики.

Пусть бы А.Лоргус почитал корифеев того, что он называет «методологией». Ильенкова, который был огромным авторитетом для Зиновьева и Щедровицкого, а значит, и для всей методологической школы. Или Лефевра, который просто является одним из отцов-основателей методологии. Все они писали о возможности такого антиэнтропийного космического действия, осуществленного человеком. Впрочем, еще задолго до них об этом грезил верующий христианин Рихард Вагнер. А Ильенков непрерывно слушал музыку онго.

Хорошо это все или плохо – пусть каждый сам решает для себя. Кто хочет, пусть скажет: «Вот какая гадость, эта наука». Но пусть этот кто-то не профанирует объем проблемы, не навязывает науке какие-то школьные проповеди, от которых она ушла невероятно далеко. Для Лоргуса термодинамика – это линейная классическая термодинамика. Сегодня есть и квантовая термодинамика, и нелинейная термодинамика самоорганизующихся систем... И в это лезут, апеллируя к классической энтропии?

Однако почему, собственно, надо зацикливаться на термодинамике? Есть же еще и теория информации! Тем более, что Лоргус говорит о теории систем как альтернативе теории развития. Что, и здесь он будет пугать общественность энтропией? После Людвиг фон Берталанди, Норберта Винера, Джона фон Ноймана? После того, как специально было введено понятие «негэнтропия» и этим подчеркнуто, что информация вне юрисдикции энтропии? Что там, где есть информация (между прочим, третье состояние бытия – не материя и не энергия), там с этой самой энтропией все совсем не по учебнику физики Перышкина.

Наука XXI века – это в очень большой мере синергетика. Очень серьезные православные физики рассматривали вопрос о том, как научная синергетика соотносится с религиозной. Предполагая, что придется дискутировать по вопросу о развитии, я об этом упоминал. Сейчас настало время для более развернутых обсуждений.

А.Лоргус говорит, что формы не усложняются... М.Миронова с ним солидаризируется в этом вопросе... Как это они не усложняются?

Между прочим, говоря «усложняются» или «не усложняются», вы уже прибегаете к логике. К выбору между «да» и «нет». И как осуществить этот выбор? К каким аргументам апеллировать? Один скажет, что все эти формы суть модификации совершенной Протоформы. Другой скажет, что формы следуют одна за другой. Как выбрать между двумя утверждениями? Вы готовы предъявить совершенную Протоформу (Форму Форм)? Готовы показать, что это она сама себя трансформирует, создавая видимость усложнения? Но ведь показать (то есть доказать) этого нельзя! Значит, речь идет о самодостаточной Вере, освобождающейся от диалога с Разумом. Ну, освободились...

Разум же будет набирать и набирать доказательства. Вот царство протоэлементарных частиц (кварков)... А вот уже возникает агломерация таких частиц, и появляются элементарные частицы как таковые. Вот зоны Вселенной, где ничего, кроме элементарных частиц, нет. А вот зоны, где есть атомы, но нет ничего другого. А вот уже молекулы... Потом кристаллы... Органические молекулярные цепочки невероятно сложного типа... Еще нет жизни, а восхождение форм началось. Потом возникает жизнь... Она качественно меняет свои формы и потенциалы...

Формы восходят. Почему в этом не может быть Божьего Промысла?

Почему это восхождение не может продолжаться и дальше?

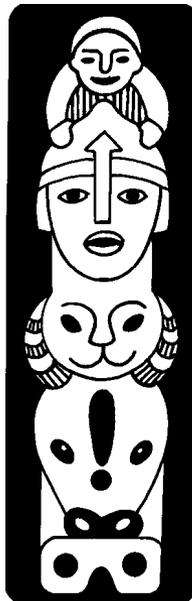
И почему время – только порча, а не нечто совсем другое?

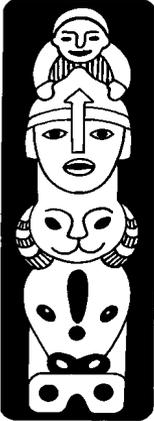
**Да, мертвая история возрождается,
минувшее становится нынешним,
если того требует сама жизнь.**

Бенедетто Кроче

Мы считаем, что то, что называется истиной, всегда в большей или меньшей степени включает в себя ошибку – ошибку, на которую каждая эпоха имеет право и без которой она не может обойтись...

Хосе Ортега-и-Гассет

Ютта Шеррер

«СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК» В ДВОЙНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ПАМЯТИ*

НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКОВ
КУЛЬТУРОЛОГИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

The author deals with problems of the present-day cultural studies. This discipline contributes to creation of the new, post-Communist man and “man of culture”. The civilizational approach to history develops in close connection with cultural studies. The author focuses on problems of the Silver age discovered by representatives of the civilizational school of the Russian humane studies. For the authors of textbooks on cultural studies the Silver age is connected primarily with the Russian religious thought. Culture as religion is the old idea of Symbolists rediscovered by the present-day specialists on cultural studies. This trend of humanitarian and philosophical reflection and theory considers the end of the 19th and the early 20th centuries as an age of spiritual upsurge though attained at the expense of failure to investigate specific historical facts, in isolation from the actual economic, political and ideological context. The Silver age is becoming a Utopia in the present-day Russia and this Utopia is offered as an effective model which pretends to be a role model. The article is a discussion reflection on approbation of the past which is being performed for ideological purposes.

Ключевые слова: я, стор, ческая память, я Серебряный век, я постсоветская Росс, я, учебн, к, я культуролог, , яц, в, л, - зац, онный под. од. я

* Журнальный вариант доклада на Международном научном colloquium «Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века)» (июнь 2007 г., Санкт-Петербург), готовящегося к публикации в одноименном сборнике.

И зучая процессы конструирования идентичности в постсоветской и посткоммунистической России с точки зрения исторической и культурной «памяти», я с особым вниманием следила в последнее время за новыми тенденциями в области образования. Смысл этих тенденций заключается в том, чтобы представить обществу основополагающие нормы и ценности, необходимые для формирования молодого гражданина постсоветской эпохи. Именно этот интерес и привел меня к культурологии, включенной (1992) в программу ВУЗов как обязательная дисциплина для всех первокурсников и ставшей через несколько лет также обязательной в последних классах средней школы.

Культурология, без сомнения, отражает наиболее знаменательную и в то же время упрощенную попытку смены парадигмы в гуманитарных науках – смены, начавшейся в эпоху перестройки и усилившейся после распада Советского Союза. «Переоценка ценностей», которой занимается культурология, осуществляется посредством простого переворачивания марксистско-ленинской парадигмы, остававшейся в силе вплоть до конца социалистического режима: если тогда производственные отношения определяли историю и бытие, то отныне эта функция закреплена за культурой и цивилизацией (оба термина используются как взаимозаменяемые). Экономическая закономерность была заменена закономерностью культурной, материальная структура – структурой духовной (до этого рассматривавшейся как «суперструктура»). Культурный или цивилизационный детерминизм заменил прежний экономический детерминизм, и именно культурология должна теперь объяснять историю, став новой философией истории. Начавшаяся институционализация культурологии обеспечила сотням, если не тысячам, преподавателей марксизма-ленинизма новый смысл существования.

Между тем ярко выраженная идеологичность культурологии, характерная для ее обязательного преподавания в 1990-е годы, заметно изменилась: в некоторых университетах были созданы кафедры культурологии, целью которых стало продвижение дисциплины, близкой *cultural studies* в англо-американском или *Kulturwissenschaften* в немецком учебном мире. Программы аспирантского обучения, разработанные на нескольких новых кафедрах культурологии, свидетельствуют о серьезных усилиях, предпринятых для освоения методов, которые долгое время были игнорируемы или запрещены в Советском Союзе. Тем не менее большинство учебников культурологии (количество которых непрерывно растет и на которых основан в данном случае мой анализ) отражает попытку утвердить, так же как и раньше, систему ценностей, вы-

работанную в ходе пересмотра русской истории. Цель этого пересмотра – способствовать «созданию» нового посткоммунистического человека, «человека культуры», по выражению культурологов.

Более или менее явным образом все учебники культурологии предлагают ответы на вопросы типа «Кто мы?» или «Куда движется Россия?». Авторы этих учебников куда меньше занимаются конкретным анализом культур или цивилизаций в собственном смысле этих терминов и еще менее состоянием культуры в бывшем Советском Союзе, чем экзистенциалистскими и даже эссенциалистскими рассуждениями о том, как относиться к новым, посткоммунистическим, реалиям. «Если бы Россия вернулась к системе ценностей предреволюционной эпохи и взяла бы их за основу национальной идеи, – утверждает Т.Ф.Кузнецова, президент Научного и методологического совета при Министерстве образования, – культурология, несомненно, стала бы общественной дисциплиной самого первого плана»¹.

В тесной связи с культурологией развивался цивилизационный подход к истории, также обозначаемый иногда неуклюжими терминами «цивилизациология»² и «цивилиография»³. В определенной степени культурология является «естественным» продуктом этого подхода, который, в свою очередь, представляет собой новую тенденцию в русской историографии последних десяти–пятнадцати лет. Совсем недавно Министерство образования РФ добавило к изучению истории в последних классах школы и в течение первого университетского семестра как дополнительный предмет *историю мировых цивилизаций* и главным образом русской цивилизации. Постоянно увеличивающееся число учебников свидетельствует о важности этого направления; в отличие от формационного подхода, акцент здесь делается, прежде всего, на России как локальной цивилизации, т.е. самостоятельной, никак не связанной с другой цивилизацией⁴.

¹ См.: *Проблемы культурологии. Обсуждение в ИНИОН РАН // Новая и новейшая история*. 2000. №4. С.84.

² Трофимова Р.П. *История русской культурологии*. М.: Академический проект, 2003. С.491.

³ Я ссылаюсь здесь, в частности, на историка Алтайа Оразбаеву из Академии наук Казахстана, которая в своих выступлениях в Высшей школе общественных наук (Париж) в 2004–2005 гг. подтвердила, что термин «цивилиография» широко используется в процессе конструирования идентичности не только в Казахстане.

⁴ По поводу многочисленных определений «идеи России как цивилизации» см.: Шаповалов В.Ф. *Россиеведение. Учебное пособие для ВУЗов*. М., 2001.

Главной целью обеих новых дисциплин является выявление в русских истории и культуре тех ценностей и норм, на которых должна основываться новая национальная и культурная идентичность и исходя из которых создаваться «новая» память. Культурология, в частности, предлагает заполнить идеологическую пустоту, образовавшуюся после отказа от коммунистической системы и связанных с таковою ценностей, норм, идеалов – отказа, чреватого кризисом национального и культурного самопознания. Поле культурологии – не «вся» культура, а «комплекс средств и механизмов, создающих ценности, нормы и смыслы», – объясняет А.Я.Флиер⁵. Культурология и, в меньшей степени, цивилизационное направление заполняют, следовательно, то, что «теоретики» считают эмоциональной и нравственной пустотой. Эти дисциплины заменяют собой утраченные общественные нормы и идеалы с тем, чтобы служить основанием для развития посткоммунистических общества и национального государства⁶.

В своих попытках реапроприации нового восприятия норм и ценностей превозносимого и даже мифологизированного прошлого предреволюционной России культурология и цивилизационное направление открыли «Серебряный век». Он рассматривается не только как замечательный период отечественной истории и культуры, но и, прежде всего, как сокровищница идей для ответов на вопросы о «кризисе» нынешней эпохи⁷. Опираясь на *la raison d'être de la Russie dans l'histoire universelle*⁸, авторы учебников культурологии стремятся определить куль-

⁵ Флиер А.Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // *Общественные науки и современность*. 1997. №2. С.125. – Автор является президентом первого университета культурологии, основанного в Москве.

⁶ Более подробная характеристика новой дисциплины дана в книге: Scherrer J. *Kulturologie. Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. См. также: Шеррер Ю. Культурология и учебники по культурологии в России глазами западного историка // *Вестник Института Кеннана в России*. М., 2004. №6. С.20–31.

⁷ Определение, даваемое представителями указанных направлений.

⁸ Цитата из сообщения «Русская идея», сделанного В.Соловьевым по-французски в 1888 году. Эта формулировка была позднее переведена на русский как «смысл существования России во всемирной истории» (Solov'ev V.S. *L'idée russe*. Paris, 1888 // Solowjew W. *Werke / Szyllkarski W.* – Red. Bd.III. Freiburg; Br., 1954. S.28). Один из многочисленных «культурологов», ссылающихся на это высказывание: Драч Г.В. *Культурология*. Ростов-на-Дону, 1995. С.342.

турологический смысл для существования постсоветской России. Знаменательно, что для некоторых из авторов советский период является своего рода отступлением, периодом, взятым в скобки. По их мнению, культурное развитие постсоветской эпохи должно начинаться именно там, где русская культура «Серебряного века» была жестоко остановлена в своем развитии большевистским «государственным переворотом» – как если бы в 1917 году русская культура перестала существовать (за исключением прямого продолжения в эмиграции), а советская эпоха и вовсе не имела бы культуры...

Напомним, что понятие «Серебряный век» возникло не в советских пособиях по русской литературе и, кстати говоря, не в классических работах на эту тему, опубликованных на Западе. Упомянем «Историю русской литературы» под редакцией Ефима Эткинда, Жоржа Нива, Ильи Сермана и Витторио Страда. Это была одна из первых попыток в западной славистике ввести в оборот термин «Серебряный век» для обозначения определенной эпохи (том «Двадцатое столетие. Серебряный век»)⁹. Однако в исследованиях по истории культуры, написанных в основном англо-американскими авторами, понятие *Silver Age* получает признание начиная с 1970-х – 1980-х годов. Этим работам часто присущи чрезмерная идеализация данного периода, сведение его культурной ценности лишь к духовности (как если бы художественные и эстетические инновации объяснялись почти исключительно «религиозным возрождением», а духовная культура была лишена какой бы то ни было связи с обществом)¹⁰. К авторам подобных трудов относятся Бернис Глэйсер Розенталь¹¹, Джон Э.Боулт¹², Джеймс Биллингтон¹³, Николай Ржевский¹⁴ и многие другие. Для Марка Раева, который сам был сыном русских эмигрантов, эмиграция

⁹ *Histoire de la littérature russe. Le XXème siècle. L'Age d'Argent / Ed. par E.Etkind, G.Nivat, I.Seman, V.Strada. Paris: Fayard, 1987.*

¹⁰ *Billington J. Russia in Search of Itself. Washington, 2004. – Здесь «Серебряный век» отождествляется с «русской идеей», а также с русским ренессансом.*

¹¹ *Nietzsche in Russia / Rosenthal B.G. – ed. Princeton, 1986; Rosenthal B.G. D.S.Merezhkovsky and the Silver Age. The Hague, 1975.*

¹² *Bowlt J.E. The Silver Age: Russian Art of the Early Twentieth Century and the «World of Art». Newtonville, Mass., 1979. – Хотя Боулт и не определяет в этом исследовании термин «Серебряный век».*

¹³ *Russia in Search of Itself. Washington, 2004.*

¹⁴ *Редактор издания: The Cambridge Companion to Modern Russian Culture, Cambridge, 1998.*

целиком уходила своими корнями в «Серебряный век»¹⁵. Другие историки этой эпохи, такие как Лора Энгельштейн, используют термин *Rossia fin de siecle*, более нейтральный, чем «Серебряный век», и позволяющий объединить самые различные аспекты этого периода¹⁶.

Короткий период между «концом века» и Октябрьской революцией или (для авторов некоторых учебников) до конца 1920-х годов представляет собой в глазах культурологов не только богатейший источник для возвращения забытых ценностей индивидуума и его творчества, но и является по преимуществу чем-то мифическим. Подчеркнем, что мифическая фигура «Серебряного века» действительно родилась в ностальгической памяти русской эмиграции. Именно эмиграция сравнивала свое утраченное прошлое с «Золотым веком» поэзии пушкинской поры¹⁷.

Понятие «Серебряный век» долгое время ошибочно приписывалось Николаю Бердяеву¹⁸, тогда как он пропагандировал в эмиграции понятия «русский культурный ренессанс»¹⁹, «русский духовно-культурный ренессанс»²⁰ или «ренессанс духовной культуры»²¹, которые в интерпретации культурологов становятся символами периода «Серебряного века». Оба понятия (и «Серебряный век», и «русский духовно-культурный ренессанс») вновь активно используются в учебниках²² для названия отдельной главы, посвященной культуре и обществу России перед великим переломом большевистской революции²³. Сам Николай Бердяев,

¹⁵ Raeff M. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1919–1939*, N.Y.; Oxford, 1990.

¹⁶ Engelstein L. *The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia*. Ithaca; L., 1992.

¹⁷ См. об этом: Roven O. *The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature*. Ann Arbor, 1997.

¹⁸ Маковский С. *На Парнасе «Серебряного века»*. Мюнхен, 1962.

¹⁹ Бердяев Н., *Русская идея*. Париж, 1946. С.200.

²⁰ Там же. С.222.

²¹ Бердяев Н. *Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь»* // Бердяев Н. *Типы религиозной мысли в России. Собрание сочинений*. Т.3. Париж, 1989. С.684.

²² Речь идет об учебниках и культурологии, и даже «отечественной истории» двадцатого века – для старших классов средней школы.

²³ См., например, главу «Серебряный век русской культуры» в: Данилов А.А., Косулина Л.Г. *История России. XX век. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений*. 4-е изд. М.: Просвещение, 1998. С.77–86.

философ, проклятый в советскую эпоху, стал властителем умов культурологов²⁴. Он обильно цитируется (впрочем, без учета часто меняющегося контекста его цитат или же без точных ссылок) и служит главным авторитетом в открытии «Серебряного века». Бердяев затребован для новой культурологической парадигмы, дважды мифической в нынешнюю эпоху. В своей репрезентации постсоветские культурологи создают миф на основе другого мифа: «Серебряный век» воспринимается ими через призму, сквозь которую русская эмиграция взирала на собственное дореволюционное прошлое.

Совершенно некритичный подход к метафорам, заимствованным из другой эпохи, – вот что прежде всего бросается в глаза в культурологических построениях. Так, образ «русской души», используемый Бердяевым вместо «русской идеи»²⁵, заимствован у него без малейшего критического вопрошания об обстоятельствах своего возникновения. К сожалению, культурологи не занимаются систематическим чтением текстов, их чтение фрагментарно и определяется случаем. Они не знают выдающихся авторов «Серебряного века» и реконструируют эту эпоху через мемуарную литературу, которую находят почти случайно.

Показательно, что, в отличие от литературной критики, пользующейся применительно к этому периоду такими дефинициями, как символизм, декадентство, акмеизм, футуризм, для авторов культурологических учебников «Серебряный век» связан преимущественно с русской религиозной мыслью. Если некоторые культурологи и готовы согласиться с тем, что символистское, модернистское, акмеистское, футуристское, даже авангардистское течения не ограничивались Россией, все они тем не менее согласны видеть в русской религиозной философии уникальное явление, выражающее русскую «особенность», – явление, усиленное иконописью, которая была открыта в «Серебряном веке». Религиозная философия подается ими как воплощение русской духовности; она является носителем «русской идеи», за которой стоит «общее дело», духовное сообщество, т.е. единство одного человека с другим в общественной группе, или знаменитая соборность. В русской религиозной философии нашло источник вдохновения то, что обозначается сегодня архаичным термином «историософия», т.е. способ мыслить историю как цельность и на фоне русского мессианизма. Согласно

²⁴ За ним следуют Владимир Соловьев, Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Василий Розанов, Иван Ильин и другие.

²⁵ Особенно в его книге «Русская идея» (Париж, 1944).

В.В.Зеньковскому, русскому философу-эмигранту, историософия «коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей "русской души"»²⁶; именно этим историософия отличается от философии истории, более общей и абстрактной. Так, русская религиозная философия более, чем любая другая составляющая «Серебряного века» (поэзия, литература, живопись, танец, музыка, театр, балет), позволяет в глазах культурологов идентифицировать русскую культуру как автономную, т.е. независимую от Запада. Это «новое религиозное сознание» придает русскому символизму его метафизические, мистические и эсхатологические особенности и делает его таким образом «русским»²⁷.

Своеобразие русской культуры также усилено отсылкой к другому «продукту» «Серебряного века»: философии «русского космизма»²⁸. Последний основывается на русской религиозной философии единства человека и вселенной – связи, которую Запад, с присущим ему рационализмом, никогда не устанавливал, как подчеркивают культурологи. Русский гений находит свое наиболее оригинальное выражение в «космизме»: прямой связи между религией (у Н.Ф.Федорова) и наукой (у К.Э.Циолковского, В.И.Вернадского и А.Д.Чижевского)²⁹, способности рассматривать мир как «живой организм», как «целостную одушевленную космическую систему», как единство природы и духа. Эта космическая одухотворенность, или «космологизм», лежит в основе духовных исканий не только философов Соловьева, Розанова и Лосского, но и поэтов Брюсова, Белого, Блока, художника Врубеля и композитора Скрябина³⁰. Указанное единство человека и космоса и характеризует русскую культуру.

Как уже указывалось, большинство авторов учебников культурологии и цивилизационного направления ставят понятие «духовный ренессанс» выше понятия «Серебряный век», так как оно главенствует над всеми другими эстетическими и художественными течениями своего

²⁶ Зеньковский В.В. *История русской философии*. Т.1. Париж, 1948. С.18.

²⁷ Ссылаясь на «новое религиозное сознание», «культурологи» высказываются крайне туманно по поводу определения этого явления, не объясняя ни его настоящего содержания, ни его связи с традиционным православием.

²⁸ Кравченко А.И. *Культурология*, М.: Академический проект, 2001. С.451–452.

²⁹ *Российская цивилизация* // Мчедлов М.П. – Ред. М.: Академический проект, 2003. С.302.

³⁰ *Культурология. Курс лекций* // Радугин А.А. – Ред. М.: Центр, 1997. С.270. См. также: Гуревич П.С. *Культурология. Учебное пособие*. М.: Знание, 1999. С.276–278.

времени. У России, которая, по их мнению, в отличие от Западной Европы, не знала эпохи Ренессанса, возникло, наконец, свое Возрождение – причем в тот исторический момент, когда западноевропейские народы уже давно забыли собственный Ренессанс. Через десятки, если не сотни, лет опоздания Россия, как можно прочесть в учебнике А.И.Кравченко, достигла уровня Запада и даже опередила его в области искусства. Более того, Россия произвела то, чего Запад никогда не знал: русскую религиозную философию и философию русского «космизма»³¹.

Речь, конечно же, идет о русском Ренессансе. Если итальянский Ренессанс отсылал к Античности, моделью для «Серебряного века» была классическая эпоха русской культуры – «золотой век» пушкинской поэзии. И если европейский Ренессанс был гуманистским, русский Ренессанс – духовным. Духовность приписывается исключительно русской интеллигенции; благодаря «беспрецедентной социально-культурной активности интеллигенции»³², можно говорить об универсальности русской культуры начала XX века. Это интеллигенция стала рассматривать культуру как мораль и религию. В течение двух десятилетий «Серебряного века», как следует из учебника культурологии, интеллигенция пыталась разрешить вопросы, волновавшие ее на протяжении столетий. И, наконец, она нашла ответ в характерной черте русской культуры – религиозности. Главной составляющей в формировании нового типа культуры признана отныне вера, а не разум. Вот почему в России ищут не просто новые ценности и новые идеалы. Ищут ценности вечные – «внеисторическую мудрость»³³.

Интеллигенция также вызвала к жизни «человека культуры». Но, прежде всего, она создала тот культурный синтез – «Серебряный век», который культурология хочет сегодня заменить, выдвигая себя как метанауку, преодолевающую специализацию и фрагментацию гуманитарного знания на Западе. Творческая интеллигенция, носительница ценностей русского духовного ренессанса, становится для культурологов настоящим мифом, который находит свое воплощение в сборнике «Вехи», вышедшем в 1909 году. Примат духовности, противопоставленный авторами «Вех» образу мысли и поведению интеллигенции их эпохи, понят культурологами как констатация факта: интеллигенция *per se* является духовной, идеалистической, метафизической и религиозной...

³¹ Кравченко А.И. Указ. соч. С.451–452.

³² Российская цивилизация. С.301.

³³ Культурология. Курс лекций. С.271.

Как здесь, так и там исторический контекст полностью игнорируется. При этом сегодняшняя принадлежность к интеллигенции определяется исключительно через ценности, установленные раз и навсегда культурологией.

И.В.Кондаков – единственный, кто упоминает о связи, существовавшей между мистическими и религиозными исканиями интеллигенции и ее предрасположенностью к социалистическим и революционным идеям³⁴. Ссылаясь на концепт «грядущего хама» Мережковского и «крушения гуманизма» Блока, исследователь усматривает специфику «Серебряного века» именно в том, что его представители относились к революции как к «явлению культуры». Для большинства культурологов, однако, интеллигенция «Серебряного века» воплощает в себе полный отход от политики в сторону духовности, что свидетельствует о совершенном незнании того, насколько активно она была вовлечена в общественно-политическую жизнь и насколько эта вовлеченность оказывалась сильнее идеологических разногласий.

«Человек русского ренессанса двадцатого века», переживший конец «Серебряного века» и высланный из страны в 1922 году на «философском пароходе», спас ценности и нормы этой эпохи в зарубежной России, сохранил великую русскую культуру. Эмиграция представляется культурологам прямым продолжением культуры эпохи «Серебряного века». После интеллигенции, носительницы культурных ценностей, эмиграция для них – еще одно мифическое явление, укорененное в «Серебряном веке».

Атмосфера «конца века», апокалипсическое ожидание «конца культуры» (Мережковский) или же конца истории, тревога (порожденная разрывами и переломами в русском обществе) часто представлены в учебниках культурологии категориями, до некоторой степени аналогичными понятиям нынешней эпохи рубежа XX–XXI вв. (также рассматриваемой как переломная: конец советского режима и тревожное ожидание неизвестного будущего). Предчувствие конца царизма и русской государственности философами и писателями «Серебряного века» ставится в параллель с чувствами людей эпохи нынешней (особенно в 1990-е годы, в эпоху Ельцина). Духовные искания «Серебряного века», возврат интереса к главным проблемам человека переносятся на нынешнюю эпоху. Слова Бердяева о том, что «духовный ренессанс» мог

³⁴ Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997. С.364–365. – Книга написана культурологом, преподающим в московском РГГУ.

бы стать освобождением от общественного утилитаризма³⁵, поставлены в параллель сегодняшнему освобождению от советского материализма. Возвращение религии в последнее десятилетие рассматривается как аналогия разрыва, осуществленного выдающимися деятелями «Серебряного века», с атеистической традицией их эпохи. Призыв вернуться к духовным ценностям, брошенный интеллигенцией в «Вехах», заимствован культурологами, которые приспособливают его на свой лад, подменяя концепт общества концептом личности, отдельного человека. Культурология предлагает создать на фоне «переходной культуры»³⁶ (которую представляет для нее «Серебряный век») «человека культуры» – единственного, кто способен к сопротивлению глубоким переменам современной жизни.

Культурологи присваивают устоявшийся образ интеллигенции «Серебряного века» как создательницы духовных и культурных ценностей (*Kulturtrager*). Культура как религия – эта старая мысль символистов была вновь открыта культурологией, для которой этимологическое объяснение (слово «культура» происходит от слова «культ») является достаточным доказательством правильности мысли³⁷. «Новое религиозное сознание» «Серебряного века» мобилизовано для того, чтобы создать впечатление преемственности сегодняшней России по отношению к той эпохе. Реинтеграция православия в новую русскую идентичность осуществляется у культурологов на фоне духовного ренессанса «Серебряного века».

Апология «Серебряного века», превозносимого культурологией, сводится, таким образом, к ностальгии по великому «культурному синтезу». Однако в том виде, в котором эта апология часто осуществляется культурологами, она служит им не чем иным, как оправданием их собственной цели: выработать ориентиры для сегодняшней жизни и для государственной культурной политики, определяемой как «прикладная культурология». Заметим, в связи с этим «приложением» культурологии, весьма многочисленные заимствования, которые были сделаны из нее еще президентом Ельциным, так же как сегодня президентом Путиным и многими другими политическими деятелями. Их националистская риторика

³⁵ Самый цитируемый в этом отношении труд: Бердяев Н. *Русская идея*. Париж: YMCA-Press, 1946. Переиздан в Москве в 1990 году.

³⁶ *Культурология. Курс лекций*. С.270.

³⁷ См. в особенности главу «Культ и культура» в: Гуревич П.С. *Философия культуры*, Москва: Аспект Пресс, 1995. С.93–110.

интегрировала и даже инструментализировала «духовное возрождение» новой России, «ренессанс русской идеи» – концепты, заимствованные культурологией, конечно же, у мыслителей «Серебряного века», но заимствованные достаточно некорректно.

Сегодняшний интерес к «Серебряному веку», испытываемый авторами учебников культуры и цивилизации, сосредоточен, следовательно, не столько на поэтических и эстетических, декадентских и новаторских концепциях, сколько на особенности и исключительности русских культуры и цивилизации, вышедших из «культурного ренессанса». «Серебряный век» используется культурологами как модель «культурного синтеза», который их новая дисциплина предлагает развивать. Но, как было сказано выше, он служит также источником ответов на вопросы типа «Кто мы?» и «Куда идет Россия?». На эти вопросы, которые русское общество ставит в «смутное время культуры» и в «культурном хаосе», вызванном общественными и политическими переменами³⁸, культурология отвечает по своей собственной идеологической и культурной схеме. Читателю-учащемуся представляется идиллический образ эпохи, которая, согласно ее современникам – писателям, философам, художникам, – не только заключала в себе большие внутренние противоречия, но и готовила большие столкновения в будущем.

Ограничимся лишь одним примером из культурной истории этой эпохи. Ни «богостроительство» А.М.Горького и А.В.Луначарского, ни критический пересмотр марксизма А.А.Богдановым, В.А.Базаровым, Я.А.Берманом, А.В.Луначарским, С.А.Суворовым, П.С.Юшкевичем, В.В.Валентиновым, ни авангард художников, разрушителей буржуазных ценностей, не упоминаются культурологами, для которых они просто-напросто не заслуживают причастности к «настоящей» интеллигенции. Принадлежность к интеллигенции ограничена тем крохотным элитным меньшинством, что характеризуется чистой духовностью и не позволяет общественным проблемам поглотить себя. Горькие замечания Бердяева (на которого так часто ссылаются культурологи) по поводу слабости духовного ренессанса из-за его неукорененности в широкой общественной базе и оторванности от общественных течений того времени, полностью игнорируются теми же культурологами. Игнорируются так же, как и его глубокое сожаление относительно того, что духовный ренессанс был делом элиты и что из-за этого она не сумела затронуть «современность» и предотвратить

³⁸ Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. *История русской культуры. Т.2. М.: Владос, 2002. С.381.*

революцию³⁹. «Русские люди того времени жили в разных этажах и даже в разных веках»⁴⁰. Согласно Бердяеву, именно «равнодушие творцов духовной культуры» было одной из причин их эмиграции⁴¹. Но, несмотря на явное констатирование Бердяевым «слабости ренессанса», авторы учебников культурологии подают «Серебряный век» как массовое явление. Делают это, во многом опираясь на того же Бердяева, однако без ясного объяснения того, в чем именно заключалась духовность масс (не говоря уже о недоступности декадентского и символистского искусства народным массам). «Между "Ренессансом" и "основой" было полное духовное противостояние», – также свидетельствует Пьер Паскаль, который застал последние годы этой славной эпохи в Санкт-Петербурге⁴².

То, что необыкновенный расцвет культуры «Серебряного века» во всех областях искусства и мысли происходил на фоне идущей гигантскими шагами индустриализации и урбанизации, то, что он сопровождал быструю модернизацию России и трансформацию русского общества, не упоминается ни в одном из учебников культурологии. То, что русский капитализм был меценатом для многих в этом художественном подъеме, кажется не важным для культурологии, поскольку она рассматривает «Серебряный век» как эпоху, прежде всего, духовного подъема, отказываясь от изучения конкретных исторических данных. В учебниках 1990-х годов именно духовные и нравственные ценности «Серебряного века» заявлены как модель для общества, и особенно для интеллигенции.

Заканчивая это печальное размышление об апроприации прошлого, осуществляемой, главным образом, в идеологических целях («Серебря-

³⁹ Бердяев неоднократно рассуждает о культурном ренессансе и его недостаточной связи с более широкими слоями населения. Сошлемся в особенности на: Бердяев Н. *Русский духовный ренессанс начала XX-ого века и журнал «Путь»*. К десятилетию «Пути» // *Путь*. 1935. №49. См. также: Бердяев Н. *Самопознание*. Париж: YMCA-Press, 1949. Гл. VI. *Русский культурный ренессанс начала XX века*. С.147–179, особенно С.160; Он же. *Типы религиозной мысли в России*. Т.3. С.684–708; Н.А.Бердяев о русской философии, Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. С.217–235.

⁴⁰ Бердяев Н. *Самопознание*. С.160.

⁴¹ Там же. С.178.

⁴² Pascal P. *Les grands courants de la pensée russe contemporaine* // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Paris, 1962. III–I. P.58. – Паскаль, однако, подчеркивает, что в лучших произведениях той эпохи присутствовал интерес к окружающей действительности, русскому народу и человеку в целом.

ный век» как проекция «русской идеи»), следует подчеркнуть следующий факт. Большая часть учебников отечественной истории XX века включает в себя отдельную главу под названием «Серебряный век в русской культуре» или же «Русская культура конца XIX – начала XX века». Такой подход был совершенно невообразим в советских учебниках истории, где культурные и даже социокультурные факторы не являлись частью «событийной» истории или же кратко рассматривались в приложениях. Следовательно, можно утверждать, что, благодаря введению в школьный оборот культурологии и «русской цивилизации», столь важный период культурного наследия, как «Серебряный век», был возвращен в «коллективную память»⁴³, – утверждать, однако, со всеми оговорками относительно явного редуционизма, навязанного ему культурологами. Именно на это я и хотела указать в своей статье. Так, авторы учебника истории для 11-го класса, выигравшего конкурс Министерства образования на лучшее пособие по современной истории, проводят прямую параллель между «переоценкой ценностей» в эпоху «Серебряного века» (отказ от социального пафоса, открытие человека как отдельной личности, покаяние интеллигенции) и посткоммунистическим периодом⁴⁴.

⁴³ Говоря о «Серебряном веке», авторы учебников истории часто приводят имена Толстого, Чехова, Короленко, Бунина, Блока, Белого, Брюсова, Мережковского, Горького, Ахматовой, Гумилёва, Цветаевой, Есенина, Маяковского, Андреева, Северянина в разделах «модернизм», «декадентство», «символизм», «акмеизм». Однако делается это весьма необдуманно, вперемежку (См. главу «Литература в начале XX в. Серебряный век» в: Экзаменационные вопросы и ответы. История. 9 и 11 выпускные классы. М.: АСТ-Пресс, 2005. С.421–423).

⁴⁴ Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История Отечества XX – начала XXI века. М.: Русское слово, 2006. – Небольшая глава этого учебника, посвященная «Культуре России в конце XIX – начале XX в.», в целом куда более корректна и информативна, чем описания данного периода в учебниках культурологии.

Основное зло есть зло нравственное: оно состоит в нарушении деятелем ранга ценностей, именно в себялюбии, эгоизме, т.е. в большей любви к себе, чем к Богу и другим существам...

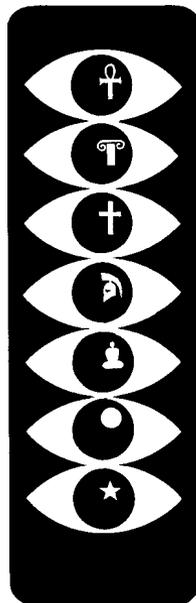
Н.О. Лосский

Мы способны протестовать, отвергать, сопротивляться. Но для того, чтобы мы были в состоянии сделать это, мы должны осознать, что, когда мы восстаем против «вождя», подобного Гитлеру, и его политики, мы имеем дело не просто с определенными политическими взглядами на то, что всего лучше будет способствовать благополучию Германии, но с компонентами характера и эмоций, по сути дела с философскими и религиозными компонентами, которые пронизывают эти взгляды.

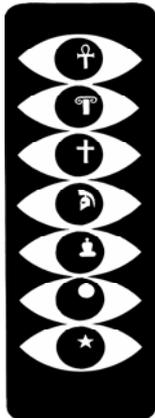
Эрих Фромм

Человек сохранился. В огне страданий, в котором он плавился, обнажилась его суть. Если мы спросим себя о самом главном опыте, который дали нам концентрационные лагеря, эта жизнь в бездне, то из всего пережитого нами можно выделить такую квинтэссенцию: мы узнали человека, как, может быть, не знало его ни одно из предшествующих поколений. Что же такое человек? Это существо, постоянно принимающее решения, что он такое. Это существо, которое изобрело газовые камеры, но это и существо, которое шло в эти газовые камеры с гордо поднятой головой и молитвой на устах... Телесно-душевный упадок зависел от духовной установки, но в этой духовной установке человек был свободен! Заключение человека в лагерь, можно было отнять у него все вплоть до очков и ремня, но у него оставалась эта свобода, и она оставалась у него буквально до последнего мгновенья, до последнего вздоха.

Виктор Франкл

Марк Лапицкий

БАНАЛЬНОСТЬ ЗЛА, ИЛИ ЗЛО ГЛУПОСТИ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The author focuses on study of the book by the known German political philosopher Hannah Arendt “Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil”. Arendt proves that Eichmann became one of the most terrible criminals in the history of humankind precisely “due to his irreflection”, stupidity which is “capable to bring more evil to the world than all evil instincts dormant in any person”. Process of the world cognition for Arendt has not just social and political but also ethical meaning. Free of banalities, the book on the banality of evil is filled with original ideas and approaches to issues that seem to be clear and solved in the historical literature long ago.

Ключевые слова: тотал, тар, зм, Холокост, Эйхман, масса
— власть.

Уже много лет мне встречаются немцы, которые признаются, что им стыдно быть немцами. И всякий раз я испытываю соблазн ответить им, что мне стыдно быть человеком.

Ханна Арендт. Скрытая традиция

Адольф Эйхман был заведующим отделом гестапо IV-B-4, ответственным за «окончательное решение еврейского вопроса». После падения Рейха ему удалось укрыться в Аргентине. Агенты израильской разведки схватили Эйхмана в пригороде Буэнос-Айреса 11 мая 1960 г., спустя девять дней его вывезли в Израиль, где он предстал перед окружным судом Иерусалима. Эйхман был обвинен как нацистский преступник по пятнадцати пунктам. Его судили на основании Закона 1950 года о нацистах и их пособниках, согласно которому совершивший одно из этих преступлений подлежит смертной казни. 31 мая 1961 г. Эйхман был повешен.

Присутствовала на процессе Ханна Арендт, представлявшая американский журнал «Нью-Йоркер», куда регулярно писала о ходе судебных заседаний. Репортажи из Иерусалима легли в основу книги, содержащей не только чрезвычайно скрупулезное описание процесса, жизненной истории преступника на фоне истории нацизма в Германии, но и глубокое и тонкое исследование природы зла и злодеяний, творимых в обществе.

Издание в нашей стране ранее не публиковавшихся трудов выдающегося политического философа, одной из культовых фигур в этой области, Х.Арендт, всегда событие. Почти одновременно, в 2008 году, на прилавках книжных магазинов появилось две ее работы, одна из которых под названием «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» издана в России спустя полвека после ее первого выхода в свет¹. Публикация этой книги имеет двойной смысл. Во-первых, после выпуска двухтомного издания о Нюрнбергском процессе тема Холокоста (Катастрофы) в Советском Союзе практически замалчивалась. В постсоветской России

¹ *Arendt H. Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil. N.Y., 1963. – В России одновременно появилось два издания с двумя разными переводами и послесловиями к книге, написанными разными авторами и дающими неодинаковую, скорее, даже противоположную трактовку концепции Арендт (Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008; Она же. Эйхман в Иерусалиме. История обыденного преступления. Иерусалим; М.: ДААТ; Знание, 2008).*

выпущено немало книг и статей на эту тему, однако российский читатель впервые имеет возможность ознакомиться с трудом, признанным классическим и продолжающим спустя десятилетия после его публикации вызывать горячие споры и дискуссии. Во-вторых, тема преступлений против человечности, как это ни прискорбно, продолжает оставаться актуальной и в наши дни.

В том же 2008 году в нашей стране была опубликована и другая работа Х.Арендт – сборник «Скрытая традиция», состоящий из семи эссе, написанных еще в 30-е – 40-е годы. Эта книга может послужить неким дополнением к «Банальности зла»². Впрочем, и другие труды Арендт, о которых идет речь в этой статье, проясняют некоторые идеи, содержащиеся в книге о процессе над Эйхманом.

Некоторые сведения для знакомства с Ханной Арендт

Когда Ханна Арендт (1906–1975) называла свои исследования политической публицистикой с опорой на историю, или политической экономией, она со свойственной ей скромностью сужала сферу своей многоплановой научной и публицистической деятельности. Ее с полным правом можно назвать философом, политологом, социологом, историком и культурологом, ибо таковы еще далеко не все грани ее творчества. Чаще всего Арендт, пожалуй, называют философом, и не последнюю роль в этом играет ее долгая и тесная дружба с такими выдающимися философами, как Хайдеггер и Ясперс. С последним Арендт связывала сорокалетняя переписка, начало которой относится к 1926 году. Мудрый и благородный Ясперс в какой-то мере заменил ей отца.

Родилась Арендт в Германии, в Ганновере. Известно, что в юности ее уже интересовали философия, теология, античная литература и история. Слухи о выдающемся философе Мартине Хайдеггере привели ее в Марбургский университет, куда она приехала в 1924 году. Впоследствии Арендт писала об этом так: «Слухи были очень простыми: мышление снова стало живым; накопленные в прошлом сокровища знаний, которые давно считались мертвыми, вновь обрели голос, причем оказалось, что говорят они совсем об иных вещах, чем полагали мы, недоверчивые. Есть некий учитель; у него, может быть, можно научиться мыслить... Это мышление, которое развивается как страсть, возникнув из

² Арендт Х. *Скрытая традиция*. М., 2008.

простого факта рождения в мире... так же не может иметь конечной цели... как и сама жизнь»³.

Годы, проведенные в Марбурге, особенно дружба с Хайдеггером, который был старше ее на 17 лет, переросшая в любовь на всю жизнь, оказали, видимо, решающее влияние на Арендт. Один из ее друзей тех студенческих лет оставил такое описание Ханны: «Самым удивительным в ней была гипнотическая сила ее глаз: каждый, кто заглядывал в них, как бы погружался в пучину, шел ко дну – и испытывал страх, что больше уже никогда не выберется на поверхность»⁴. Друзья тех лет находили в ней «интенсивность душевной жизни, целеустремленность, чутье на настоящую качественность, стремление во всем дойти до сути, глубину мысли – свойства, которые придавали ее личности нечто волшебное»⁵.

Недолгое время Арендт училась у Эдмунда Гуссерля во Фрейбурге, затем в Гейдельбергском университете под руководством К.Ясперса написала и защитила диссертацию о концепции любви у Августина Блаженного (1928), с некоторыми выводами которой читатель мог впоследствии познакомиться в книге «*Vita activa, или о деятельной жизни*»⁶.

После прихода Гитлера к власти в 1933 году Арендт активно участвует в антифашистской борьбе. После непродолжительного заключения она перебирается из нацистской Германии в Прагу, затем в Женеву, где она некоторое время работает в Международной организации труда – одном из подразделений Лиги Наций. Наконец, Арендт на несколько лет обосновывается в Париже, где участвует в международном антифашистском движении. Здесь она познакомилась с такими выдающимися мыслителями, как Ж.П.Сартр, Р.Арон, А.Кожев, А.Койре. С 1941 года и до конца своих дней Арендт живет в США, с 1951 года у нее американское гражданство. Вскоре после приезда в Соединенные Штаты она начинает активно участвовать в интеллектуальной жизни страны. Преподает в Чикагском университете, Нью-Йоркской новой школе социальных исследований, Калифорнийском (Беркли) и Принстонском университетах.

³ См.: Сафрански Р. *Хайдеггер. Германский мастер и его время*. М., 2002. С.195.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С.196.

⁶ Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. СПб., 2000.

«Я никогда не забуду ее философскую и человеческую солидарность... – писал Ясперс об Арендт в своей "Философской автобиографии". – Эмигрировав в 1933 году, побродив по свету и не утратив мужества в борьбе с бесконечными трудностями, она знала толк в элементарных бедах нашего существования, когда теряешь страну, где родился, и живешь эмигрантом без всяких прав. Она попыталась найти почву под ногами и нашла ее, но не смогла привязаться ни к какой земле так, чтобы принять ее безоговорочно, не вдаваясь в историю своей любви и задач, стоящих перед ней. Внутренняя независимость сделала ее космополитом, ее вера в силу американского образа жизни (и в политические принципы) – гражданкой Соединенных Штатов. С ее помощью я научился лучше понимать этот мир больших возможностей, политической свободы и, с другой стороны, структуру тоталитаризма... С юношества, кроме близких мне людей, только с несколькими друзьями мог я беседовать как с ней»⁷.

Арендт нередко говорила, что к политико-философским раздумьям ее побудили собственные переживания еврейской беженки, вынужденной покинуть Германию, ужасы тоталитаризма. На протяжении всей своей жизни она считала своим долгом мыслить как живой свидетель политической катастрофы. Чувство причастности к своему прошлому, идентификации себя с жертвами нацизма было присуще Арендт в наивысшей степени. Именно такое чувство Ясперс называл «метафизической виной»⁸.

Еще в 1945 году Арендт писала, что фундаментальным вопросом европейской послевоенной интеллектуальной жизни станет проблема зла. Своей миссией в борьбе со злом она считала создание труда о тоталитаризме. Неудивительно, что первой книгой Арендт стала «Истоки тоталитаризма»⁹, опубликованная в 1951 году и принесшая автору всемирную известность. Работа представляла собой исследование условий, породивших тоталитаризм и его элементы. Речь здесь идет, прежде всего, о двух режимах – немецком нацизме и сталинском коммунизме¹⁰. В центре внимания автора не столько структура тоталитарного режима,

⁷ Ясперс К. *Философская автобиография*. М., 1995. С.68.

⁸ Ясперс К. *Вопрос о виновности*. М., 1999. С.19.

⁹ Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. М., 1996.

¹⁰ Критику трактовки «тоталитаризма по Арендт» см. в: Кургинян С.Е. *Точка сборки // Россия XXI. 2005. №3.*

сколько его глубинная подоплека, анализ условий, породивших этот феномен. В тоталитаризме Арендт видела не какой-то механизм власти, а главным образом зло, являющееся истинной сущностью данной формы правления.

Еще в период написания этого классического исследования Арендт делает заготовки для новой книги, куда включает материалы подготовленного ею курса по истории политической теории для Калифорнийского университета в Беркли. В 1958 году в Чикаго выходит новая работа Арендт «*Vita activa...*». В 60-х – 70-х годах Арендт публикует множество эссе на такие темы, как природа революции, свобода, власть, традиции и современность.

Между «Историей тоталитаризма» и «*Vita activa...*», при всем кажущемся их кардинальном несходстве, можно обнаружить некую общность, просматривающуюся, кроме, конечно, своеобразного арендтовского стиля, в присутствии некоторых сквозных тем, в частности таких, как пагубное влияние современной научно-технической революции на бытие человека, столкновение между нравственностью и политикой, действием и созерцанием, политикой и философией¹¹. Неестественный рост естественного – вот что губит мир в новейшее время, считает Арендт. Однако, как замечает философ и переводчик некоторых работ Арендт Е.Г.Трубина, если в «Истории тоталитаризма» была выявлена тенденция сведения людей к статусу «вида», то в «*Vita activa...*» Арендт больше заботит факт подчинения людей квазиестественным процессам по причине того, что современное общество расширило сферу необходимого в жизни людей, дополнив природу ее искусственным двойником¹², – тема, получившая дальнейшее развитие в книге «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». В поле зрения Арендт проблема распада сферы публичной политической жизни в современных условиях, сочетающегося с эрозией свободы и политического мышления¹³.

Как и в предыдущем труде «История тоталитаризма», в «*Vita activa...*» читатель встречается с тем же сочетанием теоретико-структурного подхода с историко-генетическим. Речь идет о том, что в

¹¹ См.: *Canovan M. Hannah Arendt: A Reinterpretation of Her Personal Thought. N.Y., 1992.*

¹² Трубина Е.Г. Идентичность в мире множественности: прозрения Ханны Арендт // *Вопросы философии. 1998. №11. С.120–121.*

¹³ См. *Антология мировой политической мысли: В 5-ти томах. Т.II. Зарубежная политическая мысль. XX век. М., 1997. С.524.*

названии немецкого издания книги о тоталитаризме обозначено как «элементы и происхождение». Такой подход встречается и в некоторых других работах Арендт, в том числе и в книге «Банальность зла».

Ханне Арендт не раз хотелось отойти в тень, «выпасть» из сферы публичности. Ведь вслед за Хайдеггером она полагала: «Все реальное или подлинное падает жертвой подавляющей власти "болтовни", которая неодолимо возникает из публичной сферы, определяя все аспекты повседневного существования, упреждая и уничтожая смысл или бессмыслицу всего, что могло бы принести будущее»¹⁴. Из «непостижимой пошлости» повседневного мира, согласно Хайдеггеру, нет иного выхода, кроме ухода в уединение, которое философы древности, начиная с Парменида и Платона, противопоставляли сфере политики. Но Арендт не была классическим философом в смысле носителя некоей абстрактной мудрости. Не тот был у нее характер, не такого свойства был ее талант, да и время призывало к активным действиям.

Оказавшись за пределами гитлеровской Германии, Арендт писала множество брошюр и статей с призывом к созданию армии для борьбы с нацизмом и пересмотру всей системы политической мысли. В эти годы она вела и большую практическую работу в еврейских организациях. С 1941 года работала в *Commission of European Jewish Reconstruction*, а с 1949 по 1952 год занимала пост исполнительного директора в *Jewish Cultural Reconstruction*, сумев досадить как немецкому, французскому, так и международному и израильскому национальному истеблишменту.

Поздняя Арендт – автор исследований «Кризис в культуре» (1961), «О революции» с посвящением Гертруде и Карлу Ясперсам (немецкое издание 1965 г.); «Лекций по политической философии Канта» (посмертно изданные лекции, прочитанные Арендт в 1970 году); статей по теории политики и других работ. Свои последние годы Х.Арендт посвятила работе над крупным исследованием, которое так и не успела закончить: «Жизнь разума».

Арендт удостоилась многих премий (Лессинга, Эмерсона-Торо, Фрейда), особенно престижной была Копенгагенская премия Зоннинга за вклад в европейскую цивилизацию (1975). Теперь уже есть премия

¹⁴ Арендт Х. Люди в темные времена. М., 2003. С.9.

имени самой Ханны Арендт. Ее присуждает Дрезденский институт по исследованию тоталитаризма¹⁵.

Далеко не все произведения крупного немецко-американского мыслителя изданы в России, а потому можно с полным правом сказать, что звезда Х.Арендт в нашей стране еще только восходит.

«Таких, как он, было много»

Изучая причины, симптомы и, наконец, течение самой болезни под названием «тоталитаризм», Арендт приходит к выводу, что природа этой «патологии» скрыта в самой человеческой сущности. Этот вывод весьма важен для понимания авторской концепции в книге о процессе над Эйхманом. Тоталитарная машина уничтожения, – замечала Арендт в «Истоках тоталитаризма», – приводилась в действие не фанатиками, не авантюристами, не садистами, не сексуальными маньяками, а нормальными, добропорядочными, законопослушными гражданами. Тоталитарный террор – это нечто большее, чем простое насилие. В условиях германского и советского тоталитаризма понятия вины и невиновности теряют сугубо юридический смысл, превращаясь в абстрактные, а то и совершенно бессмысленные категории.

Отвечая на вопрос: «Каким образом случилось так, что десятки тысяч обыкновенных людей превратились в убийц, а миллионы других следили за происходящим с одобрением или безразличием?», – Арендт в книге «Банальность зла» лаконично замечает: «Взгляните на Эйхмана!»

Вскоре после публикации эта книга сразу же вызвала, мягко говоря, неоднозначную реакцию прессы. Арендт подвергли уничижающей критике как за трактовку хода процесса, так и за анализ мотивов поведения самого нацистского преступника. Даже самое беглое сопоставление судеб автора и героя книги вроде бы провоцирует на то, чтобы ожидать от работы Арендт обличений в адрес творцов Холокоста, но, пожалуй, «благородный гнев» здесь трудно найти. Само заглавие книги «Банальность зла» – ключ к пониманию главной мысли автора, наглядно показавшего парадоксальность массовых убийств. Парадокс заключается в том, что совершаются беспримерные зверства, а убийцы вполне искренне не считают себя преступниками, поскольку совершают преступления

¹⁵ Рахмиров П. Ханна Арендт: Тоталитаризм – зло XX века // Новый компаньон. 2000. №39. 14 ноября.

не по личным мотивам и не по своей склонности к убийству, а в силу обстоятельств, профессии; к тому же действуют строго по закону, хотя законы во времена Третьего Рейха были преступными.

В книге дается пространный биографический очерк жизни Эйхмана, основные вехи сознательной жизни которого тесно переплетены с историей нацизма в Германии. Подробное жизнеописание видного наци понадобилось Арендт для того, чтобы показать серость, бесцветность, обыденность, банальность многих из тех, кто оказался облеченным властью в Германии в период 30-х – 40-х годов прошлого столетия.

Будущий преступник явился на свет в небольшом городке Рейнской области в семье служащего Электрической трамвайной компании¹⁶. Вскоре после рождения сына (в семье было пятеро детей) отец обанкротился. С детства Эйхман-младший не отличался прилежанием и способностями, был не самым старательным школяром, с трудом перебираясь из класса в класс. В конце концов, отец сам забрал его сначала из школы, а потом и из Училища электротехники, машиностроения и строительства. Своего бестолкового отпрыска отец заставил работать в отделе продаж электрической компании (семья к тому времени переехала в Австрию). Мать Эйхмана умерла, когда сыну было десять лет. Отец женился снова. Семья мачехи сыграла важную роль в жизни будущего нацистского преступника. Кузен мачехи (Эйхман называл его дядей) – президент австрийского автоклуба, женатый на дочери еврейского коммерсанта из Чехословакии, – использовал свое знакомство с генеральным директором «Вакуум ойл» (кстати, тоже евреем), чтобы пристроить своего неудачливого родственника на должность коммивояжера.

На процессе Эйхман упоминал о своей еврейской родне, дабы «доказать», что у него не было «личных причин» ненавидеть евреев. Об этом же, по его мнению, свидетельствовал и тот факт, что у него была любовница-еврейка. В «Вакуум ойл» он проработал пять лет. Потом остался без работы. Эйхман, по словам Арендт, в этот период был не столько типичным представителем среднего класса, сколько деклассированным

¹⁶ В мемуарах Эйхмана по поводу своего рождения есть такая примечательная фраза: «Вряд ли они (родители) так радовались рождению своего первенца, если бы были способны узреть в тот миг, что Норна (богиня судьбы в скандинавской мифологии. – М.Л.) печали, а не Норна удачи уже начала вплетать нити горя в мою жизнь. Но непроницаемая и потому благая завеса не позволяла моим родителям увидеть будущее» (См.: Арендт Х. Банальность зла. С.51).

отпрыском буржуазной семьи. 1932 год стал поворотным в жизни Эйхмана: он вступает в национал-социалистическую партию и в СС по предложению будущего шефа главного управления имперской безопасности Эрнста Кальтенбруннера (отец Эйхмана дружил с Кальтенбруннером-старшим). В партию Эйхман вступил, как он утверждал на процессе, отнюдь не по убеждению; его «втянуло в партию – вопреки всем желаниям и абсолютно бессознательно». Он понятия не имел о программе партии и не дочитал до конца гитлеровскую «Майн кампф». Так из тусклой, лишённой значительности и перспектив жизни случай перенес его в Историю, как он ее понимал, точнее, «в Движение, которое развивалось и в котором подобные ему – неудачники в глазах его социального класса, его семьи и, следовательно, в своих собственных глазах – могли начать с нуля и сделать карьеру»¹⁷.

Некоторое время Эйхман провел в баварском тренировочном лагере эссовцев, получил чин шарфюрера (капрала). И, по его словам, в течение четырнадцати месяцев преуспел в единственной дисциплине – строевой подготовке, которой предавался с завидным рвением. Вскоре Эйхман почувствовал ставшее привычным чувство скуки и тоски. Когда в 1934 году служба безопасности рейхсфюрера СС (СД) объявила о наборе в свои ряды, Эйхман, борясь с жизненным однообразием своего существования (так он объяснял свой новый жизненный шаг), немедленно подал соответствующее заявление. Изначально задачей службы было шпионить за членами партии, со временем она стала информационным и исследовательским центром тайной государственной полиции, или гестапо.

Вскоре Эйхман превращается в эксперта «по еврейскому вопросу». Почему именно ему боссы поручили это дело, Эйхман на процессе не дал вразумительного ответа. Во всяком случае, от начальства он получает указания изучать сионистскую литературу, посещать встречи сионистов и докладывать, о чем там говорится; наконец, он начинает изучать иврит. Для Эйхмана это было в значительной степени делом непривычным, ибо он, по его собственным словам, никогда ничего, кроме газет, не читал. Известно: его отец сетовал, что сын никогда не заглядывал в домашнюю библиотеку.

Между тем «защитники расовой чистоты немецкого народа» готовили печально известные Нюрнбергские законы, принятые в 1935 году и

¹⁷ Арндт Х. *Банальность зла*. С. 60.

создавшие «научно-практическую» базу для своего рода «респектабельного антисемитизма». Эти законы юридически оформили лишение евреев всех политических и гражданских прав. На основе Нюрнбергских законов было издано 12 постановлений, закрывших евреям доступ почти ко всем должностям и профессиям, ограничивших свободу передвижения и т.д. Таким образом, евреи низводились до положения париев, между немцами и евреями возводилась стена отчуждения.

Вскоре Эйхману представилась возможность на практике продемонстрировать познания, полученные во время своего ученичества. После аншлюса (включение Австрии в состав рейха) в марте 1938 г. его посылают в Вену разрабатывать меры по организации «принудительной эмиграции» евреев. На обычном языке это называется изгнанием. Практическим воплощением расистских идей занялось Центральное бюро еврейской эмиграции во главе с руководителем Главного управления имперской безопасности Рихардом Гейдрихом, чьим подчиненным через несколько лет и стал Эйхман, вскоре фактически возглавивший организацию «окончательного решения еврейского вопроса».

1938 год стал, по словам Эйхмана, самым счастливым и успешным годом его жизни. Продвигавшаяся до сих пор ни шатко ни валко его карьера вдруг начала набирать темп. Его произвели в офицеры, сделали унтерштурмфюрером, или лейтенантом, постоянно поощряли «за глубокое знание методов организации и идеологии противника – еврейства»¹⁸. Назначение в Вену было первой ответственной должностью Эйхмана. Он рьяно взялся за дело, трудился на совесть, и труды его не пропали даром. За восемь месяцев Австрию покинули 45 тысяч евреев – большое достижение, если сравнить с 19-ю тысячами человек, вынужденными уехать за тот же период из Германии; менее, чем за полтора года, Австрию оставила половина еврейского населения – почти 150 000 человек. Здесь, в Вене, Эйхман понял, как работает механизм, этот кафкианский бюрократический конвейер, в начале которого запускается первый документ, затем поступают другие бумаги, и в качестве конечного продукта выдается паспорт.

Наблюдатели удивлялись четкости работы досконально отработанной системы: «Это напоминало хлебозавод вроде тех, где мельница соединена с пекарней. В здание входит еврей, у которого есть хоть какая-то собственность – фабрика, магазин или счет в банке, он движется

¹⁸ См.: Там же. С.75.

по зданию от конторки к конторке, от кабинета к кабинету и выходит из здания без денег, без прав, но зато с паспортом, при вручении которого ему говорят: "Вы обязаны покинуть страну в течение двух недель. В противном случае вы будете отправлены в концлагерь"¹⁹. Эйхман четко наладил работу этого конвейера. Такого рода деятельность ему еще придется в будущем, только отправлять он будет людей уже не за границу, а в газовые камеры.

Каждый работник этого конвейера выполняет лишь небольшую часть работы и как следствие чувствует лишь малую ответственность за общий результат. Главари нацистов определяют стратегию, которая передается по всем звеньям цепи. Полицейские арестовывают, ведомство Эйхмана организует перевозку, железнодорожники и другие службы осуществляют перевозку, заключенные прибывают в лагеря, где есть солдаты, способные «исполнять приказы», одни заключенные ведут других заключенных в газовые камеры. Никто не чувствует своей ответственности.

Время подлинного триумфа Эйхмана наступило вскоре после «Хрустальной ночи» (10 ноября 1938 г.), ставшей кульминацией антисемитской вакханалии. Именно после зверского погрома, учиненного нацистами в эту ночь, иллюзии относительно национал-социалистического режима окончательно развеялись. Европа стремительно приближалась к войне, а европейские евреи – к Холокосту.

Так, Эйхман оказался в центре событий. Уже прославивший себя в нацистских кругах как «эксперт по евреям», в 1941 году он был переведен в Главное управление имперской безопасности (РСХА), в котором ему поручено было возглавить отдел IV-B-4²⁰. Этому отделу и была поручена разработка и организация «окончательного решения еврейского вопроса». Поэтому именно Эйхман направлял поезда в Освенцим, Трешлинку и многие другие концентрационные лагеря, педантично вни-

¹⁹ Там же. С.77.

²⁰ Эйхман состоял в подчинении у Генриха Мюллера – руководителя Департамента IV – гестапо, шефом Мюллера был сначала Гейдрих, а после 1942 года – Кальтенбруннер, подчинившийся Гиммлеру, который в свою очередь получал приказы непосредственно от Гитлера. В ведении подразделения IV-A находились те, кто обвинялся в коммунизме, саботаже, либерализме и политических покушениях; в ведении подразделения IV-B – католики, протестанты и евреи.

кал в сложности депортации, изучал «пропускную способность» газовых камер и печей крематориев...

Арендт рисует психологический портрет обвиняемого, подтверждая свои выводы пространными цитатами из его показаний, мемуаров, перекрестных допросов и т.д. Его высказывания на процессе были переполнены фразами-штампами, лозунгами из лексикона нацистов; похоже было, что он не способен произнести ни одного неклишированного предложения. Эйхман и сам говорил: «Бюрократический стиль – это единственный доступный мне язык»²¹. Это же подтверждает и капитан израильской полиции Авнер Лесс, которому поручили допрос Эйхмана для подготовки судебного процесса. «Говорил он на ужасающем немецком, – вспоминает Лесс в послесловии к "Протоколам Эйхмана". – Вначале я его с трудом понимал – этот его австрийско-берлинский нацистско-чиновничий немецкий с аршинными фразами, в которых он и сам не раз запутывался. А после первой встречи с адвокатом Эйхман спросил меня: "Господин капитан, вы знаете, что сказал мне доктор Серватиус (адвокат Эйхмана. – М.Л.)"? Он недоволен моим немецким, он сказал: "Сначала вам снова придется научиться говорить по-немецки. И лучшему переводчику не справиться с вашими временами!"»²².

Предстал он перед судом человеком неумным, недалеким, склонным к бахвальству, с трудом выражавшим свою мысль, что было связано, по мнению Арендт, с его неспособностью мыслить, то есть неспособностью оценивать ситуацию с иной, отличной от собственной, точки зрения. В его показаниях часто встречаются явные противоречия, несоответствия, несуразности, многое из того, о чем он говорил, было попросту пустопорожней болтовней. Некоторые высказывания были проникнуты явным стремлением вызвать жалость к себе, найти «человеческое» сочувствие к тому, что он «по жизни» всегда был неудачником: «Что бы я ни запланировал, что бы ни подготовил – все шло прахом, как мои личные дела, так и мои многолетние попытки найти для евреев их землю. Не знаю, наверно, на меня наложено какое-то проклятие: злая судьба все время вмешивалась в мои мечты, желания, планы. Разочарования ждали меня повсюду»²³.

²¹ См.: Арендт Х. *Банальность зла*. С.81.

²² Фон Ланг Й. *Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле / Послесловие Лесса А.В.* М., 2007. С.270.

²³ См.: Арендт Х. *Банальность зла*. С.83–86.

Такого рода сентенции Эйхман произносил, по мысли Арендт, не для самозащиты, а потому, что, даже находясь за решеткой и ожидая неминуемого смертного приговора, «старался соответствовать стандартам своей прошлой жизни». Тонкий психолог, Арендт заметила, что такие слова, как «СС», «карьера», «Гиммлер», «Гитлер», «словно включали в нем некий механизм». «Но вновь и вновь, – пишет автор книги, – комедия превращалась в фильм ужасов, в рассказы, скорее всего вполне правдивые, чей черный юмор оставлял далеко позади все выверты сюрреалистов»²⁴.

Эйхман пытался представить себя чуть ли не другом еврейского народа. Рассказывал истории, как он способствовал спасению сотен тысяч евреев, содействуя их отъезду из Германии и Австрии, в то же время он не отрицал свою причастность к гибели миллионов евреев. «Конечно», он участвовал в их уничтожении, обеспечивая их транспортировку. Но сам он не убил своими руками ни одного человека, и вообще «лично» никогда против евреев ничего не имел.

Обычным для нацистских преступников на Нюрнбергском процессе были ссылки на то, что они были всего лишь «винтиками», они выполняли приказы и не могли ослушаться вышестоящее начальство. По сути, все были «винтиками», за исключением Гитлера. Эйхман на процессе в Иерусалиме тоже заявлял, что он был всего лишь бюрократом, для которого «все ограничивалось параграфами и приказами»²⁵.

Такое своеобразное сознание нацистских преступников один американский журналист изобразил в истории, построенной на вопросах и ответах:

«Вопрос: Вы убивали людей в лагере? Ответ: Да.

Вопрос: Отравляли газом? Ответ: Да.

Вопрос: Закапывали живьем? Ответ: Иногда случалось.

Вопрос: Жертвы поступали со всей Европы? Ответ: Думаю, да.

Вопрос: Помогали ли вы лично умерщвлять людей? Ответ: Никак нет. Я лишь заведовал лагерной финчастью.

Вопрос: Что же вы думали обо всем этом? Ответ: Поначалу было не по себе, но потом мы привыкли.

²⁴ Там же. С.84.

²⁵ Там же. С.89.

Вопрос: Известно ли вам, что русские вас повесят? Ответ (со слезами): За что? Что я такого сделал?»²⁶

Разбирая показания Эйхмана, Арендт задается важными для всей ее концепции вопросами. Имеем ли мы в случае с Эйхманом (автор дает понять, что случай этот с нацистскими и иными преступниками далеко не единственный) классический пример лицемерия или проявления самообмана, замешанного на чудовищной глупости? Или в лице Эйхмана можно увидеть примитивный пример нераскаявшегося преступника, который не способен взглянуть в лицо реальности, поскольку его преступление – это и есть часть реальности? Еще Достоевский в своем дневнике писал о том, что, когда он был на каторге в Сибири, среди множества убийц, насильников и грабителей он никогда не встречал таких, которые бы признались самим себе в том, что они совершили зло.

Конечно, преступление Эйхмана отличается от случая рядового преступника, пребывающего в тесных границах криминального мирка. Прошлое его было тесно связано с обществом, в котором он воспитывался и жил, и мир этот находился в полной гармонии. Случаи отказа от выполнения приказов были, но они были единичны. Нельзя не согласиться с американским историком Е.Кунцем, писавшим: «Не бездумное повиновение, но осознанное приятие – вот что характеризовало немецкий стиль сотрудничества со злом»²⁷. Практика самообмана была всеобъемлющей, она почти превратилась в моральную предпосылку выживания. «Немецкое общество, состоящее из восьмидесяти миллионов человек, – замечает Арендт, – так же было защищено от реальности и фактов теми же самыми средствами, тем же самообманом, ложью и глупостью, которые стали сутью его, Эйхмана, менталитета»²⁸.

О природе зла: зло глупости

Выделим в приведенной выше цитате слово «глупость», которое неоднократно использует Арендт в своей книге. Эйхман стал одним из наиболее страшных преступников в истории человечества именно «благодаря своей бездумности», глупости, которая «способна принести в мир больше зла, чем все злые инстинкты, дремлющие

²⁶ Арендт Х. *Скрытая традиция*. С.48.

²⁷ Кунц Е. *Совесть нацистов*. М., 2008. С.33.

²⁸ Арендт Х. *Банальность зла*. С.86.

в любом человеке»²⁹. Арендт далеко не первая пришла к такому выводу. Именно в ней, в глупости, многие мыслители прошлого видели причину зла в мире. Следует заметить, что под глупостью Арендт понимала не отсутствие образования или интеллекта, а отсутствие разума, потерю индивидуальности, потерю всего человеческого в человеке.

Совершим небольшой экскурс в историю. Сократ и Платон видели причину злодеяний в недостаточном понимании блага; Аристотель полагал, что злодеем является тот, кто неверно понимает благо. Многие мыслители древности придерживались примерно тех же взглядов. Но уже в более поздние времена, в эпоху Просвещения, некоторые ее видные представители усматривали тесную связь между злом и глупостью – именно то, что заметила Арендт, анализируя высказывания Эйхмана на процессе. Франсуа де Ларошфуко и некоторые другие мыслители полагали, что глупость свойственна человеку в гораздо большей мере, нежели злоба, бесчеловечность и тому подобное, и что она является причиной омерзительных поступков. В основе этих поступков, считали они, лежат не столько черты характера, сколько глупость, неразумие.

Зло с глупостью напрямую связывал и Паскаль. В сочинении, известном под названием «Мысли», он пишет: «Могущество царей основано на рассудительности и на глупости народов, причем на глупости много больше. Самая великая и важная вещь в мире имеет своим основанием неразумие. И основание это поразительно надежно: ведь тут нет ничего кроме того, что народ неразумен. А то, что основано на здравом рассуждении, основано на песке – например, уважение к мудрости»³⁰.

В отсутствии работы мысли видел важный источник зла Шарль Бодлер: «Нет оправдания злодею, – замечал он, – однако знание о собственном зле достойно похвалы. Самый непростительный из всех грехов – зло, совершенное по глупости»³¹. Проблема зла волновала и Альбера Камю, который рассуждал по этому поводу так: «Зло, существующее в мире, почти всегда результат невежества, и любая добрая воля может причинить столько же ущерба, что и злая, если только эта добрая воля недостаточно просвещена»³². Глупость со злом связывали и другие из-

²⁹ Арендт Х. *Эйхман в Иерусалиме. История...* С.316.

³⁰ Паскаль Б. *Мысли*. М., 1995. С.84.

³¹ См.: Свендсен Л. *Философия зла*. М., 2008. С.183.

³² Камю А. *Избранное*. Минск., 1989. С.294.

вестные писатели и мыслители. Так, в одном из романов Сименон устами Мегрэ замечает, что совершает преступления, убивает и зверствует только глупый. Все то, что составляет сущность зла, полагал герой Сименона, и зависть, и гордыня, и ненависть, – все от глупости. Фанатик глуп, ибо только глупец может быть одержим одной идеей³³.

Пожалуй, глубже и пронзительнее других о связи зла с глупостью писал в тюремных записках один из наиболее известных немецких протестантских теологов XX века пастор Дитрих Бонхеффер. Человек необычайного личного мужества, активный антифашист, казненный в концлагере Флоссенбург за несколько дней до капитуляции Германии, он на своем горьком опыте сполна испытал «зло» нацизма и пытался дать свой ответ на вопрос, в чем его корень.

Одной из самых известных книг Бонхеффера (в современной Германии изданы шесть томов его произведений) стал сборник «Сопrotивление и покорность», изданный посмертно и включающий заметки и письма автора, относящиеся к последним двум годам его недолгой (всего 39 лет) жизни. Среди материалов сборника выделяется заметка «Спустя десять лет», написанная на рубеже 1942–1943 годов. Речь в ней идет об изменении сознания, сдвигах духовных ценностей в гитлеровской Германии. В записках есть раздел «О глупости», достойный по причине его значимости быть воспроизведенным в значительном объеме, тем более, что он наилучшим образом дополняет мысли Арендт по данному поводу:

«Глупость – еще более опасный враг добра, чем злоба. Против зла можно протестовать, его можно разоблачить, в крайнем случае, его можно пресечь с помощью силы; зло всегда несет в себе зародыш саморазложения, оставляя после себя в человеке, по крайней мере, неприятный осадок. Против глупости мы беззащитны. Здесь ничего не добиться ни протестами, ни силой; доводы не помогают; фактам, противоречащим собственному суждению, просто не верят – в подобных случаях глупец даже превращается в критика, а если факты неопровержимы, их

³³ Приведем еще одно яркое высказывание по этому поводу, принадлежащее одному из наиболее значительных православных церковных деятелей XX века о. Александру Шмеману: «Ум может "поглупеть". Глупость поумнеть не может. Ей нужен ум, но от ума она берет только его "механизм", его хитрость, уменье (ведь даже застрелить нельзя без уменья). Этой роли, собственно, и подчинился ум, в этом его поглупение и падение». (Шмеман А. Дневники 1973–1983. М., 2005. С.324).

просто отвергают как ничего не значащую случайность. При этом глупец, в отличие от злодея, абсолютно доволен собой; и даже становится опасен, если в раздражении, которому легко поддается, он переходит в нападение. Здесь причина того, что к глупому человеку подходишь с большей осторожностью, чем к злому. И ни в коем случае нельзя пытаться переубедить глупца разумными доводами, это безнадежно и опасно.

Можем ли мы справиться с глупостью? Для этого необходимо постараться понять ее сущность. Известно, что глупость не столько интеллектуальный, сколько человеческий недостаток. Есть люди чрезвычайно сообразительные и тем не менее глупые, но есть и тяжелодумы, которых можно назвать как угодно, но только не глупцами. С удивлением мы делаем это открытие в определенных ситуациях. При этом не столько создается впечатление, что глупость – прирожденный недостаток, сколько приходишь к выводу, что в определенных обстоятельствах люди оглупляются или сами дают себя оглуплять... При внимательном рассмотрении оказывается, что любое мощное усиление внешней власти (будь то политической или религиозной) поражает значительную часть людей глупостью. Создается впечатление, что это прямо-таки социологический или психологический закон. Власть одних нуждается в глупости других. Процесс заключается не во внезапной деградации или отмирании некоторых (скажем, интеллектуальных) человеческих задатков, а в том, что личность, подавленная зрелищем всеокрушающей власти, лишается внутренней самостоятельности и (более или менее бессознательно) отрекается от поиска собственной позиции в создающейся ситуации. Глупость часто сопровождается упрямством... Общаясь с таким человеком, просто-таки чувствуешь, что говоришь не с ним самим, не с его личностью, а с овладевшими им лозунгами и призывами. Он находится под заклятьем, он ослеплен, он поруган и осквернен в своей собственной сущности. Став теперь безвольным орудием, глупец способен на любое зло и вместе с тем не в силах распознать его как зло. Здесь коренится опасность дьявольского употребления человека во зло, что может навсегда погубить его»³⁴.

Следует заметить, что пастор Бонхеффер, в отличие от пессимистически настроенной Арендт, видит для человечества выход: «Внутреннее

³⁴ Бонхеффер Д. *Сопротивление и покорность*. М., 1994. С.33–35.

освобождение человека для ответственной жизни перед Богом и есть единственное преодоление глупости»³⁵.

В «грандиозном маскараде зла» нацизма смешались все этические понятия, «разум» потерпел сокрушительное поражение. Глупость вступила в свои права. На вопросы, что есть зло и какова его природа, что движет людьми, творящими зло, пытается ответить и современный норвежский философ Ларс Свендсен в книге «Философия зла». Эта книга, как пишет автор в предисловии, написана скорее для того, чтобы понять преступника, а не его жертву, в ней сконцентрировано внимание скорее на зле причиняемом, нежели на зле претерпеваемом. Те же акценты на вполне конкретном примере расставляет и Арендт в книге «Банальность зла». Свендсен пишет: «Возможно, некоторым покажется, что жертвы заслуживают большего внимания, однако я считаю излишним говорить о том, кому я сопереживаю»³⁶. Арендт, возможно, могла бы избежать некоторых несправедливых упреков в свой адрес, если бы сделала подобное уточнение в своей книге. Ведь именно в отсутствии сочувствия к жертвам Холокоста обвиняют ее недоброжелательные и невнимательные читатели книги «Банальность зла»³⁷.

Что же может противостоять банальности зла? Умение мыслить. Что это значит? Из текста книги можно сделать вывод, что Арендт подразумевает под умением мыслить³⁸ следующее: мыслить самостоятельно; мыслить, ставя себя на место другого; мыслить в согласии с самим собой. Первое есть максима свободного от предрассудков человека, второе – свидетельство широты мышления, способности выйти за пределы субъективных частных условий мышления, третье – показатель последовательного по своему характеру мышления. Эйхман, по мнению Арендт, явно не соответствовал всем этим критериям, как, впрочем, и огромное большинство немцев, поддерживавших гитлеровский режим. И еще одно заключение, которое можно сделать после чтения книги

³⁵ Там же. С.36.

³⁶ Свендсен Л. Указ. Соч. С.14.

³⁷ Так, директор израильского отделения Центра Симона Визенталя Эфраим Зурофф в Послесловии к книге Арендт пишет: «Ее книга, к сожалению, пронизана пренебрежением к жертвам Холокоста» (См.: Зурофф Э. Послесловие // Арендт Х. Банальность зла. С.421).

³⁸ Кстати, ее точка зрения почти совпадает с позицией Канта по этому вопросу (См.: Кант И. Критика способности суждения. СПб., 1995. С.226).

«Банальность зла»: одна из важнейших проблем человечества заключается не в том, что человек избыточно агрессивен, озлоблен, склонен к насилию, а в том, что он недостаточно рефлекторен, недостаточно способен анализировать свои мысли, переживания, поступки.

Из года в год одна ложь сменяла другую, зачастую противореча одна другой. Она, эта ложь, могла быть различной для разных уровней партийной иерархии и для всего остального народа. Арендт различала не искорененные временем специфические черты этих извращенных представлений через 18 лет после падения нацистского режима, а потому и обронила такую фразу: «Лицемерие стало составной частью немецкого национального характера»³⁹.

Проблема Эйхмана, занимающая Арендт, заключается в том, что «таких, как он, было много и многие не были ни извращенцами, ни садистами – они были и есть ужасающе нормальными». И вот эта-то «нормальность была более страшной, чем все зверства вместе взятые, поскольку она подразумевала – как неустанно повторяли в Нюрнберге подсудимые и их адвокаты, – что этот новый тип преступника, являющегося в действительности *"врагом человечества"*, совершает свои преступления при таких обстоятельствах, что он практически не может знать или чувствовать, что он поступает неправильно»⁴⁰.

Масса и власть. Канетти и Арендт

Взаимоотношение «масса – власть» – воистину проблема проблем XX века. Последнее столетие уходящего второго тысячелетия оставило немало трагических примеров поразительной покорности людей, безропотно убивавших себе подобных по приказу свыше, из страха или из преданности вождям и идеям. Не так давно завершившийся век стал свидетелем ужасающих эксцессов необузданной власти, с корнем уничтожавшей любое свободолюбие, любое инакомыслие. Миллионы и миллионы людей были положены на алтарь такой власти.

Все это, конечно, было и раньше, не в таких масштабах, но было. Еще в далеком прошлом была создана модель взаимоотношений «власть – масса»; впоследствии опытный образец превратился в рабочую систему. XX век лишь отшлифовал, довел до совершенства то, что

³⁹ Арендт Х. *Банальность зла*. С.87.

⁴⁰ Там же. С.111.

в иные времена существовало в зародыше. Пронизывая многообразие культур и обществ, установилась однотипная система власти, в которой личность утвердила себя, – власть вождей. За многие века власть прекрасно научилась использовать, эксплуатировать психологию масс, доведя искусство манипулирования ими, кажется, до совершенства.

Так, на наших глазах ускорился процесс глобализации масс, создания массы мирового масштаба. Расширились межнациональные сообщества с гигантскими образованиями городских конгломератов и многомиллионными рынками. Усовершенствовалась электронная и телевизионная сеть, которая, с одной стороны, связывает между собой людей, находящихся на огромных расстояниях друг от друга, а с другой, – проникает в самые недра частной жизни отдельного человека. Наконец, политика в отношении этих мощных сообществ, успех которых во многом зависит от мультимедийных систем, в наше время в несоизмеримо большей степени, чем раньше, становится политикой массовой. Культ личности (сегодня его уже так не называют) из исключения становится правилом, а ослабление партий почти повсеместно укрепляет силу влиятельного лидера.

Проблема, пунктирно обозначенная нами, отнюдь не нова. Трудно, кажется, сказать что-то новое на эту старую как мир тему. И все же труды Х.Арендт вносят свой вклад в эту проблематику. Книги Арендт далеки от стандартов методики новоевропейской науки, да и вообще от штампов, клише, знакомых мыслительных схем. Для нее важна свобода мысли, ее раскрепощенность, раскованность, несводимость к какой-либо замкнутой системе. Автор строит свои рассуждения, стараясь избежать редукиции; он анализирует феномен человека, не упуская ничего существенного, а также, что особенно привлекательно, включая сюда непосредственные ощущения (здесь уже чистая психология), которые возникают у нас под воздействием тех или иных явлений.

Есть нечто родственное (хотя далеко не тождественное) в позиции Ханны Арендт и известного австрийского писателя и мыслителя XX века Элиаса Канетти (1905–1994), автора книги «Масса и власть»⁴¹, опубликованной в 1962 году, за год до выхода в свет «Банальности зла». В этой работе Канетти попытался выявить механизм многовекового взаимодействия массы и власти, двух различных социально-психологических феноменов, во многом определивших трагическое

⁴¹ Канетти Э. *Масса и власть*. М., 1997.

развитие недавно завершившегося XX столетия. Книга Арендт об Эйхмане могла бы послужить одним из частных, но, несомненно, ярких примеров, подтверждающих концепцию Канетти, полагавшего, что корни тоталитаризма со всей его жестокостью и кровью всегда были глубоко скрыты в природе человека. XX век, не изменивший природу масс и природу власти, отличался особенно массовой жестокостью лишь по той причине, что значительно возросли технологические возможности.

Для Канетти человеческая масса есть в буквальном смысле масса физическая, толпа; возникновение такой толпы – «толпотворение» – для него всегда «столпотворение», в отличие от многих других исследователей масс, видящих в ней нечто организованное, публику. Масса в его понимании – это доличностное, звериное начало, некий вид энергии, который есть древнейшая движущая сила человека; это энергия всеобщей взаимосвязи, закон слияния с природой, с людским сообществом. Если этот закон нарушается, то происходит то, что с человечеством и произошло, – превращение осмысленного в бессмысленное (именно то, что отмечала Арендт, описывая действия Эйхмана). В этой массе автор не видит социального индивида, в этой массе индивид лишь тот, кто становится властью.

Феномен толпы, как известно, знаком истории с давних времен, хотя впервые был зафиксирован более столетия назад французским социальным психологом Гюставом Лебоном в книге «Психология народов и масса» (опубликована в 1889 г.). Подход Канетти к массе отличен от традиционного. Его не интересуют стойкие социальные образования, «нормальные» общественные связи, т.е. то, что, как правило, изучают академически мыслящие социологи и психологи. Он отвергал экономические, социальные, политические факторы, лежащие, как полагают многие марксистские исследователи, в основе рождения масс.

Что же касается власти, то она держится на смерти, на миллионах смертей. Воздействие власти на массу многообразно. Одна из таких форм – приказ. Власть приказа заложена в чудовищной практике тоталитаризма, обнажившей парадокс массового террора, заключающегося в том, что он направлен не против врагов, а против массы⁴², образующей,

⁴² В понятие «масса» Канетти и Арендт вкладывают разный смысл. Вот что пишет Арендт, разъясняя свое понимание термина «масса»: «Термин "массы" применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых по причине их количества, либо равнодушия,

согласно концепции Арендт, фундамент этого общества. В тоталитарном обществе функция массовых репрессий заключается не столько в том, чтобы расправляться с врагами режима, сколько в том, чтобы создавать и нагнетать атмосферу страха, используемого «как инструмент управления совершенно покорными массами людей»⁴³.

В «Истоках тоталитаризма» Арендт подметила еще один парадокс, который, видимо, и побудил ее к написанию этого фундаментального труда: «анонимность» репрессий, не имеющих никакого отношения к проблеме виновности.

Об этом пишет и Канетти: «Известно, что люди, действующие по приказу, способны на самые ужасные поступки. Когда источник приказов засыпан и их заставляют оглянуться на свои дела, они не узнают ни дел, ни самих себя. Они говорят, что этого не делали, и не всегда сознательно лгут. Даже когда предъявлены показания свидетелей, когда сомнений нет, они все равно твердят: этого не может быть, это не я, я не мог это совершить. Они пытаются обнаружить в себе след этих поступков и находят только белый лист. Удивительно, насколько незатронутыми они сумели остаться. Жизнь, которую они ведут потом, – это действительно другая жизнь, ничуть не окрашенная прежними поступками. Они не чувствуют ни вины, ни раскаяния»⁴⁴.

Власть приказа, исходящая от более сильного, не допускает сомнений. Особую весомость приказа в условиях тоталитаризма Арендт наглядно показала в нескольких своих работах, в частности в «Банальности зла». И хотя, в отличие от Канетти, Арендт не уделяет внимания генезису приказа, для обоих мыслителей «приказ» объединяет два элемента – «массу» и «власть». Для них нет загадки в том, почему вполне мирные люди вдруг преобразуются в варваров и дикарей. От каждого приказа, который людям

либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе: в политические партии, либо в органы местного самоуправления, или различные профессиональные организации, или пред-юнионы. Потенциально "массы" существуют в каждой стране, образуя большинство из того огромного количества нейтральных политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать» (Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С.414–415). Для Канетти масса – нечто аморфное, бесформенное, стая, «группа возбужденных людей, жаждущих, чтобы их стало больше» (Канетти Э. Указ. соч. С.105).

⁴³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С.39.

⁴⁴ Канетти Э. Указ. соч. С.356–357.

приходится выполнять, в них остается жало. «Это жало, – пишет Канетти, – живет в своем носителе как чуждая инстанция и освобождает его от всякого чувства вины. Виновный винит не себя, а жало, чуждую инстанцию – настоящего виновника, которого он носит с собой»⁴⁵. Исполнителем (это замечание уже Дитриха Бонхеффера) «приказ воспринимается как нечто абсолютно достоверное; ответственность же за приказ несет тот, кто отдал его, а не исполнитель. Но человек, ограниченный рамками долга, никогда не отважится совершить поступок на свой страх и риск, а ведь только такой поступок способен поразить зло в самое сердце и преодолеть его. Человек долга в конечном итоге будет вынужден выполнить свой долг и по отношению к черту»⁴⁶.

Приказ живет в человеке как жало, он как бы становится неотступным свидетелем того, что не он совершал преступления. Сам же преступник видит себя жертвой приказа, действующей на уровне интуиции. Разум сопротивляется согласию с этими доводами, по сути, оправдывающими участников гибели миллионов и миллионов людей. Канетти, как и автор «Банальности зла», поднимается до вершин гуманизма, пытаясь понять тех, кто не в силах противостоять инстинкту «повиновения приказу».

Важное отличие позиций Канетти и Арндт состоит в том, что для Канетти *любая* власть – паранойя, любой властитель – фашист; для Арндт такое определение приемлемо лишь при условии, что власть эта тоталитарная, а властитель – диктатор. Дезориентация сознания человека, неспособного правильно оценить и осознать изменения в социальной и политической жизни, приводит к утрате чувства реальности, ощущение хаоса, распаду связей человека с миром, человека с человеком.

«Мне стыдно быть человеком»

В чем трудно согласиться с Арндт, так это в том, что, как она утверждает, Эйхман «не ведал, что творил». Если это так, то почему он полностью согласился с вынесенным ему смертным приговором? «На моей совести смерть пяти миллионов евреев»⁴⁷, – говорил он. Более того, он сам предложил повеситься публично. «Я готов,

⁴⁵ Там же. С.357.

⁴⁶ Бонхеффер Д. Указ. соч. С.28.

⁴⁷ См.: Арндт Х. Банальность зла. С.78.

– говорил он во время допросов перед процессом, – если это будет означать еще большую меру покаяния, показать устрашающий пример всем антисемитам этого мира – публично повеситься». Слова эти отдают фанфаронством, позерством и вызваны, скорее всего, желанием хоть как-то повлиять на окончательный вердикт суда, но в содеянном Эйхман не раскаялся. «Раскаяние – удел малолетних детей»⁴⁸, – заявил он. Публичное раскаяние и осознание – вещи разные. Ход процесса ясно показал, что Эйхман вполне осознавал, в чем участвовал.

Утверждая, что у Эйхмана «вообще не было никаких мотивов», Арендт упускает из виду вполне очевидное, а именно то, что Эйхман, в придачу к имевшимся у него амбициям, до последнего оставался приверженцем нацизма, гитлеризма. В этом смысле он был не только бюрократом, но и обыкновенным фанатиком. Верность фюреру, железной идеологии прочно сковала его сознание.

Знакомому с творчеством Арендт, с произведениями, написанными до книги «Банальность зла», не может не показаться, что она приехала на процесс с уже готовой концепцией и искала в ходе судебных слушаний ее подтверждения. В этом отношении особый интерес представляет сборник Арендт «Скрытая традиция». Все эссе, составляющие сборник, посвящены судьбе евреев в XX веке. Здесь явственно звучат мотивы будущей книги о процессе над Эйхманом.

Так, в эссе «Организованная вина» Арендт размышляет о послевоенной Германии, где «стерта черта, отделяющая нормальных людей, невиновных от виноватых». «От этой ситуации, – пишет автор, – нас не защитит ни определение ответственных, ни арест "военных преступников"»⁴⁹. Ведь к числу тех, кто устроил этот ад, можно отнести всех тех, кто симпатизировал Гитлеру, содействовал его приходу к власти, кто укреплял его репутацию в Германии и за ее пределами. И далее Арендт пишет: «Первейшие сообщники и лучшие пособники нацистов... поистине не ведали, ни что творят, ни с кем имеют дело»⁵⁰. Тот же мотив повторяется и в отношении Эйхмана, о чем речь шла выше. Логика приводит автора к выводу: «Когда виноваты все, судить в принципе больше некому»⁵¹. Не думаю, чтобы Бонхейффер, повешенный нациста-

⁴⁸ См.: Там же. С.47.

⁴⁹ Арендт Х. Скрытая традиция. С.45.

⁵⁰ Там же. С.46.

⁵¹ Там же. С.47.

ми, и многие-многие другие немцы, боровшиеся с фашистским режимом, подписались бы под таким заявлением.

Похоже, идея «невинности» нацизма в условиях его поддержки большинством народа стала чем-то вроде навязчивой идеи Арендт. В подтверждение ее в книге «Скрытая традиция» приводится эпизод из пьесы австрийского писателя и публициста Карла Крауса «Последние дни человечества», где он изобразил события франко-прусской войны. Занавес опускается под патетическое восклицание Вильгельма II: «Я этого не хотел!» Комически-жуткое заключается в том, комментирует эту фразу Арендт, что так оно и есть. «Когда занавес упадет на сей раз, – Арендт пишет эти строки, когда близилась развязка Второй мировой войны, – нам придется внимать хору обывателей, которые будут восклицать: "Это не наших рук дело!" И хотя у нас пропадет всякая охота смеяться, жуткое опять будет заключаться в том, что так оно и есть»⁵².

Откровенно говоря, совсем не хочется полемизировать с автором, и вовсе не потому, что нет почвы для полемики (ее предостаточно), а потому, что феномен Арендт находится вне стандартных координат и не представляет собой явление универсальное, а также потому (и это прежде всего), что история человечества XX (и не только XX) века в целом во многом подтверждает ее концепцию. Процесс познания мира Х.Арендт носит не только социально-политический, но сугубо этический, нравственный характер; гуманистические ценности становятся основным инструментом ее социологического, философского и политологического анализа. Свободная от банальностей, книга о банальности зла насыщена оригинальными мыслями и подходами к, казалось бы, ясным и давно разрешенным в исторической литературе вопросам.

Неверно было бы, как делают некоторые из ее оппонентов, видеть в книге нечто «обидное» и даже «оскорбительное как для жертв фашизма, так и для тех, кто остался в живых», и в самом авторе – «нечто от характерной еврейской ненависти к себе»⁵³. Менее всего, думается, Арендт, сама пострадавшая от гитлеровского режима, хотела оскорбить жертв фашизма, так же как смехотворны обвинения ее в ненависти к себе как к еврейке. Достаточно сказать, что тема еврейства проходит едва ли не

⁵² Там же. С.49.

⁵³ См.: Зурофф Э. Указ. соч. С.420–421.

через все произведения Арендт. Так или иначе, еврейской теме она посвятила, вероятно, больше работ, чем какой-либо иной, хотя основная тематика ее трудов связана с проблемами тоталитаризма, историей политической теории, историей трудовой деятельности, процессами индустриализации, автоматизации. Она всегда была в оппозиции, но в «ненависти к себе» ее трудно заподозрить.

Следует учитывать, что перед нами книга, прежде всего, философа, а не репортера с места событий, в данном случае судебного процесса. Для Арендт узки национальные масштабы, в большинстве своих работ она мыслит в масштабах общечеловеческих. Круг вопросов, объединенных понятием «Холокост», она никогда не рассматривала как неразрешимый конфликт между немцами и евреями. Арендт открыла в Холокосте «человеческую ситуацию». Ей было глубоко чуждо чувство национальной исключительности. И обыватель для нее – явление не национальное, а интернациональное, общечеловеческое. Важная идея книги «Банальность зла» заложена в почти афористическом высказывании Арендт, вынесенном в эпиграф к этой статье: «Уже много лет мне встречаются немцы, которые признаются, что им стыдно быть немцами. И всякий раз я испытываю соблазн ответить им, что мне стыдно быть человеком»⁵⁴. Эти горькие слова Арендт содержатся в сборнике «Скрытая традиция», но при чтении их не покидает чувство, что они вот-вот возникнут на страницах «Банальности зла».

Как и в других своих работах, в «Банальности зла» Арендт «избегает как морализирования, так и нечленораздельных криков боли. Она указывает контексты, корни, источники событий, но ни в коем случае не впадает в исторический детерминизм»⁵⁵. Действительно, книга о процессе над Эйхманом лишена какой-либо эмоциональной окраски, что само по себе не может служить свидетельством отсутствия у автора сочувствия к жертвам. Арендт полагает, что это *само собой разумеется*, да и как может быть иначе? Глубокий аналитик, она превращает репортажи из зала суда в исследование корней преступлений. Прекрасно осознавая, что вызывает огонь на себя, Арендт отказывается изображать Эйхмана «чудовищем», «монстром» или «параноиком».

⁵⁴ Там же. С.54.

⁵⁵ Магун А. Понятие суждения в философии Ханны Арендт // Вопросы философии. 1998. №11. С.111.

Тоталитарная машина старается вытравить все личное, индивидуальное, все нестандартное становится ненужным, вредным. В таком обществе человек может в равной степени выступать как в роли жертвы, так и в роли палача, в таком обществе все взаимозаменяемы, – стоит ли тогда беспокоиться по поводу массовых жертв? Определение, что есть добро и что есть зло, перестает быть личным делом каждого – оно становится прерогативой государства. Стремление к «оглуплению» распространяется не только на те общества, которые мы называем тоталитарными; целый ряд аспектов, способствовавших возникновению и становлению тоталитаризма, справедливо полагала Арендт, не исчезают с падением тоталитарного режима. Развивающиеся процессы деперсонализации, отделение политики от морали и многое другое порождают безразличие, апатию, пассивность, отучают мыслить самостоятельно, приводят к клишированному мышлению, создавая благоприятные условия для возрождения тоталитаризма.

Прошлое осталось позади, но «после Освенцима не произошло еще ничего, что его опровергло бы»⁵⁶. Эта мысль, лаконично выраженная венгерским писателем, нобелевским лауреатом Имре Кертесом, не дает покоя Арендт. В ее трудах Холокост никогда не представлял в прошедшем времени. Ее больше всего волнует будущее, страшит возможное повторение ужасной трагедии, поэтому она с такой тщательностью препарировала натуру отдельного преступника в лице Эйхмана. Приведем пространную цитату из книги Арендт, дающую четкое представление об основном пафосе автора: «В самой природе человека заложено, что любое действие, однажды произошедшее и зафиксированное в анналах истории человечества, остается с человечеством в качестве потенциальной возможности его повторения еще долго после того, как его актуальность стала делом прошлого. Ни одно наказание не обладает сдерживающей силой, достаточной для предотвращения новых преступлений. Напротив, каким бы ни было наказание, как только специфическое преступление было совершено первый раз, его повторное совершение имеет большую вероятность, чем та, которая обусловила его возникновение в первый раз. Конкретные причины, которые говорят в пользу повторения преступлений, совершенных нацистами, еще более убедительны». И далее Арендт указывает на некоторые факторы, свидетельствующие о возможном повторении трагедии в будущем: отсутствие подлинной

⁵⁶ Кертес Имре. *Язык в изгнании. Статьи и эссе. М., 2004. С.15.*

демократии, тоталитаристские тенденции, «пугающее совпадение бурного демографического роста с открытием технических средств, которые за счет автоматизации труда превратят значительную долю населения в "ненужных людей" и которые за счет атомной энергии создают вероятность двойной угрозы использования таких инструментов, по сравнению с которыми газовые установки Гитлера покажутся гадкими игрушками, – этого должно быть достаточно, чтобы мы содрогнулись»⁵⁷.

Прогнозы Арендт весьма пессимистичны. Вглядываясь в будущее человечества, она предрекает (это уже в книге «*Vita activa...*»), что мысль будет продолжать деградировать, ее заменят электронные счетные машины. В современном обществе все зримей будет проявляться неподвластность людям перекроенного ими же самими на свой лад мира⁵⁸.

Арендт не дожидая до наших дней, подтверждающих многие из ее прогнозов. Возможность повторения ужасного прошлого не канула в Лету. Человеческая глупость, невежество и ограниченность проявились по-новому. Изменились лишь некоторые их формы. «Можно сказать даже сильнее, – пишет по этому поводу доктор физико-математических наук, профессор Дмитрий Квон, – изменяются их содержание и глубина. Глупость становится глупее, невежество глубже, а ограниченность масштабнее»⁵⁹. Резко снизилась планка человеческой культуры. Не последнюю роль в этом играют достижения науки и техники последних десятилетий, прежде всего, изобретение мощных персональных компьютеров и Интернета (свою лепту вносит, конечно, и всеильное массовое телевидение), способствующих в гораздо большей степени, чем раньше, обезличиванию, оглушению людей, еще больше отделяющих человека от пространства реальных событий. Все это плюс дистанция в два поколения, отделяющая нас от бойни Второй мировой войны и Холокоста, порождают новые опасности, чреватые нешуточными бедами.

«Похоже, пророчество Ханны Арендт сбывается, – пишет обозреватель "New York Review of Books" Тони Джадт, – происхождение такой

⁵⁷ Арендт Х. Банальность зла. С.406–407.

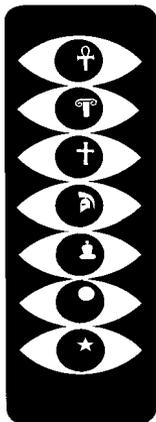
⁵⁸ Арендт Х. *Vita Activa, или о деятельной жизни*. С.420.

⁵⁹ Квон Д. Интернет как генератор и усилитель мирового кризиса // Независимая газета. 2008. 10 декабря.

проблемы, как зло, становится основной темой европейской интеллектуальной жизни. Шестьдесят лет назад Ханна Арендт высказывала опасение, что мы не будем знать, как говорить о зле, и потому никогда не постигнем его значения. Сегодня мы постоянно говорим о "зле", но результат остается прежним: мы упрощаем его смысл⁶⁰. Именно против такого упрощения и выступает Арендт в книге об Эйхмане. Упрощать гораздо проще, нежели проникнуть в суть проблемы, именно это не устраивает некоторых критиков книги, упрекающих ее автора в «интеллектуальном снобизме»⁶¹. Ведь цель, которую поставила перед собой Арендт, состояла в исследовании универсальной сущности Холокоста, рассмотрение же более узких его аспектов она оставила другим.

⁶⁰ См.: Арендт Х. *Банальность зла. Супербложка*.

⁶¹ Галкин Г. *Указ. соч.* С.322.

Валерий Каджая

СОБИБОР

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

On October 14, 1943, prisoners of the Jews extermination at Sobibor rose in rebellion. They killed all SS watchmen. The majority of prisoners wrested out of the camp. It was the only case in the whole history of WWII when revolt in a death camp succeeded.

Ключевые слова: Соб, бор, , стрелен, е евреев, восстан, е заключенны. ,ятобега, зяконцлагеря.я

Президент Республики Польша
Варшава, 14 октября 1993 года.

Участникам мемориальной церемонии,
посвященной пятидесятой годовщине восстания в Собиборе

Есть в Польской земле места, которые являются символами страдания и низости, героизма и жестокости. Это – лагеря смерти. Построенные гитлеровскими инженерами, управляемые нацистскими «профессионалами» лагеря служили единственной цели – полному истреблению еврейского народа. Одним из таких лагерей был Собибор. Ад, созданный человеческими руками. Здесь 50 лет назад заключенные-евреи подняли восстание. У заключенных практически не было шансов на успех, однако они не теряли надежды.

Спасение жизни не было целью героического восстания, борьба велась за достойную смерть. Защищая достоинство 250 тысяч жертв, большинство из которых были польскими гражданами, евреи одержали моральную победу. Они спасли свое достоинство и честь, они отстаивали достоинство человеческого рода. Их деяния нельзя забыть, особенно сегодня, когда многие части мира снова охвачены фанатизмом, расизмом, нетерпимостью, когда вновь осуществляется геноцид.

Собибор остается напоминанием и предостережением. Однако история Собибора – это еще и завет гуманизма и достоинства, триумф человечности.

Воздаю долг памяти евреям из Польши и других стран Европы, замученным и убитым здесь на этой земле.

Лех Валенса

Это послание, не меняя в нем ни строчки, ни единого слова, можно было бы послать оставшимся в живых участникам восстания в лагере смерти. Восстание в Собиборе – одна из самых героических страниц в истории еврейского Сопротивления в годы Второй мировой войны, единственный за все это время случай, когда из концлагеря бежали сотни заключенных и была перебита большая часть находившихся в его зоне эсэсовцев. Это восстание уникально по плану, по исполнению и по кратковременности подготовки. На Западе о нем издано немало книг и создано несколько фильмов. А в России оно мало кому известно, хотя руководил восстанием советский офицер, лейтенант Александр Ароно-

вич Печерский, а ядро восставших составили советские военнопленные-евреи. Готовя эту статью, я обзвонил многих своих знакомых, но никто из них, в том числе и евреи, не смог мне ответить на предельно простой вопрос: «Что ты знаешь про Собибор?» Никто ничего не знал. Я тоже ничего не знал, пока не прочел книгу «Собибор», только что изданную; в ней собраны воспоминания участников восстания¹. Пройдемся и мы по страницам этой книги.

Конвейер смерти

22 сентября 1943 года в Собибор прибыл состав, доставивший из Минского трудового лагеря СС две тысячи евреев, в том числе женщин и детей. Большинство из них были из Минского гетто, которое через месяц, 23 октября, немцы ликвидировали. Последних его обитателей расстреляли в Малом Тростянце. В числе вновь прибывших была и группа из шестисот военнопленных-евреев и среди них – лейтенант Печерский.

«Собибор (Собибур) – маленький, тихий населенный пункт вблизи Влодавы в Люблинском воеводстве, – пишет в своей небольшой книге, скорее даже брошюре, изданной в 1945 году в Ростове-на-Дону А.А.Печерский². – В лесах вблизи Собибора проходила железнодорожная ветка от Белжеца в Хелм. Этот край находится вдалеке от главных маршрутов и городов (и вблизи от советско-польской границы, почти у самого Буга, добавим мы. – В.К.). В марте 1942 года по специальному приказу Гиммлера в этих местах был построен концентрационный лагерь – лагерь смерти. Его существование было окутано непроницаемой завесой тайны... Лагерь смерти на первый взгляд производил впечатление небольшого селения. Сквозь изгороди просматривались дорожки, посыпанные черным гравием. Направо от главных ворот находился полустанок Собибор.

Этот лагерь был разделен на три сектора. В первом секторе находились мастерские – портняжная и сапожная. В них заключенные перешивали одежду убитых людей, и фашисты посылками отправляли ее домой. Здесь же находилась столярная мастерская. В этом секторе были два жилых барака для узников – мужчин и женщин, которые обслуживали эсэсовцев и продолжали строительство лагеря.

¹ Собибур // Составители: С.Виленский, Г.Горбовицкий, Л.Терушкин. М.: Возвращение, 2008.

² Печерский А. Восстание в Собибуровском лагере. Ростов-на-Дону, 1945.

Второй сектор: сюда приводили вновь прибывших людей. Здесь их раздевали. Здесь они оставляли одежду и все остальное, что им принадлежало, и затем переходили в третий сектор, в котором находились газовые камеры, так называемые "бани". Этот сектор был особо замаскирован ветками от постороннего глаза. Общаться с этим сектором узники первых двух не могли. Кто хоть раз попадал в третий сектор, обратно не возвращался. Там работали свои узники, которые периодически, через каждые десять–пятнадцать дней, уничтожались, ибо люди не выдерживали и многие сходили с ума.

Второй и третий секторы были изолированы друг от друга проволочными ограждениями и соединялись между собой двумя проволочными коридорами, замаскированными ветками. Один коридор служил для перехода обнаженных мужчин из барака, где они оставляли свою одежду, прямо в "баню", а второй – для женщин и детей, которые "по дороге" заходили в барак, где находилась "парикмахерская" и где им обстригали волосы.

Администрация лагеря состояла из пятнадцати–двадцати эсэсовцев. Охрана – из 120–150 украинских националистов. В полутора километрах от лагеря находилась резервная охрана из 120 человек. Через каждые пятьдесят метров стояли вышки с пулеметами, а между рядами колючей проволоки ходили вооруженные часовые. Голых людей направляли по коридору в газовые камеры. Команда третьего сектора, после того как эсэсовцы открывали двери "бани", выносила оттуда трупы, разделяла сцепленные в предсмертных судорогах тела и клала их на землю. После этого "дантисты" открывали каждому рот и, если находили золотые зубы, вырывали или выламывали их. Эти зубы шли в доход фюреру. Эсэсовцы заставляли также обыскивать одежду – в поисках золота или других драгоценностей».

Франц Штангль, комендант Собибора (а позднее – комендант Треблинки), во время суда над ним так ответил на вопрос, сколько человек могло быть убито за один день: «По вопросу о количестве людей, пропускаемых через газовые камеры за один день, я могу сообщить, что по моей оценке транспорт из тридцати товарных вагонов с тремя тысячами человек ликвидировался за три часа. Когда работа продолжалась около четырнадцати часов, уничтожалось от двенадцати до пятнадцати тысяч человек. Было много дней, когда работа продолжалась с раннего утра до вечера».

«Окончательное решение»

В 1933–1941 годах, сразу после прихода нацистов к власти, антиеврейские законы выходили один за другим, все более усиливая давление на евреев. Это давление, по замыслу нацистов, должно было заставить евреев эмигрировать, оставив в Германии все свое имущество. И они стали покидать страну. Эмиграция проходила вплоть до 1941 года, когда из 600 тысяч евреев, проживавших в Германии, осталось менее двухсот. Для них, а также для всех евреев, проживавших в оккупированных гитлеровцами европейских странах, ворота рейха наглухо захлопнулись. Но еще раньше, после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года и начала Второй мировой войны, наступил новый этап в трагической истории европейского еврейства. Этому предшествовали зловещие высказывания Гитлера: «Мы уничтожим евреев. Им не удастся укрыться, как удалось 9 ноября 1918 года» (день капитуляции Германии. – *В.К.*).

Вот, что пишет в своих воспоминаниях начальник Освенцима Рудольф Гесс: «Летом 1941 года я был неожиданно вызван к рейхсфюреру СС Гиммлеру в Берлин. Он в присутствии своего адъютанта сказал примерно следующее: "Фюрер дал указание об окончательном решении еврейского вопроса, и мы, СС, обязаны исполнить его... Ты должен хранить это указание в полном секрете даже от тех, кому ты непосредственно подчинен"».

Можно привести еще одно авторитетное свидетельство – показание Эйхмана на процессе в Израиле: «Собственно "окончательное решение" – это я сейчас имею в виду то специальное задание, полученное Гейдрихом – ну, грубо говоря, убийство, – оно не было имперским законом. Это был приказ фюрера, так это называлось – приказ фюрера».

Сразу после вторжения Германии в СССР 22 июня 1941 года на оккупированных территориях начались массовые операции по концентрации евреев в определенных местах и их массовые убийства. Еще в 1939 году в СД (службе безопасности в составе СС) были созданы для борьбы с «идеологически враждебными факторами» так называемые айнзатцгруппы. Они действовали в оперативном тылу наступающих немецких армий и широко использовали в своих акциях полицейские отряды из числа местных жителей. Особенно широко сотрудничали с гитлеровцами в борьбе с «еврейско-большевистским врагом» отряды украинских националистов (ОУН). В своей пропаганде их руководители по-

стоянно использовали антисемитскую риторику, утверждая, что коммунизм на Украину принесли «жиды, москали и поляки». Такой же характер носила и пропаганда в Украинской повстанческой армии (УПА). На самом же деле эта «армия» состояла из нескольких батальонов. Главномандующий УПА, он же капитан СС, Роман Шухевич наставлял своих подчиненных: «К жидам относиться так же, как и к полякам и цыганам: уничтожать беспощадно, никого не жалеть. Беречь врачей, фармацевтов, химиков, медсестер; держать их под охраной... Жидов нежелательно использовать для рытья бункеров и укреплений, по окончании работы без огласки ликвидировать». И эти слова не расходились с делом. Шухевич, единственный из иностранцев, за столь «выдающиеся» заслуги перед фюрером был дважды удостоен высшей воинской награды – Железного креста. За эти же заслуги он в 2007 году по случаю 100-летия со дня рождения Указом президента Ющенко получил звание Героя Украины (sic!). Участие в массовых убийствах евреев было для многих коллаборационистов первым этапом их сотрудничества с нацистами. Некоторые из них оказались затем на службе в качестве охранников в лагерях уничтожения на территории Польши. Если бы не они, три тысячи штатных сотрудников айзатцгрупп никогда не смогли бы охватить своими акциями обширную оккупированную территорию СССР.

Через несколько недель после начала войны с СССР оккупанты приступили к массовому истреблению евреев Европы. 31 июля 1941 года Геринг направил Рейнхарду Гейдриху, руководителю СД, приказ: «Я возлагаю на вас ответственность за совершение всех необходимых приготовлений для общего решения еврейского вопроса в сфере немецкого влияния в Европе...». В соответствии с этим поручением Гейдрих созвал 20 января 1942 года конференцию в Ванзее, пригороде Берлина. Важнейшую роль в подготовке конференции играл Адольф Эйхман, начальник Еврейского отдела в СД. Он лично вел протокол совещания. Она получила название «Ванзейской конференции», а темой было «Окончательное решение еврейского вопроса». Протокол конференции имел гриф «Секретно, дело государственной важности!». Однако задолго до конференции истребление евреев айзатцгруппами шло уже много месяцев, из чего следует, что решение о полном истреблении евреев Европы было принято ранее. К весне 1942 года Освенцим, Хелмно и Майданек в обширной фашистской системе концлагерей, насчитывавших более 14 тысяч, стали первыми тремя лагерями смерти, т. е. лаге-

рами, основным назначением которых было уничтожение людей, преимущественно евреев.

Согласно приказу Геринга от 31 июля 1941 года, убийства евреев должны были происходить и в трех новых лагерях: Белжеце, Собиборе и Трешлинке, начавших действовать в 1942 году. В эти лагеря смерти стали свозить для уничтожения евреев из оккупированных стран Европы и СССР. Всего в этих лагерях было уничтожено около трех миллионов евреев, из них более миллиона – в Освенциме.

После восстания в Собиборе Гиммлер приказал уничтожить лагерь. Здания были разрушены, земля перепахана и засеяна. К концу 1943 года от лагеря не осталось и следа. Сейчас здесь находится Польский Национальный Мемориал.

Нелюди

Уничтожение евреев носило продуманный до деталей и хладнокровный характер. Перед нами свидетельство унтершарфюрера СС Эриха Фукса на судебном процессе против бывших палачей «Собибора» (г. Дюссельдорф, ФРГ): «Мы выгрузили мотор. Это был тяжелый двигатель мощностью, по крайней мере, в двести лошадиных сил. Мы установили его на бетонный фундамент и подсоединили трубу к выхлопному отверстию. Химик, которого я знал по Белжецу, входил в газовую камеру с измерительными приборами, чтобы удостовериться в достаточной концентрации газа. Еврейских женщин заставляли раздеваться на открытом месте рядом с газовой камерой, после чего офицеры СС и их украинские помощники заводили людей в газовую камеру. Когда женщины оказывались закрытыми в газовой камере, мы с Болендером запускали мотор. Примерно через десять минут женщины были мертвы».

А вот свидетельство обершарфюрера СС Курта Болендера: «Перед тем как евреи раздевались, обершарфюрер Михель произносил перед ними речь. В этих случаях он обычно надевал белый халат, чтобы создать впечатление, что он врач. Михель объявлял евреям, что их пошлют работать, но перед этим они должны принять душ и подвергнуться дезинфекции, чтобы предотвратить распространение болезней... После раздевания евреев направляли в так называемый "шланг" (коридор). После отравления газом дверь открывали и выносили трупы...».

Невозможно читать без ужаса свидетельства нацистов и чудом оставшихся в живых их жертв. Вот рассказ Хеллы Феденбаум-Вайс: «Нет ничего ужаснее, чем чувство беспомощности, когда прямо перед твоими глазами совершаются ужасные преступления и ты ничего не можешь сделать. Что мы, девочки, могли сделать, когда видели всех этих людей, которых вели на смерть? Ничего. Однажды в лагерь прибыл специальный транспорт. Люди не были одеты в обычную одежду. Это были заключенные в полосатых робах. Они были страшно истощены и почти падали от голода и слабости. Они были обриты, и невозможно было отличить мужчин от женщин. Эти люди прибыли из лагеря смерти Майданек, где вышли из строя газовые камеры. Немцы заставили их лечь на землю, где они просто умирали. Эсэсовец Френцель подходил к ним и поливал их головы раствором хлорки, как будто это были уже трупы. Крики и стоны, которые вырывались у них из горла, были похожи на крики раненых животных. Казалось, что человеческой жестокости нет предела.

Был еще один транспорт, который потряс нас. Прошел слух, что он прибыл из Львова, но в действительности никто точно не знал, откуда прибыли эти евреи. Заключенные из лагеря, которым было приказано очистить прибывшие вагоны, рыдали, когда рассказывали об ужасных сценах, которые им пришлось наблюдать. Вероятно, произошло следующее: эти вагоны были плотно набиты людьми, и во время переезда их отравили хлором. Их тела были зелеными и кожа отслаивалась при любом прикосновении...».

«С момента выхода заключенных на перрон Собибора и до полного уничтожения в газовых камерах проходило не более полутора часов, а иногда и меньше. Какое-то время отнимало разделение на мужчин, женщин и детей. Всем приказывали раздеться, сдать дорогие вещи, у женщин стригли волосы, и потом всех вели в душевые, бывшие не чем иным, как газовыми камерами. Все это проделывалось бегом, под градом ударов, под крики и выстрелы эсэсовцев и украинцев и лай их собак. Внезапность, скорость, с какой все происходило, непрерывный бег, сама атмосфера террора приводила людей в шок, не позволяя им задуматься о происходящем и предпринять хоть что-то для сопротивления. Убийства несчастных людей совершались с изощренным садизмом. Помимо "бань" был так называемый "лазарет"». По свидетельству Моше Бахира, «это была могильная яма, находившаяся примерно в пятистах метрах от лагеря. Если в то время, когда вновь прибывшие пробе-

гали свой путь в двести метров с узлами, кто-нибудь получал травму или его половые органы были покусаны собакой, то унтершарфюрер Пауль Грот говорил ему: "Что с тобой случилось, бедненький? Кто это тебе сделал? Пойдем со мной в лазарет". И он уходил с ним. А через несколько минут мы слышали выстрел.

В более поздний период, когда были введены в строй вагонетки, то в "лазарет" начали отправлять и тех из прибывших с очередным транспортом, которые не могли ходить, больных, престарелых, а также тела умерших в дороге. Всех их загрузали в вагонетки и вместо лагеря № 3, т. е. вместо газовых камер, отправляли прямо в "лазарет". При этом часто мертвые тела укладывали поверх стариков и стариков – поверх больных».

Еще одно свидетельство – показания Дова Фрайберга на процессе Адольфа Эйхмана: «Вскоре после возвращения с работы проводили "аппель" – линейку... Потом приходил Пауль и спрашивал: "Кто болен? Кто устал? Кто не хочет работать? Шаг вперед". Было несколько случаев, когда люди выходили. Большинство понимало намек, и выходившие тоже понимали, но так жить им надоело. Не каждый раз, однако, выходили. Тогда он подходил и говорил: "С тебя хватит, зачем тебе работать? Ты можешь жить лучше. Выходи". Так он отбирал людей, и был долгий период, когда он каждый вечер это делал – выбирал десять–двенадцать человек. Там служил украинец по имени Тарас, он ему говорил: "Тарас, возьми его в лазарет"».

Подготовка к восстанию

В лагере существовал подпольный комитет, который задумал организовать восстание и побег. Возглавлял комитет Леон Фельдгендлер. Но и сам Леон, и его соратники были глубоко штатскими людьми и осуществить восстание они, конечно же, не могли. Но вот прибыл эшелон из Минска. При первом знакомстве Фельдгендлер обратился к Печерскому на идише, который тот едва понимал. Однако Леон мог изъясняться по-русски, так что языковой барьер был вскоре преодолен. Что касается других старожилов Собибора, то общение Печерского с ними происходило с помощью Шломо Лейтмана, прибывшего тоже из Минска.

«Бежать надо всем, – наставлял Печерский, – уничтожив предварительно немецких офицеров поодиночке и быстро, в течение одного часа,

чтобы они не успели обнаружить исчезновения своих и поднять тревогу. Наша задача заключается в том, чтобы все организовать без шума, чтобы как можно дольше не привлекать внимание эсэсовцев и охраны. Уничтожать их надо в мастерских, куда они будут вызваны под разными предлогами. Людей для уничтожения офицеров назначу я сам. В четыре часа мы должны перерезать связь, проходящую через второй лагерь в помещении резервной охраны. Также в четыре часа начать уничтожение офицеров в первом секторе, приглашая их по одному в мастерские на примерку костюмов и обуви».

Приведем отрывок из воспоминаний бывшей узницы Эды Лихтман, относящийся к периоду непосредственно перед восстанием: «Среди нас был прекрасный парень, сапожник из Калиша. Я помню, что в ночь с 13 на 14 октября, когда уже были согласованы последние детали плана восстания, он сказал: "Давайте поклянемся бороться все как один так, чтобы молодые люди смогли почувствовать вкус свободы". Потом он опустил на колени и поцеловал землю. Мы тоже встали на колени, и в наших сердцах родилась клятва верности. Он был в группе, которая должна была атаковать склад с оружием. Когда он раздавал ружья восставшим, его застрелил фольксдойче Шрайбер. Ответным огнем Шрайбера застрелил Шауль Флейшхакер.

Женщины играли активную роль в восстании. Я была одна из тех, кто был допущен к его подготовке. Тем, которые работали в прачечной, было поручено добыть как можно больше патронов из домов, где жили эсэсовцы. Мы находили патроны в карманах их мундиров, в ящиках столов и шкафов. Сарра Кац, Хелка Любартовская, Эстер Гринбаум, Зельда Мец, я и другие женщины выполнили задание, и добытое нами мы отдавали в сапожную мастерскую, где был оборудован тайник для оружия и боеприпасов».

Вот как описывает Томас Блатт настроение заговорщиков накануне восстания: «Мы знали свою судьбу... Мы знали, что находимся в лагере уничтожения и что наше будущее – смерть. Мы знали, что даже неожиданное окончание войны может спасти заключенных "обычных" концлагерей, но не нас. Только отчаянные действия могут прекратить наши страдания и, может быть, дадут нам шанс на спасение. И наша воля к сопротивлению росла и крепла. Мы не мечтали о свободе, мы хотели только уничтожить этот лагерь и предпочитали умереть лучше от пули, чем от газа. Мы не хотели облегчать немцам наше уничтожение».

Восстание

Вот что рассказывал об этом Семен Розенфельд, один из советских военнопленных: «Он (Печерский. – В.К.) меня позвал и говорит: "Сюда после обеда должен прийти Френцель, комендант первого лагеря. Подбери хороший топорик, наточи его. Рассчитай, где Френцель будет стоять. Ты должен убить его. Не бойся, я буду рядом". Я, конечно, приготовился. Мне было двадцать лет, и я не был такой уж герой, но убить Френцеля – справлюсь...».

Читаем у Печерского: «Случилось так, что начальник всего лагеря гауптштурмфюрер Иоганн Нойман прибыл в портняжную мастерскую на двадцать минут раньше срока. Он слез с лошади, бросил поводья и вошел. Там были, кроме мастеровых, Шубаев и Сеня (Мазуркевич). У дверей лежал топор, прикрытый гимнастеркой. Нойман снял мундир. Пояс, на котором висела кобура с пистолетом, он положил на стол. К нему поспешил портной Юзеф и начал примерять костюм. Сеня подошел ближе к столу, чтобы перехватить Ноймана, если он бросится за пистолетом. Убить топором немца должен был Шубаев, такого же высокого роста, как и Нойман. Нойман все время стоял лицом к Шубаеву. Тогда Юзеф повернул немца лицом к двери под предлогом, что так лучше делать примерку. Шубаев схватил топор и со всего размаха хватил Ноймана обухом по голове. Из нее брызнула кровь. Фашист вскрикнул и зашатался. Лошадь, услышав крик хозяина, шарахнулась от мастерской. Если бы она побежала по лагерю, это могло бы сорвать все наши планы. К счастью, один из лагерников успел схватить лошадь под уздцы.

Вторым ударом Шубаева Нойман был добит. Труп его бросили под койку в мастерской и закидали вещами. Залитый кровью пол был быстро засыпан приготовленным заранее песком, так как через пятнадцать минут должен был прийти второй фашист.

Тотчас же Шубаев схватил пистолет Ноймана и принес мне. Я обнял его. Все это утро я страшно волновался, хотя всячески старался скрыть это. Но как только я узнал, что немцев уничтожают и план выполняется, сразу успокоился.

Ровно в четыре часа штурмфюрер Геттингер явился в сапожную мастерскую и спросил, готовы ли его сапоги. И когда он сел примерять, Аркадий Вайспапир одним взмахом топора зарубил его. В десять минут пятого в сапожную зашел штурмфюрер Иоахим Грейштут. Он тут же

был убит Лернером. Позднее, уже после побега, я узнал, как Цибульский со своей группой уничтожили во втором секторе четырех фашистов. Взяв из этих вещей хорошее, новое кожаное пальто, которое было заранее приготовлено, он пошел к одному из фашистов – унтершарфюреру Зигфриду Вольфу и сказал, что имеется хорошее кожаное пальто. Пока его никто не взял, пусть он пойдет и заберет. Как падаль, он был уничтожен и спрятан среди вещей замученных людей. Той же дорогой последовали еще два фашиста. Но с четвертым было труднее, он находился в конторке, где стоял несгораемый шкаф с золотом, награбленным у узников. Цибульский понес их в контору штурмфюрера Клятта, делая вид, что хочет передать ему дневную добычу, найденную в карманах убитых. Фашист подозрительно насторожился, но Цибульский быстрее молнии вскочил на него и начал душить, тут же подскочили остальные. Фашист был уничтожен».

Может возникнуть вопрос, как это удалось так легко ликвидировать эссовцев. Ответ прост: тем даже в голову не приходило, что заключенные способны к организованному сопротивлению, их же считали неполноценными, вот и поплатились. Но главное все-таки заключалось в том, что подготовил и возглавил восстание офицер, а ядро восставших составили солдаты Красной армии.

Раздался свисток к построению. Все выбежали из барачков. Во двор вошел начальник караула – немец из Поволжья – и стал ругаться: «Стройтесь, ведь вы слышали свисток! Шнель!»

Он не успел выхватить пистолет, как несколько топоров опустились ему на голову. Люди заволновались. В этот момент к ним приблизилась колонна из второго сектора. Нельзя было терять ни одной секунды. Печерский крикнул: «Товарищи! К воротам! Ура!»

Другие подхватили. Большинство – те, которые только сейчас начали понимать, что здесь происходит, бросились к центральным воротам. Часть людей – к оружейному складу, и в ту же минуту украинец, находившийся на сторожевой вышке, стал поливать людей пулеметным огнем. Начали стрелять и часовые, которые ходили между рядами проволочного ограждения. Столяр Ян прицелился и выстрелил в украинца, стоящего на сторожевой вышке. Его пулемет умолк. Толпа уже подошла к центральным воротам и смела со своего пути охрану.

Оставшиеся в живых немецкие офицеры попытались преградить дорогу толпе, открыв огонь из автоматов, но поднять общую тревогу они не успели.

Народ хлынул в сторону, вдоль первого сектора, некоторые – прямо на заминированное поле. Возле офицерского домика выделенная группа начала разрезать проволочное ограждение. Вторая группа побежала в другую сторону и лопатами начала разрывать проволоку. По плану нужно было на минное поле бросать камни, доски, чтобы их обезопасить, но в суматохе никто этого не делал. Многие здесь погибли, и убитые прокладывали своими телами дорогу к свободе другим узникам. Вокруг был сплошной ад: стрельба, взрывы гранат и мин, пулеметный огонь. У центральных ворот, смяв часового, люди побежали в лес, отстреливаясь на ходу из захваченных у немцев пистолетов и винтовок. Вся система безопасности лагеря была застигнута врасплох, и казалось даже, что на некоторых вышках в этот момент отсутствуют пулеметчики.

Участник восстания Томас Блатт так оценивает количество бежавших, погибших и спасшихся узников Собибора:

общее количество узников, находившихся в лагере в день восстания, – 550. Из них:

не смогли или не захотели бежать (и были убиты сразу или вскоре после восстания) – 150,

погибли на минах и от пуль немцев и охраны – 80,

вырвались с территории лагеря и достигли леса – 320.

Из этих 320 узников: пойманы и казнены – 170.

Из оставшихся в живых 150 узников:

погибли в войне с немцами в партизанских отрядах и в армии – 5,

погибли в убежищах, тайниках и т. п. (в основном от рук враждебно настроенных лиц из местного населения) – 92,

дожили до освобождения Красной армией – 53.

Тяжкая судьба Печерского

Печерский, возглавивший восстание, с группой бывших военнопленных, прибывших с ним в Собибор, сумел присоединиться к партизанам, а затем к Красной армии. Все его соратники подолжили войну в ее рядах, и только единственно Печерского арестовали и вместо того, чтобы представить к награде, направили в штрафной батальон. От штрафных штрафные отличались тем, что в них зачисляли только офицеров, попавших в плен. Для особистов было совершенно безразлично, как вырвался оттуда человек, хотя бы и рискуя жизнью. Сохранился любопыт-

ный документ – справка, выданная Печерскому: «Дана тех. инт. 2 р. Печерскому А.А. в том, что он [неразборчиво, возможно, «находился»] в 15 отдельном штурмовом стрелковом батальоне на основании директивы Генерального штаба КА от 14.06.44 г. за № 12/309593,, свою вину перед Родиной искупил кровью. Справка выдана для предъявления в ОК для прохождения дальнейшей службы и действительна с предъявлением справки [неразборчиво, вероятно «о ранении»].

Командир 15 ОШСБ гв. майор Андреев

Нач. штаба гв. к-н Щепкин

20 августа 1944 г.

№ 245».

Да, это выглядит как парадокс, но свой подвиг лейтенант искупил кровью. Он был тяжело ранен в одном из боев и провалялся в госпиталях почти год, после чего его комиссовали. Печерский вернулся в родной Ростов, работал администратором в театре музыкальной комедии, но в 1948 году, когда началась кампания против космополитов, его уволили, и пять лет, до самой смерти Сталина, герой не мог устроиться никуда и жил на иждивении жены, и только в 1953 году он поступил рабочим на машиностроительный завод. Умер он в 1990 году в возрасте 91-го года. Имя его покрыто мраком забвения. В Ростове нет ни улицы имени Печерского, на доме, где он жил, нет памятной доски, даже могила не ухожена.

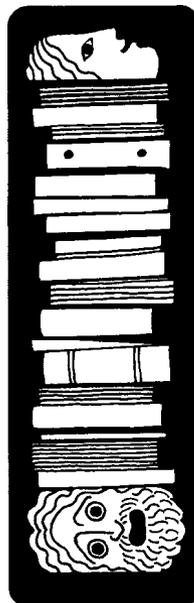
А.А.Печерский

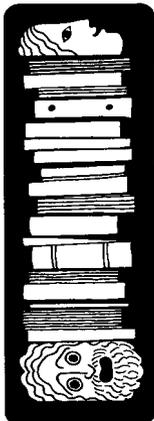
Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующие стремления, сохранить враждебные интересы, развязать вековые узлы, чтобы путем закона перевести один гражданский порядок на другой!.. В такую пору надо не раздувать пламя, не растравливать язвы, а успокаивать раздражение умов, чтобы вернее достигнуть цели.

К. Д.Кавелин

**Наши революционеры
или реформаторы произойдут
не из низшего класса,
а в красных и голубых лентах.**

С. С.Уваров

Оксана Киянская

**ДЕКАБРИСТЫ
И
НАРОД:
К ПОСТАНОВКЕ
ПРОБЛЕМЫ**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

This paper is a publication of documents on peasants' riots in Ukrainian village Germanovka in the mid-1820s. The documents reveal that in summer of 1825 peasants were pacified by a troop team of the Chernigovski infantry regiment which a few months later took part in the Decembrist revolt. The publication is prefaced with the article analyzing Decembrists' attitude to the people at large and to the public disturbances in particular.

Ключевые слова: российская империя, 1820-е гг., декабрь, станица, армия, Украина, 1825 г., крестьянство, волнения.

I

Крестьянское движение в Российской империи – одна из любимых тем советской историографии. Именно этой теме посвящены сотни статей и десятки монографий¹. Среди них есть и описательные, и аналитические работы. Однако исследователи – даже те, кто специально занимался крестьянским движением на Украине, – упустили в своих рассуждениях один весьма интересный эпизод этого движения. События, о которых пойдет речь ниже, происходили в 1824–1826 годах в местечке Германовка Киевской губернии. Задача данной статьи – восполнить пробел в историографии, описать историю волнений в Германовке и их последствия. Ибо конкретные обстоятельства этих волнений таковы, что без их учета и наши представления об общественном движении в Российской империи в целом обречены на неполноту.

II

Селение Германовка находилось в 60 верстах от Киева, принадлежало к Киевскому уезду (или по-украински повіту) Киевской же губернии; по ревизии 1792 года в нем числилось «в 116 дворах мужского пола 711, женского 665» человек². Согласно сведениям, собранным знаменитым киевским краеведом Л.И.Похилевичем, Германовка «принадлежит к древнейшим поселениям страны, чему служит доказательством городище и множество древних могил около его, в коих оказались груды человеческих костей. До татарского нашествия в летописях

¹ См., напр., Семевский В.И. *Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.* Т.1–3. СПб., 1888; Игнатович И.И. *Борьба крестьян за освобождение.* Л., 1924; Дружинин Н.М. *Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева.* Т.1. М.; Л., 1946.; Игнатович И.И. *Крестьянские волнения первой четверти XIX в.* // *Вопросы истории.* 1950. №9; Линков Я.И. *Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 гг.* М., 1952; Ковальченко И.Д. *Русское крепостное крестьянство в 1-й половине XIX в.* М., 1967; Литвак Б.Г. *Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в.* М., 1967; Лысенко Н.Н. *Общественно-политическое движение в Украине в I четверти XIX в.* Автореф. дисс.... д.и.н. Киев, 1975; Федоров В.А. *Крестьянское движение в Центральной России, 1800–1860.* М., 1980; Литвак Б.Г. *Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг.: Источники и методика изучения источников.* М., 1983; Рахматуллин М.А. *Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг.* М., 1990; и др.

² Похилевич Л.И. *Краснаві праці.* Київ, 2007. С.82.

упоминается Германеч, которым мы и считаем нынешнюю Германовку». В годы татарского нашествия древний Германеч был сожжен, и следующее упоминание о селении в летописях относится только к середине XVII века – времени войны Украины против польского владычества. Уже тогда, судя по приводимым Похилевичем данным, жители Германовки отличались независимым нравом: «В 1659 г. Выговский созвал Чернецкую раду в Германовке, чтобы объявить народу свое присоединение к ляхам; но при чтении королевских привилегий едва не был задавлен негодующею чернью»³. Гетман Иван Выговский был сторонником войны с Россией и возвращения Украины под польскую власть. Однако жители Германовки и окрестных селений не желали жить под польскими панами; Выговский был низложен.

Издавна, еще со времен поляков, Германовка была имением старостинским: правители государства могли жаловать его дворянам за верную службу, однако после смерти владельца оно переходило обратно в казну. На жителей Германовки никогда не распространялось крепостное право. Лично свободными они были и в начале XIX века, когда практика пожалования имений «на время» давно уже ушла в прошлое, а старостинские крестьяне сравнились в правах с крестьянами казенными. Жители Германовки исправно платили налоги в казну, исполняли наложенные государством обязанности, но не знали, что такое работать на барина.

Однако 10 сентября 1810 г. последовал манифест императора Александра I «О назначаемых в продажу казенных имуществах для составления капитала погашения долгов». Согласно этому манифесту, к продаже частным лицам назначалось «до трехсот пятидесяти тысяч душ»⁴. Среди этих «душ» оказались и германовские крестьяне: в 1812 году Германовка была продана казной в собственность поляка, статского советника Кастана Николаевича Проскуры.

До начала 1820-х годов отношения крестьян с новым владельцем были мирными; по крайней мере, ни о каких взаимных «обидах» речи не шло. Однако в 1824 году «возникла жалоба от крестьян одного местечка на экономов означенного помещика за чинимые якобы притеснения им»⁵.

³ Там же. С.82–83.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗР). Собр.1. Т.31. СПб., 1830. № 24.346. 10 сентября 1810.

⁵ Центральний державний історичний архів України, м. Київ (далее – ЦДАК). Ф.533.

По этой жалобе, поданной в Киевское губернское правление, было назначено следствие. Однако разбиравшие жалобу различные судебные инстанции приняли сторону помещика: Кастан Проскура, вышедший незадолго перед волнениями в Германовке в отставку, в прошлом занимал должность президента Киевского главного суда⁶. Другие жалобы германовских крестьян – в частности, о том, «что якобы происходит для них угнетение и что при наборе рекрут не соответственно числящихся в Германовке по ревизии душ взято с них более, нежели следовало, и несоразмерная раскладка денег происходит»⁷, – остались без рассмотрения.

Трудно сказать, насколько жестоким помещиком был Проскура, угнетал он или не угнетал своих крестьян, законными или незаконными были действия его экономов. В данном случае экономические претензии крестьян были вторичными. Просто крестьяне никак не могли поверить, что их, прежде свободных людей, можно было продать в собственность такому же свободному человеку, усматривали в документах о продаже обман, пытались вернуть утерянный статус. Жители Германовки требовали, «дабы им отрабатывать панщину наравне с старостинскими крестьянами смежной деревни Семеновки, оставшейся в казне без продажи, то есть по одному только дню на неделе»⁸. Согласно Похилевичу, деревня Семеновка вообще рассматривалась «как западная оконечность Германовки», входила в один с Германовкой церковный приход и до 1812 года считалась частью «Германовского староства». Казенными оставались и другие граничащие с владением Проскуры деревни: Суцаны, Германовская слобода и Григоровка⁹.

Но до отмены крепостного права было еще очень далеко. И приговор суда по жалобе германовских крестьян гласил: «Признаны крестьяне виновными в несправедливости их жалобы, в ослушании против владельческой экономии, возмущении и дерзости, за что главнейшие в том преступлении 6-ть человек по решению Главного суда, учиненному 1825 года мая 4-го и утвержденному г[осподином] гражданским губернатором, приговорены к наказанию плетьюми и к ссылке в Сибирь на поселение, два тоже к наказанию плетьюми и оставлению в жительстве, а

Оп.5. Д.1019. Л.2.

⁶ *Державний архів Київської області (далее – ДАКО). Ф.2. Оп.3. Д.4889. Л.2.*

⁷ *Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург (далее – РГИА). Ф.1286. Оп.3. 1825 г. Д.160. Л.19.*

⁸ *Там же. Л.17.*

⁹ *Похилевич Л.И. Указ. соч. С.83–84.*

16 человек к выдержанию под караулом в тюрьме через четыре недели и водворению в жительство со внушением повиновения владельцам их»¹⁰.

Исполнять приговор над крестьянами в Германовку был послан земский исправник Яниковский. Исправника сопровождала небольшая воинская команда: «от внутреннего гарнизонного батальона из 15-ти рядовых с одним унтер-офицером и одним офицером», прапорщиком Даниловичем¹¹.

Узнав о решении суда, германовские крестьяне продемонстрировали незаурядную выдержку и организованность. Согласно материалам следствия, они, «собравшись в клуне крестьянина Алексея Лозенка», «учинили между собою совещание, дав друг другу слово, чтоб быть всем в единодушии и согласии на все их предприятия и постоять в защите к недопущению наказать осужденных, в таком предположении, что когда тех бить, то и всех их бить по равной части для того, что осужденные были с ними в одном их согласии, в чем поклялись и подписались»¹².

О том, что случилось дальше, исправник Яниковский доносил следующее: 8 июля 1825 года он, вместе с командой и осужденными крестьянами, прибыл в Германовку. Но «коль скоро приступили к наказанию первого из них, Ивана Трофименка, чрез полицейского служителя, то вдруг жители возмутились и одновременно произносили крики о неповиновении таковому решению и указу, бросились с азартом на лежащего на земле Трофименка и, раздевшись с верхнюю одеждою, обвалили воинскую команду и к исполнению решения не допустили»¹³. Согласно же рапорту Даниловича, крестьяне кричали: «Когда их бьете, то всех нас бейте и вместе с ними ссылайте в Сибирь, ибо они ни в чем не виноваты, а были от нас посланы просить о общественных обидах»¹⁴.

При этом крестьяне «решительно отзывались не повиноваться помещику». Исправнику ничего не оставалось делать, как отложить исполнение наказания и потребовать «значительной воинской команды» — себе в помощь¹⁵.

¹⁰ ЦДИАК. Ф.533. Оп.5. Д.1019. Л.2–2 об.

¹¹ Там же. Ф.485. Оп.1. Д.5491. Л.1.

¹² РГИА. Ф.1286. Оп.3. 1825 г. Д.160. Л.29.

¹³ ЦДИАК. Ф.485. Оп.1. Д.5491. Л.1.

¹⁴ Там же. Л.41 об.

¹⁵ Там же. Л.1.

Земские власти обратились к властям военным – и в помощь исправнику была прислана рота пехотного полка. 10 июля Яниковский еще раз попытался исполнить приговор над крестьянами. И «как только сделано приготовление к наказанию осужденных, то вдруг при поднесении рук вгору те собравшиеся крестьяне закричали толпою: "Не даймось!" Сии виновные, суть единомыслящие с ними, повторяя "не даймось, а если раз покоримся, то сие останется уже навсегда, что будут поодиночке ссылать и наказывать", и в таком крике, несмотря на примкнутые штыки и произносимые исправником и офицерами о воздержании слова, с остервенением бросились, не имея ничего в руках, на штыки в такой яростности, что едва солдаты со всею быстротою могли оберечь последствия и желания оных крестьян оставить жизнь свою на штыках»¹⁶. Надо отдать должное ротному командиру: он не отдал приказа стрелять по толпе, и наказание виновных снова пришлось отложить. И только появление в Германовке 14 июля еще одной пехотной роты позволило исполнить наказание над непокорными крестьянами¹⁷. Обе роты расположились в Германовке и окрестных селениях постоем.

Введение в Германовку второй роты произвело на крестьян сильное впечатление. Осужденные были наказаны, волнения пошли на убыль несмотря даже на то, что в августе обе роты были выведены из Германовки – «к общему тогда сбору войск в Волынской губернии». Посланный в Германовку разведать обстановку киевский чиновник Долинский доносил: жители в ответ на его «внушения» оказывали ему повиновение, «обещивая отбывать повинности владельцу по-прежнему»¹⁸. Долинский сообщал, что крестьяне «обратились к совершенному спокойствию, что все работы для владельца исполняются безостановочно, хлеб озимый и яровой с полей свезен, засева как владельческие, так и их окончены и никаких между крестьянами противу владельца и экономии его ослушаний не оказывается»¹⁹.

Параллельно с покорением крестьян земские власти энергично искали «зачинщиков» возмущения, то есть тех, кто писал крестьянам прошения и растолковывал им законы. Выяснилось, что «зачинщиками»

¹⁶ *Селянський Рух на Україні. Середина XVIII – перша четверть XIX ст. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1978. С.380.*

¹⁷ РГИА. Ф.1286. Оп.3. 1825 г. Д.160. Л.4.

¹⁸ Там же. Л.26.

¹⁹ Там же. Л.31–31 об.

постоянно оказывались представители грамотных сословий: дворянин Захар Жежелиовский, губернский секретарь Филипп Маркотун, «уволненный из киевских мещан» Григорий Топольский и даже диакон Яков Гошковский. Всех их «обязали подпискою» не писать и не переписывать крестьянских прошений.

Главным же из «зачинщиков» оказался заседатель Киевского нижнего земского суда, титулярный советник Дмитрий Кувчинский. Из документов выясняется, что Кувчинский, по происхождению малороссийский дворянин, поистине был бескорыстным крестьянским помощником, радетелем за народ. Именно он объяснял крестьянам их права, помогал составлять жалобы, разъяснял, что нельзя продавать живых людей в рабство, что помещик мог купить только «германовскую землю, а не крестьян»²⁰. При обыске в его доме были найдены черновики соответствующих документов. Согласно следствию, Кувчинский «обличается уже в сочинении для германовских крестьян просьб и других бумаг, и тем и в возмущении их противу владельца и правительства, с чего открывается, что он причиною состоит упорному их действию в неповиновении»²¹. Помогал Кувчинскому, как выяснило следствие, еще один киевский дворянин, Петр Вдовиченко-Витвицкий.

Приговор, вынесенный им, гласил: «Титулярный советник Кувчинский и коллежский регистратор Вдовиченко-Витвицкий, содержащиеся ныне в тюремном замке, были суждены за сочинение крестьянам помещика Проскуры бумаг, и по Высочайше утвержденному в 9 день марта сего 1828 года мнению Государственного совета велено их, как вредных в обществе людей, удалить на жительство в Сибирь, поручив местному начальству иметь за поведением их там строгий надзор»²².

Собственно, дело германовских крестьян было только одним из многих подобных дел, которыми изобиловало начало XIX в. Ничего уникального в этой истории не было. Крестьяне часто роптали на помещиков, не подчинялись им. Для усмирения крестьян вводились воинские команды. В 1801–1825 годах в России было зафиксировано 563 случая крестьянского неповиновения, из них в 147 случаях дело доходило до вызова войск²³. История германовских крестьян отличалась от десятков

²⁰ Там же. Л.43.

²¹ Там же. Л.44.

²² ЦДАК. Ф.533. Оп.5. Д.1019. Л.16.

²³ Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях... С.4.

таких же лишь вниманием, которое этим волнениям уделяли центральные российские власти. В курсе «буйственного поведения» крестьян был управляющий Министерством внутренних дел Василий Ланской; дело о неповиновении Проскуре рассматривалось в Государственном совете, ходом расследования в отношении «зачинщиков» интересовался сам император Николай I²⁴.

Советские исследователи о волнениях в Германовке, конечно, знали. Волнения эти породили огромное количество документов, осевших в архивах Киева и Санкт-Петербурга. Два случайных документа из этого массива были опубликованы²⁵, а в Германовке даже был поставлен соответствующий памятник. И умолчание о волнениях в Германовке на страницах статей и монографий выглядит странно.

Но странность эта разъясняется после знакомства с архивными документами. История волнений германовских крестьян оказывается самым тесным образом связанной с другой историей, с историей восстания декабристов. Причем в данном случае декабристы, участники вспыхнувшего пять месяцев спустя восстания Черниговского пехотного полка, выступают в роли, с которой советские исследователи примириться не могли – в роли карателей.

В Киевской губернии, к которой относилось мятежное селение, были расквартированы части 9-й пехотной дивизии 1-й армии; в дивизию эту, в частности, входили Черниговский и Полтавский полки. Первоначально земские власти просили о присылке воинской команды командира Полтавского пехотного полка полковника Василия Тизенгаузена.

Тизенгаузен был в 1824 году принят в Южное общество Сергеем Муравьевым-Апостолом; в истории с Германовкой командир полтавцев повел себя как истинный декабрист. Полковник отказался давать своих солдат для усмирения мятежников. Он ответил суду, что «по причине назначенного смотра в местечке Ржищев и наступающих к тому дней, да и без воли командующего пехотною дивизией дать требуемой воинской команды не может»²⁶.

Иную позицию занял подполковник Густав Гебель – командир Черниговского пехотного полка. В отличие от Тизенгаузена, декабристом

²⁴ РГИА. Ф.1286. Оп.3. 1825 г. Д.160. Л.10.

²⁵ *Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. Сб. документов. М., 1961. С.746–747; Селяньський Рух на Україні. С.379–386.*

²⁶ ЦДИАК. Ф.485. Оп.1. Д.5491. Л.3.

подполковник Гебель не был и идеям их не сочувствовал. Скучные биографические сведения о Гебеле позволяют сделать вывод: он был жестким полковым командиром, любил дисциплину и порядок. По рождению он не был дворянином, происходил «из лекарьских детей Бело-русско-Могилевской губернии»²⁷. Очевидно, выслужиться в полковые командиры Гебелю удалось именно благодаря хорошему знанию фрунтовой службы и любви к дисциплине. Сын Гебеля Александр заметит впоследствии, что его отец, ставший полковым командиром в марте 1823 г., имел цель «подтянуть» полк²⁸. Естественно, что, получив приказ начальства, Гебель выполнил его.

Покорение Черниговским полком германовских крестьян состоит, согласно документам, из трех эпизодов. Первый из них в полной мере отражен в документах. 10 июля 1825 года – в помощь земскому исправнику и солдатам гарнизонного батальона – в селение вошла 3-я мушкетерская рота полка под командованием штабс-капитана Антона Роменского²⁹. В рядах этой роты состоял и в операции участвовал будущий активный мятежник поручик Михаил Щипилло. 3-й мушкетерской роте не удалось справиться со своей задачей, попытка наказать осужденных переросла в драку крестьян с солдатами. 14 июля в Германовку вошла еще одна черниговская рота; на этот раз крестьяне вынуждены были покориться и не противиться наказанию своих товарищей. Ни номер этой второй роты, ни имя ее командира в документах не упоминаются. В августе 1825 г. обе роты вышли из Германовки и отправились на корпусный сбор в местечко Лещин.

И, наконец, третий эпизод, связанный с карательными обязанностями черниговцев, относится ко времени после Лещинского лагеря. Осенью 1825 года в Германовке встала постоем 2-я мушкетерская рота полка под командованием штабс-капитана Вениамина Соловьева. Именно из Германовки 2-я мушкетерская рота 31 декабря 1825 г. отправилась бунтовать³⁰.

²⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.25. Оп.161 а. Д.493. Л.18.

²⁸ Гебель А.Г. Из записок подполковника гвардии А.Г.Гебеля // Русский архив. 1871. Т.10. С.1717–1718.

²⁹ ЦДИАК. Ф. 485. Оп.1. Д. 5491. Л.43–44 об.

³⁰ Восстание декабристов. Документы и материалы (далее – ВД). Т.6. М.; Л., 1929. С.146 и др.

III

Черниговский пехотный полк был одним из старейших в русской армии: он был сформирован еще Петром I в 1700 году. Естественно, вся история войн России XVIII–XIX веков – это и история Черниговского полка. Полк участвовал в швейцарской кампании 1799 года, в войне с Францией 1806–1807 годов, отличился при Пултусске, Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, Фридланде. Потом, в 1812 году, полковая история пополнилась сражениями под Смоленском, Бородином, Малоярославцем, Красным. В Заграничных походах 1813–1814 годов полк воевал под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. За храбрость черниговцам были пожалованы георгиевские знамена и гренадерский бой – особый вид строевого барабанного боя, очень редкая коллективная награда, вручавшаяся за исключительные подвиги.

Однако к 1825 году славные военные дела черниговцев уже стали историей. Большинство офицеров в военных действиях участия не принимали, поступив на службу уже в послевоенные годы. Черниговский полк по духу своему мало чем отличался от десятков других полков, расквартированных по всей России. Большинство офицеров-черниговцев были бедными, малообразованными, жестокими людьми.

После восстания в полку с осужденных офицеров попытались взыскать деньги «за не оказавшиеся в полку после мятежа амуничные и оружейные вещи». Однако выяснилось, что «только из оных мятежников у Петина в Козловской округе пять душ крестьян с землею, а у прочих никакого принадлежащего особо им имения не отыскано, кроме того, что за отцом Мозалева состоит 12 душ собственно им благоприобретенных, за отцом Сухинова 4 души и за матерью: Соловьева дворовых 6 душ и Сизиневского 4 души, однако все оные лица по семейным обстоятельствам отозвались несостоятельными к платежу за преступных сыновей присужденных с них денег»³¹. Взыскать всю сумму сполна не было никакой возможности.

Личности офицеров-черниговцев восхищения у современников не вызывали. Так, например, прапорщик Тамбовского полка Александр Рихард, узнав о поражении восстания черниговцев, говорил своим приятелям, «что он рад, что Кузьмин застрелился, а то он многих бы подвергнул равной с собой участи». На вопрос следствия о характере собственных взаимоотношений с поручиком Анастасием Кузьминым –

³¹ Там же. С.349.

командиром 5-й мушкетерской роты полка, покончившим с собою при разгроме восставших, – Рихард ответил, что «он из собственных опытов знал» его «как человека, склонного делать обиды»³². Известно, что Кузьмин не брезговал палочными методами воспитания солдат³³. Известен и крутой нрав поручика Михаила Щипиллы, чья карьера сильно пострадала в 1820 году. Именно тогда брат будущего декабриста был отставлен от службы «за жестокое наказание фельдфебеля» своей роты³⁴. Щипилло вынужден был уйти из полка вслед за братом и два года пробыл в отставке³⁵.

Кроме того, моральный климат не улучшался и от присутствия в полку особой группы солдат – бывших офицеров, разжалованных за различные дисциплинарные поступки в солдаты с лишением или без лишения дворянства. Таких солдат в Черниговском полку было довольно много. В восстании Черниговского полка впоследствии примут участие двое из них: Дмитрий Грохольский и Игнатий Ракуза. Оба они были разжалованы с лишением дворянства.

Игнатий Ракуза был разжалован из поручиков Пензенского пехотного полка за то, что «не отвел на квартиры роту, когда ему было препоручено, а остался самовольно в полковом штабу, и когда майор (того же полка, батальонный командир Ракузы. – *О.К.*) Говоров нашел его... то Ракуза, быв пьян, делал грубости и не хотел идти на гауптвахту, и Говоров вынужден был приказать солдатам его вести, которых Ракуза в показаниях своих осмелился назвать шайкою, и чтобы замарать честь батальонного своего командира показал, якобы он его в сенях канцелярии и потом на улице бил рукою по лицу, чего свидетелями не доказано»³⁶. Дмитрий Грохольский потерял эполеты штабс-капитана Полтавского полка за «дерзкие грубости» в адрес батальонного командира майора Дурново, закончившиеся банальной дракой между Дурново и вставшими на сторону Грохольского двумя офицерами того же полка³⁷.

³² РГВИА. Ф.14414. Оп.1. Д.196. Ч.1. Л.374.

³³ Муравьев-Апостол М.И. Восстание Черниговского полка // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С.195.

³⁴ РГВИА. Ф.16231. Оп.1. Д.370, 436.

³⁵ Высочайшие приказы о чинах военных за 1822 год. СПб., 1822 (Приказ от 29 июня 1822 г.).

³⁶ РГВИА. Ф.16231. Оп.1. Д.432. Л.35 об.–36.

³⁷ Там же. Д.313.

В Черниговском полку служил и еще один рядовой – разжалованный из полковников артиллерии Флегонт Башмаков. Его преступление состояло в том, что он, будучи командиром 33-й батареей роты 17-й артиллерийской бригады, растратил «казенных, солдатских и других сумм... всего 29 215 руб. 92 1/2 коп. ассиг[нациями] и 11 руб. серебром». Кроме того, в вину Башмакову ставилось «оклеветание генерал-майора Скобелева и артиллерии полковника Талызина: первого в намерении отравить его ядом по связи с его женою, а последнего в том, что он будто бы, не быв ни в одном деле против неприятеля, произведен неправильно в полковники за отличие в сражении»³⁸.

Все эти люди до августа 1825 года не проявляли никаких революционных настроений, в тайных обществах не состояли и едва ли слышали о них – по крайней мере, сведений, которые бы доказывали противоположное, не сохранилось. У черниговцев было много дел: надо было служить, зарабатывать чины, а разжалованным – возвращать утраченные, на скудное армейское жалованье приходилось содержать родственников. О революции им, по-видимому, думать было просто некогда.

Но можно однозначно сказать, что никому из офицеров-черниговцев – ни будущим декабристам, ни тем, кто в декабре 1825 года сохранит верность престолу, – обязанности покорителей крестьян не нравились. За спокойствие крестьян отвечала земская полиция, и не дело офицера было брать эти функции на себя. К полицейским и жандармам российские дворяне в начале XIX в. относились по большей части с презрением. Так, офицер-декабрист Николай Басаргин в начале 1820-х годов с негодованием отверг предложенную ему роль полицейского осведомителя³⁹. Михаил Лунин в письмах к сестре из Сибири ставил знак равенства между «кретинизмом» и полицейско-шпионской деятельностью⁴⁰.

А не связанный с декабристами мемуарист Филипп Вигель повествовал об «ужасе невидимой гибели», который распространяли вокруг себя люди, согласившиеся исполнять полицейские обязанности, и о неприязни, которую испытывали по отношению к ним окружающие⁴¹.

³⁸ ВД. Т.6. С.364.

³⁹ «Прошу избавить меня от сего поручения»: Письмо декабриста Н.В.Басаргина П.Д.Киселеву // Исторический архив. 2000. №6. С.21–29.

⁴⁰ Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1988. С.245.

⁴¹ Вигель Ф.Ф. Записки. Т.1. М., 2003. С.158.

«Жандармы вместо уважения были во всеобщем презрении», – утверждал другой мемуарист, литератор Михаил Дмитриев⁴².

И когда офицеры-черниговцы по приказу полкового командира оказались в роли полицейских, это не могло не сказаться на моральном климате в полку. Офицеры, даже и те, кто непосредственно в покорении крестьян не участвовал, неминуемо должны были счесть за оскорбление возложенную на них полковым командиром недостойную роль. Полицейские обязанности марали черниговский мундир.

IV

Однако в сложившейся ситуации офицеры повели себя по-разному. Штабс-капитан Антон Роменский, главный участник карательной операции, не допустивший пролития крестьянской крови, сразу же после германовской истории подал в отставку и сложил с себя обязанности ротного командира. Вместо Роменского ротным командиром был назначен Михаил Щипилло.

В восстании Черниговского полка Роменский не участвовал, в момент его начала находился в своем имении. Узнав о происшествиях в полку, он вернулся из имения, но решительно отказался принять сторону восставших⁴³. Солдаты 3-й мушкетерской роты говорили на следствии, что если бы Роменский «командовал ими далее, то и они не имели бы таковой участи»⁴⁴. «Сказался больным» и его брат, подпоручик той же роты Климентий Роменский. Как и старший брат, он не принял участие в восстании черниговцев, в резкой форме отказавшись помогать восставшим⁴⁵.

Однако далеко не все офицеры-черниговцы отреагировали на историю с Германовкой подобно Роменскому.

Сбор войск 3-го пехотного корпуса под местечком Лещин, начавшийся в августе 1825 года, хорошо известен историкам декабризма. В этот период резко активизируется деятельность Васильковской управы Южного общества декабристов; управой же этой руководил командир 2-го батальона черниговцев, подполковник Сергей Муравьев-Апостол.

⁴² Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни // *Наше наследие*. 1989. № 4. С.572.

⁴³ ВД. Т.6. С.347–348.

⁴⁴ Там же. С.176.

⁴⁵ Там же. С.347–348.

Неизвестно, участвовал ли в германовских событиях лично он. Согласно документам, при ротах Черниговского полка должен был находиться штаб-офицер, осуществлявший общее руководство карательной операцией. Вместе с Роменским в Германовку был отправлен младший штаб-офицер Черниговского полка, майор Александр Лебедев. «Г[осподину] майору Лебедеву» было поручено «действовать против неповиновения крестьян своему владельцу и правительству согласно ему, Лебедеву, по сему предмету постановлению»⁴⁶. Однако Лебедев, по-видимому, не желавший марать руки, воспользовался тем, что был назначен депутатом в следственную комиссию по делу о крестьянском неповиновении, уехал в Киев и в подавлении беспорядков участия не принял⁴⁷. В восстании Черниговского полка Лебедев тоже не участвовал.

Но документы свидетельствуют: некий старший офицер Черниговского полка при ротах все же присутствовал, ибо таков был приказ военного начальства. К июлю 1825 года при полку, кроме Лебедева и самого Гебеля, находились только два старших офицера: командир 1-го батальона майор Сергей Трухин и командир 2-го батальона подполковник Муравьев-Апостол⁴⁸. Сделать точный вывод о том, кто из них командовал ротами в Германовке, невозможно: фамилия штаб-офицера в документах отсутствует.

Но нельзя не отметить: вне зависимости от того, покорял или нет Муравьев крестьян, он, конечно же, был полностью в курсе того, что происходило в Германовке в июле 1825 года. И события эти не могли не сказаться на его поведении. Заговорщик с девятилетним стажем, бывший офицер-семеновец, гуманист, падавший в обморок при виде телесного наказания, мечтавший об улучшении положения крестьян и солдат, он ничего не сделал для того, чтобы приказ Гебеля не был исполнен.

Сергей Муравьев-Апостол давно готовил военную революцию: к лету 1825 г. план в общих чертах был уже составлен. Согласно его предположениям, разработанным вместе со служившим в Киеве князем С.П.Трубецким, военная революция должна была начаться летом 1826 г. на высочайшем смотре под Белой Церковью. Летом 1825 года, до начала лагерных сборов, с этим планом соглашается и руководитель Южного общества Павел Пестель. Последний дал Васильковской управе по-

⁴⁶ ЦДИАК. Ф.485. Он.1. Д.5491. Л.51 об.

⁴⁷ Там же. Л.53–53 об., 55.

⁴⁸ ВД. Т.6. С.80.

ручение «самым вернейшим образом приготовить 3-й корпус к восприятию действий на общем смотре в 1826 году»⁴⁹.

Однако в Лещине Муравьев вдруг решил не ждать будущего года, а начинать восстание немедленно. «В 1825 году при сборе корпуса в Лещине, – показывал он на следствии, – когда был отнят полк у Швейковского⁵⁰, решились опять действовать... Мы предложили Швейковскому начать действие, овладев корпусным командиром и начальником штаба, что было всеми принято»⁵¹.

Революционный порыв и нетерпение проявляли в Лещине и другие офицеры-черниговцы: многие из них (Анастасий Кузьмин, Вениамин Соловьев, Иван Сухинов, Михаил Щипилло и, по-видимому, Василий Петин) вступили в тайное общество, в заговор были приняты и некоторые разжалованные в солдаты бывшие офицеры. Однако вступлением в общество дело не ограничилось: черниговцы оказались едва ли не самыми активными из присутствовавших в лагере заговорщиков.

Наибольшей активностью отличался поручик Анастасий Кузьмин. Согласно показаниям одного из участников заговора, Кузьмин «хвастал в совещании, что у него рота готова к возмущению хотя сейчас»⁵². По воспоминаниям же декабриста Ивана Горбачевского, тоже бывшего в Лещине, «однажды Кузьмин, не расслушавши на совещании одном, о чем толковали и спорили, и думая, что решили поднять весь корпус на другой день, объявил об этом своей роте и вышел на линейку в лагере в походной амуниции. Мне дали знать об этом, я прибежал к нему и начал его упрекать в поспешности... и чтобы он ожидал впредь приказаний. Он взбесился и сказал:

– Черт вас знает, о чем вы там толкуете понапрасну! Все толкуете: конституция, «Русская правда» и прочие глупости, а ничего не делаете. Скорее дело начать бы, это лучше бы было всех ваших конституций.

Муравьев-Апостол ему тоже выговаривал за такую поспешность, а тот ему отвечал:

⁴⁹ Там же. Т.9. М., 1950. С.112–113.

⁵⁰ Член Южного общества, полковник Иван Повало-Швейковский 31 августа 1825 г. был отрешен от командования Алексопольским пехотным полком, которым командовал 10 лет.

⁵¹ ВД. Т.4. М.; Л., 1927. С.258.

⁵² ВД. Т.13. М., 1975. С.347.

– Если вы нас будете долее удерживать, то мы и без вас найдем дорогу и в Киев, и в Москву»⁵³.

По-видимому, пылкость и решимость подчиненных вызвала испуг даже у Муравьева-Апостола. По крайней мере, Горбачевский сообщает о негодовании поручика Михаила Щипиллы на батальонного командира и его друзей за то, что они видят в черниговцах «опасных или беспокойных людей» и не зовут на общие собрания. Негодование это едва не переросло в открытую ссору Муравьева с младшими офицерами⁵⁴.

V

Решимость офицеров-черниговцев «действовать» воплотилась в жизнь несколько месяцев спустя: в конце декабря 1825 года в Черниговском полку вспыхнуло восстание. Как известно, оно началось с избиения офицерами-заговорщиками своего полкового командира, подполковника Гебеля. В ночь с 28 на 29 декабря 1825 г. Гебель попытался арестовать Муравьева-Апостола, но наткнулся на вооруженное сопротивление вставших на защиту батальонного командира офицеров. «При возмущении, учиненном Муравьевым, получил 14 штыковых ран, а именно: на голове 4 раны, во внутреннем углу глаза одна, на груди одна, на левом плече одна, на брюхе три раны, на спине 4 раны. Сверх того перелом в лучевой кости правой руки», – таковы данные официального медицинского освидетельствования, занесенные в послужной список подполковника Гебеля⁵⁵.

Сам Гебель показывал на следствии: избиение началось с того, что «Щипилло, закричав на меня: "Ты, варвар, хочешь погубить Муравьева", – схватил у караульных ружье и пробил мне грудь штыком»⁵⁶. Иные источники также называют Щипиллу инициатором нападения на командира⁵⁷. Другим активным участником избиения оказался Анастасий Кузьмин. Нападение офицеров на командира произошло в деревне Трилесе, ротной квартире 5-й мушкетерской роты Кузьмина. Согласно показаниям участников избиения, Кузьмин колот Гебеля «шпагою».

⁵³ Горбачевский И.И. *Записки. Письма. М., 1963. С.175.*

⁵⁴ Там же. С.24.

⁵⁵ РГВИА. Ф.25. Оп.161а. Д.493. Л.23.

⁵⁶ ВД. Т.6. С.108.

⁵⁷ Вадковский Ф.Ф. *Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. Т.1. М., 1931. С.194–195; ВД. Т.4. С.187, 205 и др.*

Когда же раненый полковой командир попытался скрыться от нападавших, «Кузьмин... подбежав к Гебелю, сшиб его с ног и несколько раз колот его в спину»⁵⁸. Подполковник Муравьев-Апостол нанес полковому командиру «штыком сильную рану в живот»⁵⁹; штабе-капитан Соловьев свидетельствовал, что Муравьев избивал командира прикладом⁶⁰. Впрочем, и Соловьев ударил Гебеля штыком⁶¹.

Однако из четырех главных участников избиения трое были ротными командирами. Своими должностями они были обязаны лично Гебелю, ибо назначение командиров рот входило в компетенцию полкового командира. Более того, Михаил Щипилло получил роту в конце 1825 г., после подачи Роменским прошения об отставке. Не враждовал с Гебелем и подполковник Муравьев-Апостол.

Между тем Матвей Муравьев-Апостол, старший брат руководителя восстания черниговцев, показывал на следствии: причины, по которым началось избиение Гебеля, были сугубо личными. По словам Матвея Муравьева, он пытался удержать Щипиллу от нападения на Гебеля, но Щипилло отвечал, «что полковник мерзкий человек, который его лично обидел»⁶². В другом показании он называет в качестве инициаторов избиения не только Щипиллу, но и Кузьмина: «Сии два офицера еще несколько месяцев прежде сего имели намерение отомстить Гебелю за какое-то его самовольство, против них оказанное»⁶³.

Очевидно, под «обидой» в данном случае следует понимать участие офицеров в деле покорения германовских крестьян – иными сведениями о нанесенных Гебелем своим подчиненным обидах историки пока не располагают.

Следует отметить, что все участники избиения полкового командира, включая переведенного в декабре 1825 года из Черниговского полка в Александрийский гусарский полк поручика Ивана Сухинова, стали потом главными деятелями восстания. Михаил Щипилло был убит 3 января 1825 г. при усмирении мятежников; через несколько часов после разгрома покончил с собою Анастасий Кузьмин. Вениамин Соловьев и Иван Сухинов были приговорены военным судом к вечной каторге.

⁵⁸ ВД. Т.6. С.140.

⁵⁹ Там же. С.108.

⁶⁰ Там же. С.106.

⁶¹ Там же. С.108.

⁶² ВД. Т.9. С.187.

⁶³ ВД. Т.4. С.205.

VI

Повествуя о ходе восстания Черниговского полка, Иван Горбачевский писал: «Объезжая караулы, Муравьев был окружен народом, возвращающимся из церкви. Добрые крестьяне радостно приветствовали его с новым годом, желали ему счастья, повторяли беспрестанно:

– Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш.

С.Муравьев тронут был до слез, благодарил крестьян, говорил им, что он радостно умрет за малейшее для них облегчение, что солдаты и офицеры готовы за них жертвовать собою и не требуют от них никакой награды, кроме их любви, которую постараются заслужить. Казалось, крестьяне, при всей их необразованности, понимали, какие выгоды могут иметь от успехов Муравьева; они радушно принимали его солдат, заботились о них и снабжали их всем в избытке, видя в них не постояльцев, а защитников. Чувства сих грубых людей, искаженных рабством, утешали С.Муравьева»⁶⁴.

Однако в данном случае Горбачевский явно лукавит. Сергей Муравьев в ходе восстания действительно провозгласил «волю» – это видно, в частности, из написанного Муравьевым и прочитанного перед восставшим полком «Православного Катехизиса». В прочитанной вместе с «Катехизисом» прокламации были и строки, обращенные непосредственно к народу: «Итак, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умолит всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего»⁶⁵.

Однако крестьяне не могли пребывать в спокойствии и желать черниговцам удачи, поскольку для них восставшие солдаты были прежде всего карателями, подавившими их собственное стремление к свободе. Когда же в ходе восстания рухнула полковая дисциплина, крестьяне по-своему поняли и цель восстания: грабить окрестные селения. Крестьяне не могли не радоваться подавлению восстания и по возможности помогали правительственным войскам. Жертвой народной ненависти к черниговцам чуть было не пал командующий 9-й пехотной дивизией, в которую входил Черниговский полк. Объезжая Васильковский уезд, в одной из деревень генерал был встречен «толпою крестьян... с палками, которые полагали, что он был Черниговского полка,

⁶⁴ Горбачевский И.И. Указ. соч. С.80.

⁶⁵ ВД. Т.4. С.256

увидев красный воротник, бежали к нему навстречу, крича "рабуси⁶⁶ черниговцы", и он был вынужден поворотить назад и как наиспешайше выехать из деревни»⁶⁷.

Видимо, прав М.А.Рахматуллин, обобщивший множество сведений об отношении крестьян к выступлению декабристов и сделавший вывод: «В декабрьских событиях 1825 г. крепостные крестьяне России прежде всего увидели то, что отвечало их насущным интересам, – репрессии царя против помещиков»⁶⁸. Недаром народные толки и слухи связывали разгром восстания с возможностью «резать шляхту, евреев и другого звания людей», «и тогда, очистивши таким образом места, государь император будет короноваться»⁶⁹.

В крестьянах же только что «замиренной» Германовки разгром восставших поселил вполне конкретные надежды: в 1-й половине 1826 г. они, не отказываясь, впрочем, от исполнения повинностей, снова стали писать прошения в различные инстанции⁷⁰. В апреле 1826 г. земские и военные власти опять начали готовить карательную операцию. Черниговский полк в ней задействовать было невозможно, ибо большинство солдат и офицеров полка сидели в тюрьме. Выбор снова пал на Полтавский полк, личный состав которого остался прежним; в тюрьме оказались только командир и несколько младших офицеров. Две роты полтавцев вошли в селение и до мая 1826 г. стояли там постоем⁷¹.

12 мая 1826 г. был издан специальный императорский манифест, опровергающий все крестьянские слухи о воле и грозивший карами тем, кто будет о ней разговаривать⁷². Очевидно, не последнюю роль в принятии решения об издании такого манифеста сыграли и германовские события, с которыми Николай I был знаком.

К 1828 году жизнь в Германовке вошла в обычное русло, «главнейше виновные в возмущении и неповиновении» понесли наказание, по-

⁶⁶ *Грабители (полонизм).*

⁶⁷ *Декабристы: Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С.40.*

⁶⁸ *Рахматуллин М.А. Крепостное крестьянство России и движение декабристов // История СССР. 1977. №4. С.131.*

⁶⁹ *Иконников В.С. Крестьянское движение в Киевской губернии в связи с событиями того времени. СПб., 1905. С.55, 59, 61, 66; См. также: Киянская О.И. Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка. М., 1997. С.115.*

⁷⁰ *ЦДИАК. Ф.484. Оп.5. Д.753. Л.5–6 об; 17–18 об.*

⁷¹ *Там же. Л.256, 301, 302.*

⁷² *ПСЗР. Собр.2. Т.1. СПб., 1831. №330. 12 мая 1826.*

коренные крестьяне стали отбывать повинности, расцвела торговля. После смерти помещика, последовавшей в 1836 году, «разделено имение между его наследниками, принявшими на себя по акту 21 октября 1836 г. удовлетворение кредиторов покойного Проскуры. Почему тогда же имение разделено было на 6 частей; но водяная мельница и каменная корчма оставлены в общем пользовании»⁷³.

VII

Народолюбие первых русских революционеров неоднократно подчеркивалось советскими историками-декабристоведом. Так, М.В.Нечкина безапелляционно утверждала: «Первые русские революционеры – декабристы – были борцами против крепостного права и самодержавия»⁷⁴. Ей вторили и другие исследователи: «В мрачные времена аракчеевского режима члены тайного революционного общества начали борьбу за права и свободу русского народа»⁷⁵; «первые русские революционеры отражали в своей политической деятельности интересы... закрепощенного крестьянства»⁷⁶.

Между тем декабристы действовали вовсе не ради крестьян – они действовали, исходя из собственных нужд. Известно, что никто из членов тайных обществ не освободил своих крестьян на законных для александровской эпохи основаниях. Известно также, что пример Черниговского полка, покорившего Германовку, был не единичен: некоторые бывшие члены декабристских организаций, избежавшие, впрочем, серьезной ответственности, в николаевское время тоже участвовали в карательных операциях⁷⁷. Просто участникам тайных обществ хотелось собственной, личной свободы, права самим распоряжаться собственной судьбою – в сословном же обществе это было невозможно. И для того, чтобы этой свободы добиться, предстояло сломать государственный строй, отменить сословия и – поневоле – сделать крестьян юридически равными дворянам.

⁷³ Похилевич Л.И. Указ. соч. С.83.

⁷⁴ Нечкина М.В. *Декабристы*. М., 1983. С.3.

⁷⁵ Медведская Л.А. *Павел Иванович Пестель*. М., 1967. С.5.

⁷⁶ Ланда С.С. *Дух революционных преобразований*. М., 1975. С.26.

⁷⁷ Шкерин В.А. *Бывшие члены тайных обществ декабристов и крестьянское движение в России в 1830–1840-е гг. // Известия Уральского государственного университета. №39 (2005). Гуманитарные науки. Выпуск 10. История. Екатеринбург, 2005.*

Без учета этого важнейшего психологического фактора сложно создать адекватное представление о взаимоотношениях крестьянского движения с дворянской фрондой начала XIX века.

* * *

Ниже публикуются документы, характеризующие волнения крестьян в местечке Германовке и меры по пресечению этих волнений.

Орфография и пунктуация документов в настоящей публикации приведены в соответствие с современными нормами за исключением тех случаев, когда отступления от них характеризуют стилистические особенности текста. В квадратных скобках расшифровываются сокращенные слова. Комментарии предлагаются к тем упоминаемым в документах реалиям, которые не поясняются или неточно комментируются авторами документов. Те реалии, которые объясняются в тексте вступительной статьи, в комментариях опущены.

МАТЕРИАЛЫ О ПОДАВЛЕНИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ В СЕЛЕНИИ ГЕРМАНОВКА

1. Фрагмент выписки из журнала Киевского губернского правления⁷⁸ от 13 июля 1825 г. по делу о неповиновении крестьян селения Германовки помещику Проскуре⁷⁹

Копия со 2 статьи журнала, учин[енная] в Киевском губернном правлении [июля] 13 дня 1825 г.

Рапорт киевского земского исправ[ника]⁸⁰, от 10 числа сего июля пущенный, а 12 здесь полученный, коим доносит, что после первого его рапорта, 8 посланного о происшествии, случившемся в м[естеч]ке Германовке, тот

⁷⁸ *Губернское правление – учрежденный в 1775 году высший орган управления губернией, действовавший от имени императора и подчинявшийся непосредственно Сенату. Председателем губернского правления являлся губернатор.*

⁷⁹ *ДАКО. Ф.2. Оп.3. Д.4835. Л.18–29. – Впервые опубликовано: Селянський Рух на Україні. С.379–381.*

⁸⁰ *Земский исправник – глава уездной полиции, «первый заседатель» нижнего земского суда. Нижний земский суд – выборный уездный орган, состоявший из земского исправника и двух–трех выборных заседателей. В обязанности суда входило наблюдение за исполнением законов и распоряжений власти, содержанием мостов и дорог, соблюдением торговых правил и пр.*

же час отправился он, исправник, в м[естеч]ко Кагарлый к командиру Полтавского пехотного полка г[осподину] полковнику Тизенгаузену и письменно просил о даче воинской помощи, а когда он отозвался, что по причине назначенного смотра в м[естеч]ке Ржищеве и наступающих к тому дней да и без воли командующего пехотною дивизиею дать требуемой воинской команды не может и что о сем отнесся к тому дивизионному начальнику, то засим, дабы прекратить возникшее в крестьянах неповиновение в недопущении к исполнению указа и приговора и дабы привет в послушание их владельцу, отправился он, исправник, в м[естеч]ко Белую Церковь к начальнику дивизии. И по распоряжению его с командированною от полка Черниговского 3-ю мушкетерскою ротою с командиром ротным и при двух офицерах 10-го числа в 12 часов по полуночи прибывши в местечко Германовку, в 2-м часу по полудни приступлено было к исполнению решения, вследствие чего за приходом с ротою к месту, где содержались арестанты, взяли подлежащих к наказанию с под караула инвалидной команды, а наперед сего прочие крестьяне увещеваемы были к смирению, кои и казались в лицах повинующимися, но при движении с места начало число их прибавляться, и как только сделано приготовление к наказанию осужденных, то вдруг при поднесении рук вгору те собравшиеся крестьяне закричали толпою: «Не даймось!» Сии виновные, суть единомыслящие с ними, повторяя «не даймось, а если раз покоримся, то сие останется уже навсегда, что будут поодиночке ссылать и наказывать», и в таковом крике, несмотря на [примкну]тие штыков и произносимые [исправ]ником и офицерами [о] воздержании слова, с остервенением бросились, не имея ничего в руках, на штыки в такой [ярос]тности, что едва солдаты со всею бы[строю] могли оберечь последствия и желания оных крестьян оставить жизнь свою на штыках. Причем все дальнейшие усилия к воздержанию их от такового поступка были неуспешны, ибо крестьяне в равном духе, став на [воро]тах заездного каменного дома, пр[и] чем должествовало быть наказание, и когда для предохранения от отбытия приговоренных к наказанию и скрытию их самая необходимость требовала, не допустили войти в те ворота. В сем случае приказано солдатам сделать тесный круг и примкнуть штыками тех, кои должны быть наказанными, а часть солдат, оставив ружья, употреблены разогнать их и отклонить от того места. При каковом [бу]йствии возмущившиеся обваливали некоторых солдат на землю, били и топтали ногами и душили себя в воротах для того, дабы кого-либо и среди себя умертвить. При таковой крайности с особым военным отделением ротный командир, зайдя в ворота с другой стороны дома, очистил проход, и оным введены в дом содержащиеся, а толпы тех возмутителей, ходя под окошками, ободрали находящихся под караулом, оставаясь даже до сумерек при стенах

дома. При сем происшествии два солдата оказались сильно подавленными, равно и два крестьянина. Он же, исправник, для приведения в исполнение указа и восстановления спокойствия того же 10 числа отнесся в Черниговский пехотный полк о командировании еще одной роты солдат. Что же далее в сем деле последует, будет доносить ежедневно. Впрочем, присокупил копию полученного им от начальствующего 9-ю пехотную дивизию [господина] генерал-майора Тихановского 1-го⁸¹ отзыва о том, что предписал он командиру Черниговского пехотного полка [подполковнику Гебелю [ко]манлировать для вышепоказанной [надоб]ности одну роту, имеющую свое [квар] тирное расположение в Германовке, окрестных к оному селениях, с надлежащим наставлением ротному ком[андиру], как он должен поступать в обращении крестьян к повиновению своего начальства; и дает знать, что ежели оный исправник встретит надобность в большем числе воинской команды, то может обратиться о том к ближайшему полковому командиру 1-й брига[ды] 9-й пехотной дивизии, о чем от него, г. дивизионного начальника, вместе с сим оным командирам предписано <...>

Подлинная статья журнала за подписом [господ] присутствующих губернского правления и за скрепою секретаря.

Верно: секретарь Красножонов.

2. Донесение прапорщика Киевского внутреннего гарнизонного батальона Даниловича в комиссию по расследованию действий германовских крестьян от 18 июля 1825 г.⁸²

В следственную комиссию, в м[естечке] Германовке учрежденную Киевского внутреннего гарнизонного Батальона прапорщика Даниловича

Донесение

Вследствие предписания оной комиссии, от 17-го сего июля за №124 последовавшего, честь имею объяснить: по отряду моему от начальника Внутреннего гарнизонного батальона подполковника Павлова с 15-тью рядовыми и 1-м унтер-офицером и с шестью арестантами, приговоренными за неповиновение своему владельцу к наказанию, прибыл я в м[естечко] Германовку 5-го числа июля, затем 8-го по приказанию киев-

⁸¹ Тихановский 1-й Степан Леонтьевич – в 1825–1826 гг. генерал-майор, командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии, в которую входил Черниговский полк. Временно исполнял также должность дивизионного командира.

⁸² ЦДИАК. Ф.485. Оп.1. Д.5491. Л.41–41 об.

ского г. исправника те арестанты выведены были на площадь, коих окружив, я с данною мне командою при многочисленном собрании громады⁸³ и когда исправником читан был указ губернского правления и решение главного суда⁸⁴ и положен был на землю из числа арестантов 1-й Иван Трофименко, коему дано было 3 удара, то вдруг из подсудимых следующий к выдержанию в тюрьме чрез четыре недели за такое ж преступление, по имени и прозванию мне не известный, сбросив с себя свиту⁸⁵, впал на лежавшего наземь, чему последовали и другие, так же по именам и прозваниям неизвестные, – защищая и не допуская производить наказание, чему многие крестьяне, прорвавшись в круг солдат и смешавши арестантов в толпу так, что уже с трудом можно было собрать их в одно место. При сем случае хотя исправник довольно уговаривал от таковой дерзости воздержаться и допустить исполнить решение, но оные, не внимая сего увещания, сбившись кругом, говорили: когда их бьете, то всех нас бейте и вместе с ними ссылайте в Сибирь, ибо они ни в чем не виноваты, а были от нас посланы просить о общественных обидах, но как к дальнейшему исполнению указа не допущены, то по приказанию г. исправника оные арестанты без наказания поведены обратно в те места, где содержались и прежде под караулом, после чего, когда прибыла Черниговского пехотного полка 3 мушкетерская рота под командою [штабс]-капитана Роменского июня 10 числа, то по приказанию же г. исправника начали переводить арестантов в большой каменный дом, называемый корчмою, но собравшееся великое число громады, перебежав команду с арестантами на воротах, и с большим азартничеством не допускали в корчму. – Почему за необходимость признано стоявшую в воротах толпу разогнать, что исполнить приказано было солдатам. Кто же из числа возмущившихся крестьян в недопущении к исполнению указа был первейшим и кто их к тому наущал, я в том никого не заметил, и более по сему обстоятельству ничего не ведаю.

Киевского внутреннего гарнизонного батальона
прапорщик Данилович⁸⁶
1825 года
июля 18 дня.

⁸³ Громада (укр.) – здесь: жители определенной местности.

⁸⁴ Главный суд (верхний земский суд) – выборный судебный орган в губернии, состоявший из 2-х председателей и 10-ти заседателей. Осуществлял разбирательство по уголовным и гражданским делам в губернии, а также ведал делами об опеке.

⁸⁵ Свита (укр.) – длинная верхняя одежда.

⁸⁶ Подписано прапорщиком Даниловичем собственноручно.

**3. Рапорт штабс-капитана Черниговского пехотного полка
А.Н.Роменского в комиссию по расследованию действий
германовских крестьян от 18 июля 1825 г.⁸⁷**

В комиссию, по указу Киевского губернского правления
в местечке Германовке учрежденную
Черниговского пехотного полка
Штабс-капитана Роменского 1-го

На отношение оной комиссии, от 17-го июля с № 128-м ко мне последовавшего, имею честь изъяснить, что по воле вышнего начальства, будучи командирован со вверенной мне 3-й мушкетерской ротой для усмирения бунтующихся крестьян помещика Проскуры, жителей местечка Германовка, куда прибыл я сего июля 10-го числа по полуночи в 11-м часу и того же самого дня по распоряжению киевского земского исправника г. Яниковского, пришедши с ротой к месту, где подсудимые в двух крестьянских избах под стражей инвалидной команды находились, взял их оттоль, окружа кареем⁸⁸, из воинских чинов составленным, привел на место, исправником назначенное для исполнения решения главного суда и наказания преступников. И хоть только начато было одно приуготовление, то вдруг все крестьяне, коих было весьма многочисленное количество сверх ожидания, единогласно закричали: не дадим, сии виновные суть одномыслящие с нами, повторяя: не дадим, ибо ежели раз покоримся, то все уже останется навсегда, и что поодиночке нас всех будут наказывать и ссылать. В сем крике, несмотря на воздержительные слова, произносимые земским исправником, многие с остервенением бросились на штыки, которые солдаты в сомкнутом карее наружу держали, и что солдаты едва могли оберечься от того, дабы не воспоследовало опасного происшествия, ибо из такового исступления легко можно было ожидать, что они готовы на всякую чрезвычайность отважиться и, в таком будучи азарте, произносили, что их товарищи невинно осуждены и что ежели наказать их плетьюми и сослать, то наказывать и ссылать всех нас, ибо осужденные менее нас виновны, потому что были нами посланы для подачи просьбы в суд. Многие из таковых бунтовщиков произносили слова, заключающие угрозы и намерение посягнуть на жизнь владельца своего, но произносчиков таковых угроз во многочисленной толпе народа никак нельзя было припомнить. Видя же и слыша таковые умоисступи-

⁸⁷ ЦДИАК. Ф.485. Он.1. Д.5491. Л.43–44 об.

⁸⁸ Каре (карей) (фр. carré – квадрат) – построение пехоты в форме четырехугольника.

тельные действия, господин исправник принужденным нашелся отменить на то время наказание осужденных и велел для удобнейшего и безопаснейшего караула заключить преступников в соединенное место, к каковому способным признан здешний каменный дом, находившийся в самом ближайшем расстоянии от места сего происшествия, куда в надлежащем порядке преступники и были поведены. Но, не дошед за несколько шагов к вышесказанному каменному дому, из следующих вокруг каре толпами мужиков часть оных, состоящая, по мнению моему, из числа до двух или более сот простиравшихся, со всею стремительностью бросилась к сему дому и, заняв ворота, заградили выход в оный военным чином с арестантами; в то время земский исправник старался сколь возможно вразумить бунтующую толпу и представлял оным, что они за таковой поступок подвергнутся строгой законной ответственности, но бушевавшая сия толпа, не внимая никаким резонным убеждениям и объявлениям вины осужденных и даже святости законов, решительно объявили, что они наказывать осужденных не допустят, равно и решения главного суда, чрез исправника объявленного им, не признают законным, и что вводить в заездный дом арестантов ни под каким видом не позволят; каковое упорство и сопротивление мужиков продолжилось около 4-х часов, и как ночное время приближалось, то земский исправник велел находившемуся при сем Киевского гарнизонного батальона офицеру, дабы он своей команды людям, состоявшим из нескольких человек, приказал, отдав их ружья людям, составившим каре, одним отталкиванием и разогнанием оной толпы от ворот очистить вход в оные, но как эти люди по малочисленности ничего не могли успеть, тогда я велел вверенной мне роты 30 человекам подать вспомоществование первым, но когда и затем нельзя было успеть в преднамерении, то я приказал г.г. офицерам продолжить усилие для открытия выхода в ворота, а сам с 25-ть человеками нижних чинов неприметным образом прошел в задние ворота, кои нашед запертыми, велел отбить и взошел в оные в самом скором времени. И лишь только вступил в ворота, то в ту же минуту мужики, приметив, что я с солдатами в те ворота зашел, бросились туда же, человек около ста, дабы соединиться, как видно было, со своими товарищами, воспрещавшими выход с противной стороны, что видя, я велел нескольким солдатам воспрепятствовать таковому намерению, а с остальными успел сблизиться к воротам, занимаемым 1-ю толпою мужиков, к той стороне, где арестанты находились, и велел и с этой же стороны оттискивать и расталкивать мужиков и соединиться скорее, дабы таким образом открыть выход в сени. И наконец, хотя с немалым усилием, преодолели сопротивление мужиков и ввели арестантов в означенное место, кое в то

же самое время окружили часовыми. Из 60-ти человек, состоящих при таком вышепоказанном ручном действии и усиллии, мужики многих солдат толкали так, что обваливали на землю, и так упорствовали, что сами себя душили в заездных воротах, и, как я после узнал, желанием их было, дабы умертвить кого-либо из себя. При сем происшествии сильно подавили двух нижних чинов, из коих одному в то же самое время необходимо нужно было открыть кровь, что и учинено находившимся при сем случае экономическим лекарем. Но как по прошествии трех дней сей рядовой чувствовал довольно себя еще слабым, то и отправлен в полковой лазарет для излечения, а другой рядовой находится при роте и совершенно уже здоров.

Штабс-капитан Роменский 1-й⁸⁹.

№ 51-й

Июля 18 дня

1825 года.

**4. Отношение командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта
Л.О.Рота киевскому гражданскому губернатору И.Г.Ковалеву
от 3 августа 1825 г.⁹⁰**

Командира 3-го пехотного корпуса

№ 851

3 августа 1825-го

Корпусная квартира в г. Житомире

Киевскому гражданскому губернатору

господину действительному

статскому советнику

и кавалеру Ковалеву

На отношение Вашего превосходительства от 29-го числа прошлого м[еся]ца за № 6451-м имею честь ответить, что роты Черниговского полка, находившиеся в м[естечке] Германовке для усмирения крестьян, должны непременно состоять в корпусном сборе и теперь уже присоединены к полку. – Но если требуемых вами пособий от внутренней стражи не будет достаточно, то в таком случае не благоугодно ли будет вам, милостивый государь, обратиться к командиру Кременчугского полка полковнику Набокову⁹¹, стоящему в Брусилове, и которому вместе с сим

⁸⁹ Подписано штабс-капитаном А.Н.Роменским собственноручно.

⁹⁰ ДАКО. Ф.2. Оп.3. Д.4837. Л.10–10. об

⁹¹ Набоков Петр Александрович (1788–1847) – декабрист, полковник. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, близкий друг С.И.Муравьева-Апостола. В 1825 году командир Кременчугского пехотного полка. По-видимому, член Южного общества. Осужден не был.

дано от меня предписание по востребованию вашему выслать в местечко Германовку одну роту.

Генерал-лейтенант Рот⁹².

5. Отношение управляющего 1-м отделением Собственной Его императорского величества канцелярии Н.Н.Муравьева⁹³ управляющему Министерством внутренних дел В.С.Ланскому⁹⁴ от 6 февраля 1826 г.⁹⁵

Милостивый государь
Василий Сергеевич!

Государь император, усмотрев из поступившего в Комитет г[оспод] министров и выслушанного в заседании 18-го августа прошлого 1825-го года представления Вашего высокопревосходительства о неповиновении крестьян Киевского повета местечка Германовки владельцу их, что о производстве исследования к открытию главнейших виновников возмущения и о предании их суду предписано местному начальству, Высочайше повелеть мне изволил сообщить Вам, милостивый государь, волю Его величества, чтоб донесено было Государю императору об окончании сего дела.

Имею честь быть с совершенным почтением
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга

Николай Муравьев⁹⁶.

№251.

С[анкт]-Петербург

6 февраля 1826-го

Его Высокопре[восходительст]ву В.С.Ланскому⁹⁷.

⁹² Подписано генерал-лейтенантом Л.О.Ротом собственноручно.

Рот (Ротт) Логгин Осипович (1780–1851) – в 1825–1826 гг. генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса 1-й армии, в состав которого входил Черниговский полк. Проявил решительность и активность в организации подавления восстания Черниговского полка.

⁹³ Муравьев Николай Назарьевич (1775–1845) – в 1825–1826 гг. статс-секретарь, управляющий 1-м отделением Собственной Его императорского величества канцелярии (личной канцелярии императора), доверенное лицо императора Николая I.

⁹⁴ Ланской Василий Сергеевич (1762–1831) – в 1825–1826 гг. управляющий Министерством внутренних дел, член Верховного уголовного суда над декабристами.

⁹⁵ РГИА. Ф.1286. Оп.3. 1825 г. Д.160. Л.10.

⁹⁶ Подписано Н.Н.Муравьевым собственноручно.

⁹⁷ Сверху листа другими почерками: «№910», «7 февраля 1826», «9 февраля №206». Внизу

6. Выписка из журнала Киевского губернского правления от 8 марта 1826 г. по делу о неповиновении крестьян селения Германовки помещику Проскуре⁹⁸

Список с 32-й статьи журнала в Киевском губернном правлении, в 8 день марта 1826-го года состоявшаяся

Выписку из дела о крестьянах Киевского повета местечка Германовки, по которой явствует: 1-е. Управляющий Министерством внутренних дел господин действительный тайный советник Василий Сергеевич Ланской предписанием на имя г[осподина] гражданского губернатора⁹⁹ от 13-го августа минувшего 1825 года, вследствие донесения господина здешнего вице-губернатора¹⁰⁰ от 16 и 19-го июля того года об оказанном крестьянами местечка Германовки неповиновении правительству и владельцу и об учиненных по сему предмету со стороны губернского начальства распоряжениях, изволил предписать: употребить деятельнейшие меры к открытию главных начинщиков такового буйства и возмущения для предании их строжайшему суду по законам и доставить Министерству внутренних дел подробнейшие сведения как о всех обстоятельствах первоначального в местечке Германовка возмущения крестьян, так и о мерах, какие к прекращению оногo приняты были губернским начальством, равномерно и о том, кто именно владелец помянутого местечка. – 2-е. Во исполнение сего предписания по собранным сведениям и справкам оказалось следующее: означенное местечко Германовка, быв старостинское казенное, на основании Высочайшего манифеста, 1810-го года сентября 10-го изданного, со стороны казны в 1812 году продано в частную собственность помещику, коллежскому советнику Кастану Проскуре; затем когда в 1824 году крестьяне Иван Трофименко, Михайло и Григорий Давиденки, Федор Рущенко и Тарас Каринный поданным от себя и от имени всего общества крестьянского на имя г[осподи]на здешнего гражданского губернатора прошением, именуя себя старостинскими крестьянами, жаловались, что поставленными владельцем того местечка Проскурою экономами Житкевичем и Орловским

листа другими почерками: «Предписано о сем г. губернатору», «№1024 февраля 8», «исполнено 22 февраля».

⁹⁸ РГИА. Ф.1286. Оп.3. 1825 г. Д.160. Л.14–33 об.

⁹⁹ Киевским гражданским губернатором в 1825–1826 гг. был действительный статский советник Иван Гаврилович Ковалев.

¹⁰⁰ Киевским вице-губернатором был в 1825–1826 гг. Василий Семенович Катеринич.

угнетаются они налагаемыми сверх инвентаря¹⁰¹ повинностями, в причинении побоев, то по сей жалобе тогда же от губернского правления поручено было Киевскому нижнему земскому суду обще с поветовым стряпчим¹⁰², съехав на место в Германовку и руководствуясь указом, 1818-го года марта в 23-й день состоявшимся¹⁰³, учинить аккуратнейшее исследование и присоединить к оному выписку из инвентаря, по коему они отбывают панщину¹⁰⁴, и соображения свои с соседними имениями, представить все то в Губернское правление, с изъяснением, что по следствии откроется, а между тем если действительно найдены будут делаемые крестьянам угнетения, то в оказании им защиты и покровительства поступить по законам, не оставив при том учинить зависящее крестьянам внушение, что хоть они и были прежде старостинские, но как впоследствии времени со стороны казны проданы нынешнему владельцу их Проскуре и с того времени состоят во владении его на правах помещичьих крестьян, по сему они и называться должны уже не старостинскими, а владельческими крестьянами, оставаясь всегда в надлежащем своему владельцу повиновении под опасением в противном случае взыскания с них по законам. А как вышеозначенное прошение оными крестьянами с названием их старостинскими писал дворянин Захарий Жежелиовский, из чего могут произойти ложные крестьян мнения и от того напрасные для правительства беспокойства и затруднения, то и о таком поступке Жежелиовского, которого долг был вразумить еще крестьян о настоящем

¹⁰¹ *Инвентарь – перечень всех принадлежностей поместья: земель, угодьев, крестьян с показаньем их обязанностей.*

Люстрационный инвентарь составлялся на основе люстрации описи государственного имущества, фиксирующей его доходность. Владельческий инвентарь составлялся исходя из доходности частных имений.

¹⁰² *Поветовой (уездный) стряпчий – должностное лицо, в обязанности которого входил надзор за соблюдением законов в уезде, в том числе и со стороны уездных судебных органов.*

¹⁰³ *23 марта 1818 г. император Александр I издал указ «Об утверждении всех сделанных по Мозырскому повету, в облегчение крестьян, распоряжений и о распространении оных на всю Минскую и на прочие, от Польши приобретенные, губернии». В этом указе описывалось бедственное положение крестьян Мозырского уезда Минской губернии. Помещикам предписывалось следить за благосостоянием собственных крестьян, в случае необходимости снабжать их хлебом из собственных запасов, запрещалось требовать от крестьян исполнения ими работ сверх определенных законом и жестоко наказывать крестьян (См.: ПСЗР. Собр. I. Т. 35. СПб., 1830. №27.316. 23 марта 1818).*

¹⁰⁴ *Панщина (польск. pańszczyzna) – барщина.*

их состоянии, а не подавать им повод именоваться старостинскими крестьянами, производя также следствие, присоединить к тому же о крестьянах производству, обязав между тем одного Жежелиовского подпискою, дабы он впредь от таковых поступков воздержался.

Во исполнение которого распоряжения и предписания, земский исправник обще с поветовым стряпчим учинил на местах повеленное исследование, соображение инвентаря с таковыми соседних имений и поверку самых работ от крестьян, также освидетельствование владеемых им земель, из чего оказалось, что инвентарь есть неотяготительный, что земли крестьяне для себя имеют довольное количество, что они за всем тем уклоняются от повинностей для владельца, что некоторые хотя были наказаны за ослушность, но весьма умеренно. Таковое следствие когда было представлено в губернское правление с донесением, что все внушения и убеждения о том, что они от казны проданы в помещичье владение, остались безуспешны, то означенное следствие губернское правление, препроводив в Киевский поветовой земский суд¹⁰⁵, предписывало, чтобы он немедленно приступил к подробному рассмотрению заключающихся в оном обстоятельствах и взаимных от крестьян на экономию, а от экономии на крестьян претензий и в решении оного дела поступил по законам, и при том как германовские крестьяне, по значащемуся из того дела их объяснения, якобы под видом незнания, что они владельческие, называясь по-прежнему старостинскими, и взойдя с жалобой о делаемых им притеснениях, уклонялись от повиновения экономии и самому владельцу, и хотя производившими следствие чиновниками, как с их донесения видно, внушаемо было им неоднократно, что они, как имение Германовское продано от казны нынешнему их владельцу коллежскому советнику Проскуре, суть не старостинские, а помещичьи крестьяне, при сем читаны были им указ губернского правления, купчая крепость¹⁰⁶ и прочие документы, но они, оставаясь при своем упрямстве и требовании, дабы им отрабатывать панщину наравне с старостинскими крестьянами смежной деревни Семеновки, оставшейся в казне без продажи, то есть по одному только дню на неделе, не вняли никаким их убеждениям и не приступили даже к сбору владельческого хлеба, который, по освидетельствовании их, остался на полях неснятым, к каковому рас-

¹⁰⁵ *Поветовой (уездный) земский суд – уездный судебный орган, состоявший из уездного судьи и одного–двух заседателей. Осуществлял разбирательство по уголовным и гражданским делам в уезде, а также разбирал земельные споры. Во многом дублировал функции нижнего земского суда.*

¹⁰⁶ *Купчая крепость – акт приобретения имущества в собственность.*

стройству и неповиновению крестьян главнейшее подстрекают их, как владелец изъяснил, некоторые из крестьян, как то: Тарас Куринный, Иван Трофименко и прочие значащиеся в деле сообщники их, то по сему и постановлено было в обязанность поветового суда на таковых возмутителей и преподающих крестьянам ложные мнения к расстройству и неповиновению их обратить при рассмотрении дела ближайшее внимание и в суждении виновных поступить по законам, а затем отослать оное дело на ревизию в главный суд. Между же тем поручено было хоренжему¹⁰⁷ Киевского повета, дабы он, обще с нижним судом съехав в Германовское имение и повторив крестьянам сделанное уже внушение как о том, что они по продаже от казны в собственное владение помещика Проскуры суть владельческие, а не старостинские крестьяне, что все работы и повинности должны исполнять по тем инвентарям, какие в имении оного владельца их Проскуры существуют, тем более, что и те инвентари найдены по следствию неотяготительными для них и что начальство сколько, с одной стороны, ни готово оказывать в правильных их просьбах и требованиях заступку, столько и взыскивать с них за непослушание и самовольные поступки по всей законной строгости, а потому и обратились бы они к надлежащему и беспрекословному своему владельцу повиновению. Если же и при сем случае оказались бы каковыелибо предерзости или непослушания, то виновных в том взять под стражу как противников власти, предать надлежащему в страх и пример другим суждению, не оставив при том и владельческой экономии сделать подтверждение, дабы крестьяне излишними сверх владельческого инвентаря работами обременены не были, причем в особенности на хоренжего возложено было, дабы и он с своей стороны удостоверился на месте как о том, действительно ли инвентари по тому имению для крестьян неотяготительны, так и о том, в каком состоянии находятся крестьяне, приняв в соображение нынешнее их состояние с тем, как поступили из казны во владение Проскуры.

Как же и на сие предписание нижний суд и хоренжий донесли первый, что за собранием помещика Проскуры крестьян был объявлен им указ и повеленное внушение сделано, но при сем один из числа крестьян, Гаврило Гудзенко, отозвался сими словами: «Воля ваша, а мы тем указом недовольны», почему взят он за сию предерзость под арест и по допросу показал, что читанный указ губернского правления во всей силе понял, и

¹⁰⁷ Хоренжий (хорунжий) – один из высших воинских чинов в украинском казачьем войске; в начале XIX века на Украине почетная выборная дворянская должность без четко прописанных в законе обязанностей.

хотя говорил вышеписанные слова, но по своей простоте не на тот счет, что указом недовольны, а для того, что экономия не престаёт притеснять в числе прочих крестьян и его. – Вторым хоренжий, что за внушением, сделанным крестьянам точной силе указа сего правления и взятием из них Гудзенка за предерзость под караул истребованы были инвентари как местечка Германовки, так и прочего имения Проскуры, по коим оказалось, что назначено отбивать панщины летом по три, а зимою по два дни от двора, за 12 дней летних и 12 шарварковых¹⁰⁸, и таковые инвентари неотяготительны и сообразны, как везде в помещичьих имениях существуют. В рассуждении чего внушил он германовским крестьянам и о том, дабы назначенные повинности исполняли, а экономии подтвердить, дабы излишне сверх инвентаря работами не обременяли. Впрочем, касательно их нынешнего состояния против прежнего по местному удостоверению открылось, что при поступлении их во владение Проскуры в 1812 году было у них рабочих волов 269, а ныне имеется 654, лошадей было 7-мь, а ныне 44. Коров было 154, а ныне 210, овец 510, а теперь 1 654, нерогатого скота было 362, а ныне 583 штуки, пасеки пней было 131, а ныне 848, и хлеба в сравнении с тем, какой в 1812 году крестьяне германовские имели, вдвое больше имеют, и при хорошем распоряжении может оно вистатчить¹⁰⁹ на двухгодичную пропорцию. Но за всем тем они, по-видимому, с подущения других уклоняются от обязанности к своему владельцу, со стороны которого в прежние времена делано пособие в хлебе, скоте, деньгах и в прочем.

Вслед же за сими донесениями крестьяне вновь повторяли прежнюю свою жалобу, что якобы происходит для них угнетение и что при наборе рекрут не соответственно числящихся в Германовке по ревизии душ взято с них более, нежели следовало, и несоразмерная раскладка денег происходит, то и сии обстоятельства, изъясненные в помянутых донесениях нижнего суда и хоренжего, также в жалобе крестьян относительно делаемого будто притеснения поручены были к совместному рассмотрению с делом поветовому суду, а нижнему суду предписано, если подлинно происходят угнетения, оказать законную защиту. Потом помянутое следственное дело, быв решено в поветовом земском суде, и по обревизовании главного суда 1-м департаментом¹¹⁰, находя оный департамент

¹⁰⁸ Шарварковые дни – дни, в которые крестьяне выполняли так называемую шарварковую повинность, т.е. ремонт дорог и мостов. При этом подвозить строительные материалы крестьяне должны были на собственных подводах.

¹⁰⁹ Вистатчить (укр., устар.) – хватать, быть достаточным для чего-либо.

¹¹⁰ 1-й департамент главного суда ведал уголовными делами.

главнейшее виновными крестьян в несправедливой жалобе, в ослушности, возмущении и дерзости: Ивана Трофименко, Михайлу и Григория Давиденков, Федора Глущенка, Тараса Куринного и Гаврила Гудзенко, решение приговорить к наказанию их каждого плетью по 50 ударов, а затем к ссылке в Сибирь на поселение, Козьму Кухаренка и Фому Терещенка тоже к наказанию плетью по 50 ударов и к оставлению затем на жительстве, а прочих некоторых, в меньшей винности обличенных, положил выдержать в тюрьме чрез четыре недели, внушить и подтвердить, что они есть не старостинские, а владельческие крестьяне и обязаны владельцу своему по инвентарю отбывать повинности без малейшей ослушности. Сверх сего деревни Семеновки крестьян, дабы не отваживались внушать германовским о состоянии сих последних в казенном ведомстве, обязать подпискою. Губернского секретаря Филиппа Маркутуна, участвовавшего в писании просьбы, оштрафовать в пользу казны 25 руб. с воспрещением впредь, дабы не сочинял и не переписывал подобных возмутительных прошений, в чем обязать и подпискою. Дворянина Захара Жежелиовского, по ненастоящей его созрелости и опытности, обязать только подпискою, дабы подобных же прошений не писал, а экономов Житкевича и Орловского, по неизобличению в причинении крестьянам жестоких побоев, оставить без взыскания, а только за нерасторопность в воздержании крестьян в должном помещику повиновении удалить от должностей.

Такое решение утверждено г. гражданским губернатором, и когда минувшего 1825 года июня 26-го числа главный суд сообщил губернскому правлению с требованием о приведении оного во исполнение, то и поручено было киевскому нижнему земскому суду, дабы учинил по тому решению надлежащее исполнение, но затем касательно крестьян земский исправник от 8-го июля донес, что он, отправившись в местечко Германовку с истребованною от внутреннего гарнизонного батальона командою из 154-ти рядовых, одного унтер-офицера и одного обер-офицера и с содержащимися в Киеве шестью преступниками крестьян, по прибытии туда, при собрании общества прочтя решение и сделав должное внушение оного, коль скоро приступил к наказанию первого Ивана Трофименка чрез полицейских служителей, то вдруг жители возмутились, и, единогласно произнося крик о неповиновении решению и указу губернского правления, бросились с азартом на лежащего на земле Трофименка, и, раздевшись с верхнею одеждою, обвалили воинскую команду, и к исполнению решения не допустили, при каковом неповиновении и буйстве едва успел он, исправник, приговоренных к наказанию удержать под караулом и отвести в особый дом, но возмутители и дом

сей окружили, и когда делал им увещание, то и сам едва мог спастись, причем решительно отозвались не повиноваться помещику и не допустить к исполнению решения. Почему он, исправник, просил для прекращения такого возмущения, грозящего важным происшествием, о присылке туда значительной воинской команды. Вследствие чего от сего правления 10-го числа того июля писано в дежурство 3-го пехотного корпуса и в особенности к командиру 9-й пехотной дивизии г. генерал-майору Тихановскому, с требованием для содействия земской полиции к отвращению дерзости крестьян в недопущении исполнить приговора означенного местечка Германовки крестьян и приведения в должное правительству и владельцу их повинование отрядить из расположенных вблизи одного местечка войск команду воинскую, заключающуюся из двух рот, с тем, чтобы до времени совершенного там пресечения буйства и восстановления спокойствия оная команда не выходила из того местечка, о поступке же таковом оных крестьян и о участниках тех, кто подстрекает к тому, поручено было Киевского поветового дворянства маршалу¹¹¹ обще с земским исправником и поветовым стряпчим учинить строгое исследование, причем земскому исправнику постановлено в обязанность, чтобы он к водворению тишины и спокойствия употреблял все законные средства и об успехе доносил сколь возможно чаще.

За сим исправник и в особенности нижний суд 12-го июля, когда донесли, что хотя по распоряжению начальствующего над 9-ю пехотную дивизиюю отряжена из Черниговского пехотного полка воинской команды одна рота, но и при содействии оной не только крестьяне не унялись от ослушности и буйства, но еще с большею дерзостью возникло оное в них, и самое недопущение к исполнению судебного приговора над осужденными к наказанию, за всеми увещаниями и внушениями, и что даже решились те крестьяне толпою в числе 116 человек, самовольно отлучась из жилищ, прийти в нижний суд, а с одного обращены при члене к водворению, то независимо от сего, что по важности одного происшествия заступивший тогда место гражданского губернатора вице-губернатор отнесся к командиру 3-го пехотного корпуса г[осподину] генерал-лейтенанту Роту о присылке из вверенного ему корпуса еще в местечко Германовку другой роты воинской команды при штаб-офицере, и от сего Правления писано 9-й пехотной дивизии командиру г[осподину] генерал-майору Тихановскому, дабы благоволил поспешить со стороны своей таковым распоряжением, чтобы в самой скорости из ближайших по квартированию к Германовке полков прислана была воинская команда в то

¹¹¹ Поветовой маршал – на Украине уездный предводитель дворянства.

местечко еще не менее как в одной роте с штаб-офицером и с надлежащим ему наставлением по предмету усмирения крестьян, поручив начальство тому штаб-офицеру и над ротой, уже находившеюся в Германовке, дабы не происходило какого беспорядка. Поветовому же Киевского повета дворянства маршалу от лица заступившего тогда место гражданского губернатора, а земскому исправнику от сего губернского правления предписано: 1-е. Чтобы они, при помощи воинской команды исполнив в точности по приговору главного суда и последовавшего по оному предписанию губернского правления и стараясь всеми законными мерами о восстановлении в означенном местечке спокойствия и тишины, при сем если продолжаться будет дерзость и буйство и если необходимость встретится в большем числе воинской команды, то требовали бы оной от полкового командира ближайшего полка, разместив всю ту команду и по квартирам в Германовке для нахождения там ее до совершенного прекращения возмущения крестьян, и чрез каждые сутки доносить о успехах, какие будут происходить; и 2-е. Как прежде сего достаточные от губернского правления учинены предписания насчет внушения крестьянам нынешнего их по продаже от казны состояния в помещичьем владении и на правах помещичьих крестьян, а не старостинских, ибо и со стороны казенной здешней палаты¹¹² на их же просьбу, должны ли повинности для помещика отбывать, на основании люстрационного инвентаря¹¹³, объявлено, что местечко Германовка хотя прежде было старостинским и жители оного отбывали повинности по люстрационному инвентарю, но 1812 году по Высочайшему повелению продано помещику Прокуре, и с тем вместе выбыло уже из казенного в частное владение, следственно, и люстрационный инвентарь к крестьянам оного от времени продажи не может относиться, и обязаны они отбывать владельцу своему повинности подобно тому, как таковые в прочих помещичьих имениях на основании изданных постановлений отбывают, то, поновив и таковое каждому из них внушение и обязанности к владельцу своему, и взаимно подтвердив оному владельцу и его экономии, дабы отнюдь сверх того, в чем по инвентарю обязаны, крестьяне не были заставляемы к излишней работе. И как же сии крестьяне за всеми прежними внушениями, в нарушение закона и в противность согласных оному предписаний губернского правления произвели буйство и непростительную дерзость, то повеленное следствие, при депутате с воинской стороны, в

¹¹² Казенная палата – губернский орган, ведавший финансовыми, домостроительными, ревизионными делами в губернии, а также сбором налогов по губернии.

¹¹³ Люстрационный инвентарь – см.: инвентарь.

рассуждении, что крестьяне упорствовали и против воинских чинов, без малейшей медленности и со всей аккуратностью учинить и прислать в сие правление, а главнейших начинщиков такового возмущения и дерзости взять под караул.

За сим при содействии воинской команды решение главного суда в исполнение наказанием плетью осужденных к тому приведено, и приговоренные к ссылке в Сибирь на поселение шесть человек отправлены, равно приговоренные к выдержанию в тюрьме, кроме четырех, находящихся в бегах, и одного отданного экономией в 1824 г. в рекруты, выдержаны и обращены на жительство их. Об отыскании же находящихся в бегах и затем о приведении и над ними в исполнение решения учинено должное распоряжение и кому следует предписание, и следственной комиссии в обязанность поставлено при ее действии разыскать и о том, почему экономию учинена прежде решения главного суда отдача в рекруты такого из крестьян, который состоял под судом, после чего, как означенная следственная комиссия, учинив повеленное ей исследование и открыв по оному главнейше виновными в возмущении и неповиновении 25 человек германовских крестьян, таковое следствие и оных виновных представила в губернское правление, то оное дело и подсудимых препроводив, сие правление при указе в Киевский поветовой земский суд 17-го числа августа, предписало ему, что он в рассмотрении и решении оного поступил по законам.

В рассуждении же, что, между тем, помещик Проскура жаловался, а следственная комиссия доносила, что крестьяне не совсем еще обратились к повиновению владельцу своему, то так как показанная комиссия, на которую, сверх произведения о происшедшем при исполнении решения главного суда возмущении и буйстве следствия, возложено было и приведение крестьян в повиновение, окончив следствие, отоль возвратилась, и только, за выходом и Черниговского пехотного полка к общему тогда сбору войск в Волынской губернии, оставалась в Германовке вытребованная из внутренней стражи воинская команда. По сему для постоянного и совершенного водворения спокойствия отправлен был туда находящийся при [господине] гражданском губернаторе по особым поручениям чиновник, надворный советник Долинский, и поручено было ему, находясь там, на месте разведать внимательно, от чего именно между показанными крестьянами происходит таковое беспокорство и продолжается уклонность их от повиновения, а между тем иметь бдительное наблюдение к водворению там тишины и спокойствия, равно и к обращению оных крестьян к надлежащему повиновению и исправлению следующих для владельца работ, отвращая в противном случае всякие

беспорядки и сопротивления посредством означенной воинской команды, в особенности сего, поелику помещик Проскура представил при прошении регистр о сборе денежном с германовских крестьян, предположенном ими, на какой-то общий их обход и доверенность для крестьянина Федора Глушка, подписанную одним крестьянином Степаном Терещенко, от имени своего и всего общества германовского, для ходатайства по их делу, велено оному чиновнику Долинскому по содержанию той просьбы учинить исследование, который чиновник, как, во-первых, чрез земского исправника доставил крестьянина Григория Терещенка, взятого за произнесенные пред ним, Долинским, при собрании германовского крестьянского общества дерзкие слова, поселяющие в мнениях крестьянских непреклонность к покорению своему владельцу, то оный крестьянин с допросом препровожден в киевский поветовой земский суд, а за сим 16-го сентября донес, что по учиненной ему порученности прилагал все средства к водворению постоянного в местечке Германовке между крестьянами спокойствия и к обращению возмутившихся в надлежащее владельцу их, помещику Проскуре, повинование, для чего собрал всех их вместе, внушал обязанность их, но за всем тем, хотя они все почти, внимая его, Долинского, внушению, сказывали вид повинования, обещивая отбывать повинности владельцу по-прежнему, однако письменного его, Долинского, приказания принять не захотели, и хотя снова подтверждали о непременно исполнении его внушений и чтобы постарались общими силами собрать с поля господский хлеб, погибающий чрез неповиновение их, а чтобы оказать и им справедливость, предложил экономиям произвести верный счет по инвентарю и на будущее время устроить такой порядок, чтобы каждый крестьянин знал свою повинность, значащуюся по тому же инвентарю, и обсчитывался каждую неделю с экономией посредством знаков и карбов¹¹⁴, но они отозвались, что со времени занесенных ими жалоб на экономов не обсчитывались до самого его приезда и теперь сего сделать не могут, потеряв к ним доверенность. Почему он, Долинский, не упустил обратить своего внимания и на внутреннюю часть экономического управления, где, когда заметил, что панщина экономом германовским Белявским отмечаема была по одной только табели, по которой эконом счет вел сам собою, без крестьян, а карбов и значков не имел, по коим бы мог каждый крестьянин еженедельно обсчитываться, да и самой счет делать по числу рабочих, из-

¹¹⁴ Карб (южнорусск.) – помета, зарубка. Панщина в южнорусских губерниях исчислялась, в частности, в виде особых помет (карбов и знаков), вносимых крестьянами в особые табели по согласованию с владельческой экономией.

виняясь, что он, по недавнему его вступлению в сию должность, не имел еще такого заведения по причине запущенной панщиной недоимки и не был снабжен инструкцией, то он, Долинский, подтвердив экономиям о непременном заведении предположенного им порядка, относился в то же время и к самому помещику Проскуре как о пресечении такого числения панщины, в противность его инвентаря, так и дабы скорее распорядился о заведении такого порядка, который бы был сообразен с его инвентарем и Указом 1818-го года марта 23-го дня, советуя и ему, Проскуре, что сим единым может он приобрести себе спокойствие и водворить между крестьянами прочный мир. После чего по экономии и заведены таковые порядки, и крестьяне со дня на день становятся смиреннее, карбуя отработанные дни сами еженедельно, и имеют свои карбы при себе, а у экономов таковые же точно остаются, каковым способом крестьяне и экономия всегда будут вести хотя простой, но верный счет. Впрочем, эконом Белевский за нерасторопность и недоразумение помещиком Проскурою удален от экономической должности, но за всем тем крестьяне все еще не принесли чистосердечного раскаяния и не захотели совершенно покориться своему владельцу, отзываясь, что они обязываются панщину отбивать владельцу беспрекословно, но покориться ему не смеют без согласия тех, которые под судом; каковой отзыв учинили и за увещанием со стороны духовной священника, и многие из них отзывались, что Проскуре хотя продана Германовка, но с такою якобы люстрационной обязанностью, как они и прежде, до продажи отбивали. А другие, что они проданы Проскуре якобы на 12-ть только лет, и, в таком будучи заблуждении и ложном мнении, говорили между собою, что если они покорились теперь Проскуре, то вечно уже были бы подданные его, против чего он, Долинский, хотя же заверял их, что и без того есть вечные подданные Проскуре и читал им купчую крепость, но ничто не могло их убедить, и все добрые советы и истинные уверения кажутся для них подозрительными. Далее же заключал он, что бежавшие из селения крестьяне Фома и Степан Терещенки, осужденные к наказанию, верно, по их согласию принесли жалобу Верховному месту, или же они сами из Киева или с другого какого города выслали чрез почту, на которую, в ожидании резолюции, не могут решиться на покорение себя Проскуре, но о том, где точно те бежавшие крестьяне находятся, ни от кого верного сведения почерпнуть не мог, ибо хотя некоторые сторонние поговаривали, что Степан Терещенко отправился якобы в С[анкт]-Петербург с кавалер-майором, но сей слух вышел по разыскании его неосновательным

потому, что жена Степана Терещенка призналась, что к ней муж ее из Крюкова, где он четырьмя волами чумакует¹¹⁵, прислал ей полтора пуда соли чрез германовского крестьянина Ивана Гузенка, который так же чумаковал и привезенную соль развозил для продажи, на коего и следует обратить внимание со стороны земской полиции насчет отыскания его, Гузенка, и разыскания о точном месте пребывания Терещенка.

И таковые обстоятельства предавая он, Долинский, в рассмотрение присовокупил: 1-е. Что при оных его занятиях не упускал никаких случаев, которые могли бы открывать причины, отчего наиболее происходило и происходит таковое непреклонное упрямство и дерзость крестьян германовских не только против самого владельца, но даже и против правительства, в недопущении земского исправника к исполнению решения Главного суда, но побочные разведования его оставались долго безуспешны, а когда приступил он по особенному поручению к следствию и допросу почти всех крестьян, точно ли значащиеся в доставленной к нему при том указе доверенности, крестьяне просили бежавшего Степана Терещенка подписать их на оной по неграмотству и о прочем, то случайным образом с показания одного крестьянина открылось, а после многие признались, что по приезде из Киева осужденных германовских крестьян некоторых к наказанию и ссылке в Сибирь они собрались в клуне¹¹⁶ крестьянина Алексея Лозенка, и, пригласив к себе диакона Якова Гошковского, учинили между собою совещание, дав друг другу слово, чтоб быть всем в единодушии и согласии на все их предприятия и постоять в защите к недопущению наказать осужденных, в таковом предположении и домогательстве, что когда тех бить, то и всех их бить по равной части для того, что осужденные были с ними в одном их согласии, в чем поклялись и подписались на написанной диаконом бумаге собственноручно крестами. Следствием чего и произвели они при исполнении решения известное уже их буйство, и с того времени не хотят никаких бумаг ни к себе принимать, ни показаний своих подписывать, а подписались только на показаниях сотский германовский¹¹⁷ Демьян Даниленко, церковный староста Игнат Шелестенко, Кузьма Кухаренко и деревни Суцаной Клим Клучаной и Семен Степаненко, где же написанная диаконом бумага сохраняется, никто не признался, а диакон хотя на предложенный ему от него, Долинского, обще с благочинным священником Григоровичем вопрос и не учинил настоящего признания, однако не по-

¹¹⁵ Чумаковать – заниматься чумацким промыслом, т.е. торговлей и частным извозом.

¹¹⁶ Клуня (укр.) – сарай.

¹¹⁷ Сотский – нижний чин земской полиции; избирался крестьянами.

таился в том, что он действительно был с ними в клуне, но никакой бумаги якобы не писал, а написал им только именной список, а они против каждого своего имени кресты своеручно писали, но сему поверить сомнительно, ибо он и в поведении, и в поступках своих не заслуживает вероятия, человек нетрезвый и не занимается своею обязанностию, и как в том же ответе признался еще в том, что он писал от них к помещику Проскуре на эконома Суцанского Орловского просьбу, то думать можно, что он входил и во все их дела, а потому должно и его, вытребовав чрез духовное начальство, предать суждению, дабы более не вводил крестьян в соблазн. И 2-е. Что крестьяне насчет обязанности их в отбывании панщины обратились уже к повиновению и не заметно в них никаких буйств, кроме ложных мыслей и надежд вышеописанных и от коих чужды, как он заметить мог: Иван и Кирило Сидженки, Терентий Титаренко, Николай Яненко, Семен Шелест, Иван Якусенко, Гаврило Даниленко, Данило Мерщий, Федор Сидоренко, Петр Попернадский и Роман Чернуха. Причем он, Долинский, представил подлинные отзывы один помещика Проскуры о удалении от экономической должности Белевского, а другой священника о том, что крестьяне без согласия состоявших под судом покориться помещику не смогут.

Для того и о сих обстоятельствах от губернского правления дано уже знать киевскому поветовому земскому суду, с препровождением доставленных оным Долинским бумаг, в который суд препровождено и произведенное им, Долинским, следствие и велено присовокупить все то к отосланному в оный прежде следствия, комиссиею произведенного, самоскорейше рассмотреть и решить по точно силе законов с обращением на виновных в сей законной же строгости, вместе с чем, по сношению с здешним духовным начальством, предан суждению и диакон Гошковский, а киевскому нижнему земскому суду особо предписано, дабы он, отыскав крестьянина Ивана Гудзенка и разыскав о точном месте пребывания крестьянина Степана Терещенка и других, тоже в бегах находящихся, поступил и далее как по законам следует, а в прочем не находится ли с них Степан Терещенко в Крюкове, отколь, по объявлению жены его, прислал к ней соль, по состоянию одного города Крюкова в Полтавской губернии происходит переписка с тамошним губернским начальством, и сверх всего того означенному киевскому нижнему суду строго подтверждено, чтобы он со стороны своей неупустительное имел наблюдение о совершенном водворении в местечке Германовке спокойствия и за повиновением крестьян, также и за порядком в отношении работ их для владельца и верности в том счета, и чтобы между тем донес гу-

бернскому правлению, нужно ли и далее оставаться в Германовке воинской команде.

На которое предписание когда земский исправник донес, что за съездом его в местечко Германовку нашел, что крестьяне обратились к совершенному спокойствию, что все работы для владельца исполняются безостановочно, хлеб озимый и яровой с полей свезен, засева как владельческие, так и их окончены и никаких между крестьянами противу владельца и экономии его слушаний не оказывается, а потому не оказывается уже нужным, чтобы воинская внутренняя команда далее оставалась там, но в обеспечении нечаянных и непредвиденных случаев полагает он, исправник, на место оной команды не на праве усмирения спокойных крестьян, а для обыкновенного воинского постоя ввезть туда одну роту и занять оной Германовку с окружными селениями из полков, квартированием в смежности Германовки расположенных, для того, что при таком квартировании военной команды крестьяне не могут иметь удобных средств к прежним возмутительным своим покушениям, то соборно было от сего правления командиру 3-го пехотного корпуса [господину] генерал-лейтенанту Роту к учинению распоряжения, чтобы назначена была одна рота воинская с ближайших по квартированию к местечку Германовке войск для расположения в том местечке и чтобы поручено было начальнику оной и нижним чинам иметь влияние за движением¹¹⁸ каждого из крестьян и в случае противного их действия, по сношению с земскою полициею, отвращать оное. Сходственно чему по распоряжению оного начальника и находится там воинский постоя, а команда внутренней стражи обращена к ее месту, а в отношении дела, поступившего в поветовой земский суд, решено оное в том суде и поступило в главный суд в 1-й департамент, где так же решено и представлено на апробацию к [господину] гражданскому губернатору, а крестьяне в означенном местечке Германовке оставались спокойными, и до февраля месяца сего 1826 года от них никаких жалоб не было.

В том месяце 26-го числа, как явилось с них 19-ть человек к [господину] гражданскому губернатору и принесли жалобу в содержании подобно прежним отзывам, что они якобы по люстрационному существовавшему за староства инвентарю должны работать панщину, но, напротив того, употребляются в оную по распоряжению владельца и против же действия правительства. В отношении исследования и суждения виновных изъяснили, якобы невинно некоторые по приговору наказаны, а наконец жалуются, что в том феврале м[еся]це экононом помещика Проску-

¹¹⁸ Так в тексте.

ры, собравши их на ток молотить хлеб, наказывал безвинно, нещадно, и тогда же жену с них Назара Кузьменка наказал, то по сей жалобе [Господин] гражданский губернатор поручил земскому исправнику спросить их каждого об обиде; вследствие чего, во-первых, показали, что якобы эконоом Новицкий во время бытности их на панщине причиняет им напрасные побои, о чем и написана ими в Киев на Подол оная жалоба¹¹⁹, более же никаких притеснений ни от него, Новицкого, ни от помещика не имеют, а потом что они кроме с них 3-х человек наказываемы не были, а те три объявили, что наказаны от эконома Новицкого розгами за то, что по приказанию не вышли на панщину, по осмотру побои оказались мало-значущие, ни мало не повреждающие здоровья, впрочем, в рассуждении, что оная жалоба составлена противно самому существу об оных местечка Германовки крестьянах дела, отысканы переписывавший ее уволенный из киевских мещан Григорий Топольский и сочинитель, отставной коллежский регистратор Вдовиченко-Витвицкий, а сии оговорили заседателя киевского нижнего земского суда Кувчинского в том, что по прожекту его оная писана, что он руководством служит для крестьян, приезжал с ними в квартиру Витвицкого и внушал, что правое их дело, ибо якобы не крестьян, а землю продано помещику Проскуре, и что оный Кувчинский и сам сочинял им бумаги, для того, как поступок таковой в расстройстве крестьян к неповиновению владельцу своему в должных от них работах чрез внушение противной их обязанности и руководство в том, наносящее правительству немалое затруднение, заключает в себе важность, то определением сего губернского правления поручено здешнего главного суда 1-го департамента депутату Антону Милевскому, обще с киевским полицмейстером, учинить об оном поступке заседателя и участников с ним подробное на законном основании исследование и по окончании такового здесь во всех частях, входящих в настоящее дело, велено оным депутату и полицмейстеру отправиться в местечко Германовку и там о показываемых побоях доследовать, как равно и о том, не происходит ли для крестьян ныне каких притеснений в работах сверх того, что должно от них для помещика, и таковое исследование представить в губернское правление с донесением, что по оному окажется, подавших же помянутую просьбу крестьян, кои здесь по означенному случаю задержаны, велено, когда не будет к ним надобности по тому исследованию, какое здесь на месте предположено, отослать чрез нижний суд к водворению в прежнем жилище. Приказали: о вышеизъясненных обстоятельствах,

¹¹⁹ Подол – район Киева; в начале XIX в. на Подоле находились, в частности, присутственные места города.

закрывающих подробное сведение как о первоначальном в местечке Германовке возмущении крестьян, так о последствиях затем их неповиновения и дерзостей, равно и мерах, какие к прекращению того были приняты и продолжаются, и что жалоб на неповиновение и дальнейшее упорство не имеется, кроме вышеозначенной, от крестьян в феврале месяце поступившей, по которой также приняты надлежащие меры к открытию виновных в возмущении их, донести г[осподину] управляющему Министерством внутренних дел от лица г[осподи]на гражданского губернатора, для чего с сей статьи журнала предать копию к личным делам его, г[осподина] гражданского губернатора.

Подлинная статья за подписом г[оспод] присутствующих Киевского губернского правления и за скрепою секретаря.

С подлинным верно: секретарь Федор Красножонов.

Когда женщина идет шаг в шаг рядом с мужчиной, когда она представляет собой необходимое дополнение рабочего тягла, то она является уже не утехой, не украшением и даже не помощницей и подругой, а просто-напросто равноправным человеком. <...>... Вот тут же уж действительно выступает на сцену женский вопрос, жгучий, потрясающий, вопиющий. И что же именно тут-то его никто и не видит, никто о нем и не думает!

М.Е.Салтыков-Щедрин

Люди науки, поколение за поколением, умещаются и замыкаются на все более тесном пространстве мысли.

Специализация, в течение века двигавшая экспериментальное знание, подошла к такому рубежу, для преодоления которого надобно делать что-то посущественней, чем совершенствовать вертела.

Но если специалисту неясен живой организм науки, то уж тем более неясны исторические условия ее долговечности, то есть неведомо, какими должны быть общество и человеческое сердце, чтобы в мире и впредь совершались открытия.

Хосе Ортега-и-Гассет

Елена Трофимова

**«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС»
В ПРОЗЕ
И ПУБЛИЦИСТИКЕ
АЛЕКСАНДРЫ
КОЛЛОНТАЙ**

The author examines publicist works and prose of the Russian and international movement's prominent personality, diplomat, political writer and prose writer A.M.Kollontai (nee Domonovitch). For the first time she came out as a political writer in "Obrazovanie" magazine (1898). In a series of her works Kollontai set collectivism of the proletarian morality against philosophy of individualism which, according to her, was represented by F.Nitsche. Kollontai devoted a particular attention to problems of women's equality, of woman's position within family and at work, of maternity protection. Kollontai linked change of women's life with the necessity of drastic transformation of the social system. She devoted some of her fiction pieces to the topic of women's social emancipation and assertion of women's right to the free choice in love (these works were gathered in "Work bees' love". From a series of "Revolution of feelings and revolution of morals" stories' collection). At the present time Kollontai's heritage increasingly attracts attention of researchers: historians, specialists in literary studies, sociologists including specialists in the gender issues.

Ключевые слова: ягендерныея, следован, я,яверс, , яфем, -н, зма,я , л, азм,яженск, йявопросьяРосс, , я

Критика феминизма¹ заняла прочное место в общественном сознании. Причем молнии мечутся с разных сторон: и слева и справа. Однако существует проблема, которая весьма запутывает все это критическое многообразие, порой превращая его в хаотическую ругань. Дело в том, что «феминизмов», а точнее эмансипационных проектов, существует довольно много: от крайне авангардистских до весьма умеренных, стремящихся к постепенной, осмысленной эволюции гендерных стереотипов.

И вопрос этот возник не сегодня. В декабре 1908 года на I Всероссийском женском съезде разыгралась весьма острая баталия между представительницами буржуазного феминизма и сторонницами марксистского подхода к решению «женского вопроса». Все были недовольны существующим положением, все говорили о необходимости равноправия. Однако исходные позиции были разные. Одним казалось, что нужно сосредоточиться на культурной и образовательной работе, расширять сеть благотворительных организаций помощи женщинам; другие считали, что без радикальной смены политического и экономического порядка никаких реальных перемен не будет. К сторонницам последней точки

¹ *Говоря о терминологии феминистской и гендерной науки, стоит остановиться на дефиниции трех основных потоков, в рамках которых существует множество различных феминистских групп, как, например: феминизм, ориентированный на природную сущность; сепаратистский; феминизм, ориентированный на подавление различий (как вызов патриархату); сексуальный эгалитаризм; амазон-феминизм; анархо-феминизм и другие. Базовыми течениями являются: 1) радикальный феминизм, направленный на критический пересмотр наличного и на создание нового общественного порядка, неканонического типа. Радикальный феминизм подчеркивает, что без пересмотра всей системы отношений никакие изменения невозможны. Именно он и вызывает острую реакцию протеста по отношению к феминизму вообще; 2) либеральный, стоящий на позиции «различные, но равные», равноправные, и считается, что он не борется за какие-либо радикальные изменения патриархатной системы в целом. Но именно из него вышло, к примеру, течение феминизма, направленное на восстановление женских имен в истории, литературе, искусстве, а в результате нацеленное на изменение всего культурного канона; и, наконец, 3) интеллектуальный феминизм, который наиболее перспективен как новая социально-философская теория и широкая гуманистическая практика, выходящая в сферы творчества и политики. Начало интеллектуального феминизма можно связать с развитием постструктуралистских и постмодернистских теорий, в частности, с критикой ими иерархических структур, с интересом к периферийным, маргинальным явлениям.*

зрения относилась одна из ярчайших представительниц марксистской версии феминизма Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952), обладавшая недюжинными публицистическим и литературным талантами.

* * *

Провозглашенный К.Марксом Коммунистический манифест предполагал коренную революцию не только в политике, экономике, социальной сфере или культуре. Не менее важной мыслится и коренная перестройка человеческих отношений. Говоря современным языком, предполагаемый основателями коммунистической доктрины «прыжок из царства необходимости в царство свободы» должен был с неизбежностью трансформировать и гендерные стереотипы, понятия о мужественном и женственном, об отношении и взаимодействии полов и их культурно-символической репрезентации в обществе.

Данный проект, по сути, представлял новую эманацию хилиазма, т.е. попытки построения на земле тысячелетнего царствия Божия, правда, без самого Бога, функции которого передавались новому «общественному человеку», должному возрасти из самого передового класса – пролетариата. Мессианская подоплека проекта проявилась не только в том, что он ставил задачей осуществить в грешном дольном мире полное торжество многих евангельских заповедей, но и в том, что построение коммунистического общества означало конец прежней истории с его постоянной борьбой добра и зла и смену исторических формаций. Имманентный хилиазм провоцировал превалирование веры и воли в идеологической и государственной практике большевизма, приуменьшение или даже игнорирование им роли материальных и бытовых сторон реальной жизни. В этом контексте мы можем более полно понять и правильно оценить идейное наследие и деятельность выдающихся революционеров, в том числе и такой яркой фигуры, какой была А.М.Коллонтай.

Стремление кардинально изменить реальность не появляется на пустом месте. Социальные утопии рождаются от вопиющей несправедливости. Этим объясняется факт, что в революцию нередко идут и те, кто принадлежит к привилегированным или материально обеспеченным слоям. Для Коллонтай толчком, приведшим ее к активной революционной деятельности, стало посещение в марте 1896 г. крупнейшей текстильной фабрики России близ Нарвы. Ее потрясло то, что она увидела: *«Рабочие жили как в тюрьме. <...> ужасны были санитарные условия*

труда <...> *Комнаты были заполнены деревянными нарами... Спали вповалку – женатые и холостые*. На вопрос о лежащем мертвом ребенке шестилетняя няня спокойно ответила: *"С ними это бывает, они помирают среди дня. В шесть часов тетя придет и его уберет"*². Неудивительно, что в среде людей, низведенных капитализмом на уровень животных, вызревала жгучая ненависть, которая дала свои кровавые плоды в октябре 1917 года.

Основные представления о женщине будущего складывались у А.М.Коллонтай, вероятно, в первое десятилетие XX века по мере все большей и большей вовлеченности в деятельность российской социал-демократии, изучения марксистской теории и знакомства с «женским вопросом»³ как в России, так и за рубежом. Здесь важно отметить, что до 1906 года основной акцент в своих статьях она делала на общесоциальные проблемы, в частности на положение рабочих, на классовую борьбу, на разъяснение позиций социал-демократии. Но при этом изучение «рабочего вопроса» давало обширную информацию о еще более бедственном положении женщин на работе и в семье.

К концу 1905 года ее основные представления о путях решения «женского вопроса» в целом сложились. Социалистические идеи соединились с приобретенным опытом. Основной мыслью для Коллонтай стала аксиома органической связи развития классовой борьбы, социалистического переустройства общества с изменением места и роли женщины в системе социальных и культурных отношений. Говоря современным языком, изменение гендерных стереотипов для Александры Михайловны было неразрывно связано с системной и радикальной модификацией общественных институтов. Таким образом, вырабатывалась определенная позиция, позволявшая вести полемику со сторонниками иных путей по изменению статуса женщины в обществе. *«Зимой 1906 года мне приходилось... сражаться с феминистками, отстаивая мысль, что для социал-демократии нет отдельного женского вопроса ...и читать ряд открытых лекций на тему о роли женщины в хозяйстве в связи с задачей всестороннего раскрепощения женщины»*⁴.

² Коллонтай А.М. *Летопись моей жизни*. М.: Academia, 2004. С.167–168.

³ См.: *Жилища финляндских рабочих // Русское богатство*. 1902. №7; *К вопросу о классовой борьбе*. СПб., 1905; *Кто такие социал-демократы и чего они хотят?* СПб., 1906; *Проблема нравственности с позитивной точки зрения // Образование*. 1905. №9, 10; *Социализм в Финляндии // Заря*. 1902. №4; *Финляндия и социализм*. СПб., 1906.

⁴ Коллонтай А.М. *Летопись моей жизни*. С.209.

Следует заметить, что поведенческие, в том числе и гендерные, стереотипы были весьма сильны и среди тогдашних сторонников освобождения человечества. Сочувствие Коллонтай *«встречала только среди самих работниц»*, партийные же товарищи к ее словам относились *«либо скептически, либо равнодушно»*⁵.

В 1908 году она приняла участие в I Всероссийском женском съезде и опубликовала статью «Женщина-работница в современном обществе», где системно и развернуто изложила свои взгляды. Работа построена на полемике с участницами феминистского движения, на критике тех позиций, которые отрывали женщину от происходивших в обществе социально-экономических процессов. Коллонтай указывает, что важнейшим стимулом борьбы за равноправие стало все более значительное участие женщин в общественном производстве: *«Напрасно воображают борцы за женское равноправие, что двери профессиональной деятельности <...> откроются перед женщиной вместе с ростом ее самосознания; нет, это <...> наступает лишь с приближением женщины к армии самостоятельно трудящегося населения»*⁶.

Итак, базовым фактором, характеризующим женщину будущего, становится ее активное участие в экономических процессах и, соответственно, экономическое равноправие с мужчиной и в отношении доступа к профессиям, и по оплате труда, что представляется важнейшей целью нового государства. Эта идея, с которой как будто бы были согласны и феминистки, и социалистки, в действительности понимается ими по-разному. И здесь А.Коллонтай усматривает роль классового принципа, разграничивающего понимание экономического равенства. *«...В то время как буржуазная женщина с гордо поднятой головой вступает в открывающиеся перед ней двери интеллигентных профессий, пролетарка уже давно успела проклясть ту хваленую свободу труда и профессий. [И она. – Е.Т.], изведавшая до дна весь ужас капиталистической эксплуатации наемного труда, требует от государства вмешательства в область "свободы договора" между трудом и капиталом. Не свободы труда добивается она, а нормировки рабочего дня, запрета ночной работы и других постановлений, ставящих предел алчному использованию капиталом ее трудовых сил»*⁷. В данной антирезе

⁵ Там же.

⁶ Коллонтай А.М. Женщина-работница в современном обществе // Труды I-го Всероссийского женского съезда. СПб., 1908. С.792.

⁷ Там же. С.793.

Коллонтай конкретизирует смысл и способ экономической эмансипации женщины, подчеркивая, что она не должна быть «верхущечным» формальным действием, но – затрагивать женскую проблематику во всей ее глубине и разнообразии. Здесь содержится мысль, что в движении к будущему нельзя ориентироваться лишь на группу избранных, как бы очевидны и справедливы ни были их требования. Без решения проблем и без подлинной эмансипации женских трудовых масс движение вперед невозможно.

Значительное место в статье уделяется и такой вопиющей форме проявления угнетения и эксплуатации женщины, какой является проституция. Вполне в духе марксистской теории Коллонтай усматривает два источника проституции: меркантильный дух буржуазного брачного договора и безжалостную эксплуатацию трудящихся женщин, у которых заработок *«достаточно высокий, чтобы не умереть с голоду, но слишком низкий, чтобы жить человеческой жизнью»*. Автор говорит о колоссальных размерах современной проституции, особенно в больших городах: в Лондоне было свыше 250 тысяч проституток, в Париже – 100 тысяч, в Петербурге – от 30 до 50 тысяч. Проституция начинает охватывать самые различные слои европейского общества, это не только обманутые *«девушки, но нередко и законные жены рабочих, крестьян... которые только этим оказываются в состоянии поддерживать существование своих близких»*. Коллонтай показывает всю тщету мер, предлагаемых феминистками того времени, для лечения этого социального порока. Ни приюты «кающихся Магдалин», ни общества для духовно-нравственного воспитания работниц, ни борьба с врачом-полицейским надзором результатов не дадут. *«...Капитал <...> день за днем будет выбрасывать все новые и новые жертвы "общественного темперамента". Загнанная в подполье или нагло выставяющая себя напоказ, проституция будет продолжать отравлять общественную атмосферу, служа источником наслаждения для одних, неся болезнь, отчаяние и горе другим...»*⁸.

В противоположность современному положению женщина в будущем должна быть избавлена от ситуаций, принуждающих ее к торговле своим телом. Важную роль, конечно, имеет экономическое равенство – равная с мужчиной и справедливая оплата труда. Немаловажное значение имеет и сокращение рабочего времени, что не только сохраняет здоровье и силы, но и предоставляет женщине досуг для ее внутреннего

⁸ Там же. С. 795–796.

развития через образование, приобщение к культуре. На страницах этой статьи затрагивается и тема «свободной любви», которая займет особое место в предреволюционной и послереволюционной дискуссии по «женскому вопросу». Не отрицая важности этой проблемы и подчеркивая, что брак должен стать **свободным союзом свободных людей**, А.Коллонтай в то же время не видит возможности его осуществления при капиталистической системе и указывает, что призыв феминисток к свободе любви и материнства уже существует де-факто среди женщин рабочего класса. Но вместо освобождения эти «свободы» приносят им лишь дополнительные невзгоды. Так что же предлагают им феминистки? *«Отбрось ветхие моральные заботы, стань свободной возлюбленной и свободной матерью». ... Как будто эти лозунги уже давно не стали для женщины рабочего класса слишком реальной действительностью! Как будто все дело во внешних обрядовых формах, а не в окружающих социально-экономических отношениях, определяющих собой сложные семейные обязанности пролетарской женщины!»*⁹

Здесь же автор обращает внимание и на вторичную, казалось бы, для ее классовой позиции проблему, касающуюся эмансипации женщины, в том числе и в области любви. Патриархатная¹⁰ гендерная калька предусматривает обязательную для женщины сферу домашнего труда, ведение домашнего хозяйства, так называемую «заботу» о членах семьи. По сути, это способ дополнительной эксплуатации женщины, лишения ее творческого досуга, преграда на пути обретения реальной свободы. Именно поэтому в будущем социуме должен быть решен вопрос о кардинальной реформе устройства быта, развитии социальных институтов, освобождающих женщину от изнуряющего бремени бытовых забот.

⁹ Там же. С.794–795.

¹⁰ Дискурс, по мнению Ж.Лакана, не только способ говорения, но и средство формирования мышления, в т.ч. и гендерной стереотипности. В рамках гендерного дискурса, к примеру, были «разведены» такие понятия, как «патриархальный» и «патриархатный». В гендерной теории и критике используется второе, а не первое слово (что было бы верно грамматически), и это имеет свое обоснование. Патриархальный – связанный со стариной, верный традициям, обычаям; патриархат – строй, характеризующийся отцовским родом, в котором мужчина занимает господствующее положение. Понятно, что дискурс феминистского сообщества принимает слово патриархатный, подразумевающая идущий из исторической перспективы принцип архаичной организации общества, с зафиксированным в нем неравенством и жесткой регламентацией полоролевых отношений.

«Брачный и семейный вопрос лишь в том случае утратил бы свою остроту для большинства женщин, если бы общество» дало ей социальную защиту, *«сняло с нее все мелочные хозяйственные заботы, неизбежные сейчас при ведении расчлененных хозяйств, если бы оно охраняло материнство и вернуло бы мать ребенку в первые месяцы его жизни»*¹¹.

Мысль о любви, а точнее о сущности и проявлении интимных отношений, в новом обществе стала актуальной для Коллонтай после победы Октябрьской революции, когда, как казалось многим, появились широчайшие возможности для коренного изменения социальных связей, в том числе и отношений полов (подобного рода перемены наблюдались и в реальной жизни). Мессианская природа большевистской революции провоцировала рассмотрение всякого явления бытия в широком философском, социальном, культурном и экономико-политическом аспекте. Тем более, что корни марксизма частично уходили в глубины классической немецкой философии с ее метафизической, универсалистской традицией. И Коллонтай считала, что понятие любви как одной из наиважнейших сторон бытия не может оставаться частной проблемой отдельного индивида, но должно быть вписано в общую аксиологию преобразенного революцией человека.

Она чувствовала необходимость осмысления происходивших в обществе процессов, включение их в то, что она понимала как репрезентацию новой женщины. Здесь следует отметить, что большевизм, как, впрочем, и практически все другие современные ему движения, концентрировался в основном на экономико-политических аспектах. И Коллонтай *«была одной из немногих марксистов, сомневающих в автоматическом решении женского вопроса посредством социалистической революции, и была единственной авторитетной женщиной в руководстве, способной какое-то время влиять на гендерную политику в России»*¹².

Показателен ее рассказ «Любовь трех поколений» (1923). В нем повествуется об эволюционном понимании свободной любви на примере судеб трех женщин одного семейства – бабушки, дочери и внучки. Причем все они представляют передовые слои русского общества: старшая,

¹¹ Коллонтай А.М. *Женщина-работница в современном обществе*. С.794–795.

¹² Успенская В.И. *А.Коллонтай: Радикальный проект женской эмансипации // Александра Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: Материалы международной научной конференции*. Тверь: ТГУ, 2003. С.11.

Мария Ольшевич, была типичной «культурницей» 90-х годов XIX века, исповедовавшей народнические взгляды; ее дочь, Ольга Веселовская, стала марксисткой-подпольщицей, а самая младшая, Женя, – молодая большевичка постреволюционных десятилетий. Итак, для рассказа выбраны те персонажи, в которых наиболее остро должны были проявиться тенденции к эмансипации, прежде всего – в любовной сфере.

Бунт бабушки выразился в уходе от мужа-офицера и двух сыночек к земскому врачу Сергею Веселовскому, которого Коллонтай характеризует как персонажа, *«взято[го] из Чехова, со всем неопределенным идеализмом, вечным стремлением куда-то, в неизвестное, с большой любовью вкусно поест...и...скорб[ью] о "народной темноте"...»*¹³. Разрыв брака не был спонтанной данью возникшей страсти: Мария имела достаточно твердые убеждения по этому вопросу. *«Она <...> не боролась со своей любовью, считая, что любовь имеет больше прав, чем "супружеский долг", а "играть с чувством" – она не умела и не считала достойным»*¹⁴.

Следующее поколение (дочь Ольга) явило иное понимание свободной любви: она одновременно поддерживала связь с двумя мужчинами. Первый – Константин, революционер-подпольщик, видный член «Союза борьбы», под влиянием которого Ольга превратилась в марксистку. Следует отметить с виду формальную деталь: если ее мать, уйдя к любимому, стала жить с ним в рамках законного брака, то дочь сознательно игнорирует этот институт: *«Мы сошлись. Но из "принципа" брака не заключили»*. Вторым ее партнером стал либерально настроенный инженер М. Если с первым ее объединяли, прежде всего, политические взгляды, то ко второму Ольгу влекло непреодолимое страстное чувство. *«Я ненавидела его взгляды, привычки, образ жизни и до тоски любила его самого, со всеми его слабостями, со всеми свойствами, которые так противоречили тому, что я ценила и любила в людях...»*¹⁵.

Третий этап эмансипации – это рациональное разделение чувства и страсти, душевной близости и физиологического влечения. Женя «хладнокровно» вступает в связь с несколькими мужчинами, в том числе и с нынешним гражданским мужем матери Андреем Рябковым. И это не разврат, не слепое следование страсти. Женя исповедует то, что можно

¹³ Коллонтай А.М. *Любовь трех поколений // Коллонтай А.М. Любовь пчел трудовых. Из серии рассказов «Революция чувств и революция нравов»*. М., 1923. С.9.

¹⁴ Там же. С.10.

¹⁵ Там же. С.19.

назвать принципом «товарищества» в интимных отношениях. *«Мама не решила (проблемы. – Е.Т.), потому что любила обоих и оба ее любили... Все страдали и изводили друг друга, а потом возненавидели и разошлись врагами... Я ни с кем "врагом" не расстаюсь. Кончилось, перестал нравиться – ну и все тут»*¹⁶. Она достаточно ясно проводит раздел между понятиями «нравится» и «люблю». *«Если мне предложили бы жить всегда с Андреем, нет: покорно благодарю! С ним хорошо, весело, просто... Ну, как с товарищем...»*¹⁷. Здесь, по сути, говоря сегодняшним языком, формулируется позиция сексуального эгалитаризма, где женщина в сфере любовных отношений наделяется теми же правами свободного выбора партнера, какими обладает мужчина. Правами свободной ассоциации и диссоциации, правами следования своим чувствам и внутренним импульсам, правами устанавливать связи и их прекращать. Но новая ипостась свободы, этот воплощающийся в жизни проект «будущей женщины», смущает не только Ольгу, но и рассказчицу, которая слушала все эти исповеди. *«...Я ищу ответа: на чьей стороне будущая правда? Правда нового класса, с новыми чувствами <...> понятиями, устремлениями?»*¹⁸

Коллонтай пытается дать ответ на этот вопрос в статье «Дорогу крылатому Эросу!» (1923). Там, наряду с историческим очерком эволюции концепта любви, понимаемой автором как дихотомия «Эроса крылатого» и «Эроса бескрылого» (т.е. любви духовной и плотской), дается развернутое определение «любви-товарищества», что должно, по мнению автора, стать базовым принципом межполовых отношений в новом социалистическом обществе. Суть этого принципа заключается, прежде всего, в том, что *«мораль рабочего класса... отбрасывает внешнюю форму, в которую выливается любовное общение полов»*¹⁹. Коллонтай подчеркивает, что внешняя, юридическая, форма союза между мужчиной и женщиной, столь важная для буржуазного общества, а также хронологическая длительность этого союза в рамках новой морали не имеют никакого значения. То есть имущественная сторона партнерства в новом обществе должна отмирать, вместе с отмиранием института частной собственности.

¹⁶ Там же. С.46.

¹⁷ Там же. С.45.

¹⁸ Там же. С.51.

¹⁹ Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу! // А.Коллонтай: Радикальный проект женской эмансипации. Тверь, 2001. С.289.

Акцент переносится на внутреннюю, сущностную сторону любви: нужно требовательнее относиться «к содержанию любви, к оттенкам чувств и переживаний», то есть к тем душевно-духовным качествам, которые, по мнению автора, служат развитию и закреплению чувства товарищества. *«Признание взаимных прав и умение считаться с личностью другого <...> стойкая взаимная поддержка, чуткое участие и внимательная отзывчивость на запросы друг друга, при общности интересов или стремлений – таков идеал любви-товарищества, который выковывается пролетарской идеологией, взамен отживающему идеалу "всепоглощающей" и "все исключаютелей" супружеской любви буржуазной культуры»*²⁰. Нет сомнения, что перед нами программа гендерной деконструкции, пересмотра символично-культурной репрезентации полов в социуме, аксиологическая перестройка общественного сознания, всеобъемлющая ревизия смыслов, наполняющих понятия «женственности» и «мужественности».

Работы Коллонтай содержат некоторые тенденции, которые в дальнейшем были глубоко осмыслены и разработаны в трудах представителей постструктурализма и феминизма (Ю.Кристева, Л.Иригарэй, С. де Бовуар, М.Фуко, Ж.Бодрийар, Ж.Деррида и др). Одна из этих тенденций – попытка ввести в оборот новую терминологию через понятия «Эрос крылатый», «Эрос бескрылый», «любовь-товарищество», «товарищ-соратница», которые должны были не столько выражать, сколько создавать новые смыслы, трансформируя язык и делая его более гендерно-сбалансированным. Конечно, это были еще трудноуловимые, латентные усилия генерации новых лингвистических инструментов для освобождения речи от патриархатных клише. Другим важным аспектом была мысль о движении к равенству полов через десексуализацию общества, то есть через отказ от отношения к женскому телу как объекту потребления. Именно этим обусловлено резко отрицательное отношение Коллонтай к проституции, которой она противопоставляет истинную свободу любви, основанную на принципе взаимного равенства и уважения полов.

Все это достаточно органично вписывается в тот авангардистский историко-культурный проект, который пытались осуществить большевики в России. Полное преобразование общества, радикальная трансформация всех без исключения социальных институтов, замена принципа целесообразности и выгоды принципами равенства и справедливости.

²⁰ Там же. С.290.

Важным моментом была системность этих изменений, каждый элемент был взаимосвязан с другими: экономика влияла на политику, и, наоборот, материальный и духовный мир постоянно взаимодействовали, сфера любви распространяла перемены на всю сознательную ткань общества. *«Коллективизм духа и воли, – писала Александра Михайловна, – победит индивидуалистическое. Исчезнет "холод душевного одиночества", от которого люди, при буржуазной культуре, искали нередко спасения в любви и браке: вырастут многообразные нити, переплетающие людей между собой душевной и духовной спайкой. Изменяются чувства людей, и без следа пропадет, затерянное в памяти былых веков, неравенство между полами и какая бы то ни было зависимость женщины от мужчины»*²¹.

Авангардистская идея гендерной революции получила достаточно широкий отклик в 1920-е годы. В элитарных слоях социума она обрела форму «семейных партнерств» (вспомним сожительство Бриков и Маяковского). В более низких стратах общества широко применялась практика свободного «схода-развода», неформального сожительства, игнорировавшего институт брака²². Материализацию идеи любви-солидарности можно усмотреть и в конструировании новых социально-бытовых пространств, в частности нескольких домов-коммун, где архитектурные и планировочные решения как бы провоцировали новые формы контактов населяющих их жильцов.

Однако к концу нэпа этот процесс явно пошел на спад. Во-первых, менялась общая философия большевистского проекта. Стало очевидным, что мировая революция откладывается: неудачи коммунистических восстаний в Германии и Венгрии лишали «мировой пожар» перспективы и ослабляли позиции пассионариев-авангардистов в большевистском руководстве. Это вызывало к жизни второй фактор: на смену романтикам ультрареволюционерам приходили трезвые государственники, которым предстояло строить социализм уже в отдельно взятой стране. В-третьих, менялся и демографический состав партии: в нее, особенно в периоды чрезвычайных наборов, массово вливались не только пролетарии, но и крестьянские массы. Понятно, что у этих людей, имевших, в лучшем случае, весьма поверхностные представления о марксизме, преобладали, особенно в семейно-любвиной сфере, архаические, патриархатные архетипы.

²¹ Там же. С.291.

²² См. об этом: Успенская В.Н. Указ. соч.

Таким образом, процесс гендерной деконструкции, активным участником и мотором которой была Коллонтай, сначала замедлился, а затем пошел вспять. К 1930-м годам в Советском Союзе был восстановлен институт регистрируемого брака, семья вновь обрела символическую культурную дифференциацию с жесткой маркировкой «женского» и «мужского», проблема равенства полов стала связываться в основном с областью экономики и политики, правда квотируемой. Абсолютизировалась роль производства как средства «перековки» старого человека в нового, теоретическое же наследие предыдущих десятилетий стало забываться.

* * *

Преображение женщины и ее репрезентация будущего для А.М.Коллонтай были невозможны без коренного изменения внешних обстоятельств и внутренней ментальности. Внешние перемены она связывала с социалистической революцией, призванной заменить формальное буржуазное равенство реальным правовым пространством, где полностью исчезали какие-либо признаки подчинения одной общественной группы другой. Однако Александра Михайловна прекрасно понимала, что самые радикальные новации автоматически не отменяют норм обычного права, в котором консервируются вековые патриархатные отношения. А последние неразрывно связаны с ломкой гендерных стереотипов, с трансформацией мышления, переосмыслением понятийного арсенала, напрямую влияющего на поведенческую практику социума. Именно поэтому так волновала ее проблема любви, именно поэтому она так настойчиво стремилась принизить значение ее сексуальной стороны в пользу бихевиористского аспекта. В понятии «свободная любовь» для нее принципиально важным было первое слово, понимаемое не как апология анархических, беспорядочных сочетаний, но **как** правда и неангажированность чувства. Свобода для Коллонтай представлялась тем мощным внутренним инструментом, который был способен демонтировать бытующие в сознании представления и предрассудки патриархатной власти, генерировать не декларативное, а сущностное равенство женщины и мужчины.

В чем же актуальность взглядов и воззрений Коллонтай для современной России? Ответ связан с пониманием того исторического поворота, который переживает наша страна. Реставрация капитализма, произошедшая в начале 1990-х годов, реанимировала социальные реалии,

которые советским людям представлялись навечно погребенными историческими мертвецами, это касается и буржуазных форм угнетения женщин. Чтобы там ни говорилось о советском периоде (а в нем было много и плохого, и даже отвратительного), все же тогда было немало сделано для женского равноправия и в политическом, и в экономическом, и в бытовом отношении. Женщины получили равный с мужчинами доступ к любому виду образования, к любой профессии, к любой форме политической деятельности. Огромные успехи были достигнуты в санитарном просвещении, в женском здравоохранении, охране детства, в образовании и просвещении общества в целом. Доказательством служат данные о постоянном росте продолжительности жизни и женщин, и мужчин. Стоит упомянуть и об огромном количестве яслей и детских садов, которые значительно расширяли возможности активности женщины во всех сферах жизни. А сколько в эти годы появилось выдающихся писательниц, поэтесс, художниц, композиторов, режиссеров!

Увы! Сегодня во многих областях наблюдается регресс и деградация. Женщина все более и более становится объектом экономической и сексуальной эксплуатации. И не только у нас в России. Проституция, местами окультуренная, «огламуренная», принимающая вид различного рода «эскортных» служб или салонов «тайского» массажа, «радует» глаз туриста на всех континентах. Всякая, вызывающая эротические ассоциации, часть женского тела тиражируется и смакуется в рекламной продукции. Даже спортсменок, для подманивания публики на стадионы, заставляют рядиться в сексуализированные наряды. А появившиеся стаи «стерв» – охотниц на олигархов – наглядно демонстрируют «железную пяду» капитала, готовую при необходимости принуждать женщину к самым унижительным формам поведения и давить любые ростки женского равноправия.

Все это, на мой взгляд, подтверждает правильность суждений Александры Михайловны о поверхностности, недостаточности буржуазных моделей феминизма, так и не сумевших внести подлинные изменения в жизнь российского общества. Это же заставляет нас вновь внимательно перечитывать ее работы.

Илья Смирнов

**НОВАЯ КНИГА
В КОНТЕКСТЕ
СТАРЫХ СПОРОВ
МЕЖДУ «ФИЗИКАМИ»
И «ЛИРИКАМИ»**

A scholar has to be cautious with words much in the same manner as a physicist is to be careful with radioactive materials. But the opposite turns out. It is precisely historians, sociologists and art historians bury us in words with elusive meanings, with dozen of different meanings (that are in no way specified) or with no meaning at all. The science is not a heap of facts but a system of knowledge. And if we want to respect social sciences they are to be reduced to a system and be expounded in a way which presupposes distinct and clear, if possible unequivocal terminology. Yu.I.Semenov, specialist in primordial society economy, professor of Moscow physics and technological institute is engaged in this work for many years. In his new book Yu.I.Semenov approaches the subsequent history of Homo sapiens from the same position. The article is a review of Semenov's new book.

Ключевые слова: я, стор, ограф, я, япреподаван, ея, стор, , ,я ф, лософ, яя, стор, , ,ятол, тарх, яя

Естественные факультеты часто смотрят с пренебрежением на соседей с гуманитарных факультетов. Что у них за наука? Пустая болтовня. И для такого отношения есть причины. Во-первых, гуманитарное знание намного сильнее (до полного уничтожения некоторых отраслей) поражено синдромом «чего изволите?». Это своего рода цирроз, при котором добросовестное исследование подменяется составлением «заказных» материалов. На естественных факультетах заболевание мало распространено. Почему? Наверное, тамошние профессора честнее. И больше уважают свою науку. Но если посмотреть сверху (оттуда, где власть и большие деньги), то какая, скажите на милость, выгода начальству от фальсификации физики или химии? Кому нужно взрывчатое вещество, которое не взрывается, или нефтяное месторождение без нефти? Значит, у специалиста в этой области меньше искушений. Заметьте: если нужда все-таки появилась и заказ спущен, найдутся услужливые эксперты любой специальности. Не будем вспоминать имена тех, кто поддерживал Т.Д.Лысенко, эти люди давно ушли в мир иной, а сегодня мы наблюдаем не менее яркие вариации на тему «чего изволите?». Например, от профессоров медицины можно услышать, что половые извращения – *«разновидность нормы»*; синдром Дауна не мешает обучаться в школе на общих основаниях; пересаживание наркоманов с наркотика героин на наркотик метадон – это *«лечение»* (*«метадоновая терапия»*). Авторитетные зоологи оказывают поддержку московским властям в борьбе за права бродячих собак¹. Если случится авиакатастрофа, экспертиза подтвердит, что во всем опять виноваты погибшие пилоты. А богатые господа, которые закупили в Китае авиационный сэконд-хэнд, зарегистрированный на Бермудских островах, совершенно ни при чем. Экспертизу обеспечивают не какие-нибудь «продажные» историки или социологи, а специалисты в самых, что ни на есть, точных дисциплинах.

Тем не менее, со всеми поправками на общую греховность человеческой природы, приходится признать, что состояние гуманитарного общества и впрямь удручающее. И если сравнивать «по плодам», то на сегодняшний день мы имеем только 1 (один) школьный учебник биологии, написанный с позиций т.н. *«креационизма»*², зато *«цивилизационных»* учебников по истории – пруд пруди³.

¹ См. замечательную стенограмму пресс-конференции «Бездомные собаки – неотъемлемый элемент экологической системы города», 27 января 2005 г.

<http://www.animalsprotectiontribune.ru/Furman.html>

² См.: Авесхан Македонский. *Школа юного неандертальца // Первое сентября. 2005. №40.*

Но разруха в гуманитарных головах имеет и объективные причины, связанные со спецификой того материала, с которым приходится работать. У историка (не говоря уже о филологе) слишком часто возникает искушение поиграть с источником в пустые слова и заняться исследованием уже не реальности, а нагромождаемых вокруг нее словесных конструкций. Можно сказать, что это заблуждение простительное (по сравнению с тем, о чем шла речь выше), но только до тех пор, пока оно добросовестное, то есть неосознанное. На наш взгляд сегодня оно не просто осознается, под него подводится теоретическая база. Как сообщает нам новейшее учебное пособие из Высшей школы экономики, только замшелые *«историко-позитивисты признавали реальность прошлого...»* и *«примат объективного факта»*. А *«современная наука отказалась от концепции эмпирического факта XIX в., в рамках которой факт определялся как нечто, "объективно" существующее...»*⁴. Завабно. Если ученый заранее расписывается в том, что не может – и не хочет! – устанавливать факты, а само слово *«объективный»* ставит в уничижительные кавычки, то за что он, в таком случае, получает деньги? И почему вообще называется ученым?

Другая беда – размытая терминология. Если химик говорит: *«си-нильная кислота»*, другие химики понимают, что он сказал, и не просят попробовать на вкус. У историка два термина из трех не имеют однозначного определения, а третий может вообще не иметь смысла. Отсюда: 1. Бесконечные споры о словах, в которых, опять же, теряется предмет. 2. Естественный ограничитель на использование математических методов (нельзя считать непонятно что). 3. Принципиальная несовместимость гуманитарного знания с тестами пресловутого Единого ГЭ.

Однако прежде чем сдавать какой-то предмет, его нужно изучить. Если старые советские учебники хотя бы пытались следовать общей логике, то новые откровенно хаотичны: материалистические объяснения могут соседствовать с мистикой, патриотизм – со смердяковщиной, *«борьба с норманизмом»* из стратегических запасов 1948 года – с белогвардейским агитпропом в духе незабвенного *«Союза меча и орала»*. Может ли школьник, даже студент, усвоить то, что в голове преподавателя свалено неряшливой кучей?

<http://vivovoco.rsl.ru/VV/NEWS/PRIRODA/2006/AVE.HTM>

³ О последнем, получившем официальный гриф Министерства образования: Авесхан Македонский. Цивилизационный провал // Россия XXI. 2006. №6.

⁴ Савельева И.М., Поletaев А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя; М.: ГУ-ВШЭ, 2008. С.255.

Наконец, третий разрушительный фактор прицельно бьет по новой истории и по социологии (науке о современном обществе). Исследователь древнего мира страдает от недостатка источников: обложку книги Ю.И.Семенова украсила т.н. «*палетка Нармера*», но все, что мы знаем об этом фараоне, уместится на 2–3 страницах. Специалист по XX веку, напротив, тонет в информации. Человека добросовестного переизбыток источников должен побуждать к тому, чтобы тщательнее сортировать: важное – второстепенное, обязательное – случайное, достоверное – сомнительное. А шарлатану раздолье, легко надергать «доказательства» под любой готовый вывод (отсюда Резун по кличке «*Суворов*»).

Столь длинное введение понадобилось мне для того, чтобы показать, почему сегодня так важны работы Ю.И.Семенова.

Потому что профессор Семенов предлагает современную, строгую, объективную систему исторического знания и, соответственно, преподавания этой науки.

Как мы уже отмечали, система присутствовала в советских учебниках, но в полуразложившемся виде. Вплоть до 80-х годов бедным студентам приходилось всерьез изучать сталинскую «*пятичленку*» (первоначальнообщинный – рабовладельческий – феодальный – капиталистический – коммунистический) и, преодолевая сопротивление источников, запикивать в «*рабовладельческий строй*» государства Древнего Востока⁵. Таким образом, оказалась дискредитирована сама идея формации, то есть закономерной стадии развития человеческого общества⁶. И неудивительно, что, как только исторические факультеты освободили от опостылевших догм, там воцарился хаос: стадий нет, закономерностей нет, даже фактов нет. Чего нихватишься – ничего нет (прямо по М.А.Булгакову). Увидев такое безобразие, подходили добрые люди и предлагали сделать гуманитарные науки «точными» с помощью методик, механически перенесенных со стороны. Характерный заголовок: «*Математика может оценить движущие силы истории и морали*»⁷. Как правило, доброжелатели имели базовое естественнонаучное или математическое образование. А получалась у них мертвая схема, похожая на очередной «*Краткий курс...*». Все такие конструкции основаны на специально подобранных и препарированных источниках, при со-

⁵ Семенов Ю.И. *Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России*. М.: Волшебный ключ, 2008. С.6, 332–333.

⁶ См.: Там же. С.323.

⁷ <http://www.svobodanews.ru/Article/2007/02/05/20070205143533007.html#top>

прикосновении с живой реальностью они рассыпаются. Примеры: т.н. «*этология человека*» (изучение общества с точки зрения науки о поведении животных) или бесконечные попытки вписать социальные процессы в те или иные «циклы» – солнечной активности, «*демографические*» и пр.

В отличие от подобных схем, призванных упростить, формализовать и, в конечном итоге, расчеловечить науку о человеке, концепция Ю.И.Семенова исходит из того, что «*социальная форма движения материи*» имеет свою специфику, у нее собственные законы и для ее описания необходим соответствующий научный аппарат.

Он не свалился с неба.

Ю.И.Семенов – автор превосходного курса историографии⁸, и этот фундаментальный труд, позволяющий проследить, как на протяжении столетий изменялись представления *homo sapiens* о себе, о человеческом обществе и о законах его развития, составляет необходимый фундамент для собственных разработок ученого. Даже во взглядах принципиальных оппонентов (тех же «*биологизаторов*» или сторонников «*цивилизационного подхода*») он старается выделить рациональное зерно, то ценное, что могло бы способствовать интеллектуальному прогрессу. А какую традицию продолжает сам автор, довольно просто определить, перелистав первые же страницы любой его книги. «*Азиатский*» способ производства – как известно, старая идея К.Маркса⁹, а Ю.И.Семенов не скрывает, что является последователем немодного ныне исторического материализма. Но его марксизм не догматический, а творческий, именно такой, которого так не хватало в советские времена.

В предлагаемой им системе я выделил бы такие опорные пункты.

Глобально-формационное понимание истории, при котором смена формаций отражает эволюцию человечества в целом, а не отдельных стран и народов¹⁰.

Идея «*исторической эстафеты*», т.е. «*перехода ведущей роли от одних "народов"... к другим, а тем самым и перемещение центра всемирно-исторического развития*»¹¹.

⁸ Семенов Ю.И. *Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней*. М.: *Современные тетради*, 2003.

<http://www.istmat.ru/index.php?menu=1&action=1&item=244>

⁹ Семенов Ю.И. *Политарный...* С.324.

¹⁰ Там же. С.262, 265.

¹¹ Там же. С.266.

Понятие **«социального организма»**, то есть *«конкретного отдельно-го общества, представляющего собой относительно самостоятельную единицу исторического развития»*¹².

Модифицированная **терминология**: она разработана таким образом, чтобы, по возможности, не допускать многозначных толкований и споров о словах.

Реалистический взгляд на **собственность**: в противовес формально-юридическому фетишизму, широко представленному в учебниках *«экономики»*, Ю.И.Семенов показывает на конкретных примерах, что отношения собственности так же сложны и многослойны, как и другие отношения между людьми. Например, собственность может быть верховная, господствующая – и зависимая, подчиненная¹³.

Понятие **«политархии»**: *«этот особый антагонистический способ производства, качественно отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического...существовал не только в Азии, но и в древней Европе, Африке, доколумбовой Америке и Океании. Уже поэтому наименование его "азиатским" вряд ли можно считать верным, не говоря уже о том, что это название не содержит даже намек на его сущность. Так как для этого способа производства характерны общеклассовая частная собственность, выступающая в форме государственной, и совпадение господствующего класса с ядром государственного аппарата, то лучше всего назвать его политарным (от греч. полития, политея – государство)»* (выделено мною. – И.С.)¹⁴.

Этот способ производства интересен для нас не только тем, что он древнейший (*«первичные»* цивилизации Старого и Нового света были именно таковы), но и той особой ролью, которую он сыграл в истории России, где политарные отношения утверждались дважды в разных условиях и под разными знаменами (так что симпатии коммуниста И.В.Сталина к царю Ивану Грозному не должны нас удивлять).

В новую книгу издательства *«Волшебный ключ»* включены работы разных лет, начиная со статьи, опубликованной в 1957 году в *«Ученых записках»* Красноярского пединститута молодым историком, который воспользовался оттепелью, чтобы поставить под сомнение обязательную тогда *«пятичленку»*. В них представлено широкое разнообразие

¹² Там же. С.250.

¹³ Там же. С.252, 340, 373, 390.

¹⁴ Там же. С.342.

политарных обществ в Африке, Азии, доколумбовой Америке и, естественно, в нашей стране.

А заслуга автора не в том, что он придумал красивое слово – «*политархия*» – и подобрал для иллюстрации экзотический материал, но в том, что предложенная им концепция работает. Опираясь на нее, можно дать осмысленные ответы на болезненные вопросы. Можно обсуждать их со студентами и школьниками, не путаясь в трех соснах и не краснея от собственного вранья.

Исторический опыт России в XX веке. Как его оценить из XXI столетия? Наверное, психически нормальный человек не станет повторять на голубом глазу, что в ходе коллективизации и «большого террора» у нас было построено бесклассовое общество, свободное от эксплуатации. Но что обычно предлагается взамен? Т.н. «*теория тоталитаризма*». Открываю первые попавшие под руку школьные учебники: «*"Государственный социализм" в СССР приобрел отчетливо выраженный тоталитарный характер... Исторический опыт убедительно доказал, что практическое осуществление этих идей – повсеместно, а не только в России... – приводило в итоге к большему или меньшему отчуждению народа от власти и собственности, к созданию государства тоталитарного типа*»¹⁵. «*Все важнейшие решения принимались в Политбюро Коммунистической партии, лично ее вождем И.В.Сталиным. На долю официальных советских органов власти оставалось одобрение этих решений. В стране еще долгие годы господствовала тоталитарная социалистическая система*»¹⁶. И т.п. Следуя принципу Ю.И.Семенова – сначала искать позитив, а потом критиковать, – мы должны признать, что и в концепции тоталитаризма присутствовало рациональное начало, а именно то, что ее изобретатели обратили внимание на некоторые общие черты, присущие сталинскому «*социализму*» и режимам Гитлера или Муссолини. Беда в том, что умозаключения по этому поводу были сформулированы чрезвычайно некорректно, причины перепутаны со следствиями, главное – с второстепенным. В результате несколько одиозных диктатур XX века выпали из всемирной истории, их возникновение не получило внятного объяснения (волей-неволей обратиться к мистике или конспирологии), а само слово «*тоталитарный*» быстро превратилось из термина в ярлык. И поскольку этим словом настойчиво

¹⁵ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. *Россия в XX веке. М.: Просвещение, 1998. С.249–250.*

¹⁶ *Отечественная история. XX век / Под ред. А.В.Ушакова. М.: Агар, 1997. С.310.*

обзывали нашу страну, повторять его как-то не к лицу, особенно при детях.

Ю.И.Семенов возвращает нас в академическое поле. Он показывает две параллельные модели формирования новой, уже не аграрной, а «*индустриальной*» политархии XX века. Немецкая развивалась из капиталистических отношений, подминая их под себя. Советская обязана своим возникновением революции 1917 г., которая разрушила традиционную социальную структуру и расчистила пространство для нового классовообразования¹⁷. В обоих случаях бюрократическая корпорация приобретала право собственности на личности граждан¹⁸ и выстраивалась в пирамидальную структуру с вождем наверху. Но это характерные черты не нацизма и коммунизма, а определенного социально-экономического порядка. В Древнем Египте, на «*Святой Руси*», в Римской империи наблюдалось примерно то же самое. Признание этой закономерности, с одной стороны, не оставляет места для идеализации И.В.Сталина¹⁹; с другой стороны, в концепции политархии не содержится ничего оскорбительного для страны и советского народа. В конце концов, всеми почитаемый философ Марк Аврелий тоже возглавлял бюрократическую империю, и довольно успешно. И в СССР после смерти Сталина она продолжала существовать, но никаких массовых репрессий себе уже не позволяла, наоборот – открыла человечеству дорогу в космос. Китай при том же общественном порядке и под теми же красными знаменами превратился в «*мастерскую мира*»²⁰. Список открыт, ведь не сегодня-завтра бюрократия станет господствующим классом еще и в Евросоюзе...

Поскольку Ю.И.Семенов не император и даже не еврокомиссар, я не буду настаивать на его непогрешимости. Кому-то может не понравиться предлагаемая им непривычная терминология. Наверное, она и впрямь слишком детализованная – специальное латинское слово для каждого из видов и подвидов подневольного труда в средневековой деревне. С

¹⁷ Семенов Ю.И. *Политарный...* С.375.

¹⁸ *Формулировка А.Гитлера: «Зачем нам социализировать фабрики и заводы? Мы социализуем людей» (Семенов Ю.И. Политарный... С.373).*

¹⁹ *Его автор книги оценивает по заслугам, как «деспота», и сравнивает с вождем африканского протогосударства Буганда, который приказывал хватать и убивать случайных прохожих (Семенов Ю.И. Политарный... С.208).*

²⁰ *Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Возрождение Азии: горизонты модернизации. М.: ТЕИС, 2007. С.46.*

другой стороны, можно понять и автора. Неужели историкам не надоело пользоваться метафорами вместо определений и путаться в толкованиях одного и того же слова? Например, «общество». В школьном учебнике написано, что восстание декабристов *«углубило раскол между государством и обществом»*. Как это понимает ученик? Куда он должен отнести самих офицеров, состоявших в тайной организации, – к государству или к обществу? Неграмотных крестьян – точно не к государству, но если те ничего не знали о восстании, то какой раскол (и с кем) мог у них произойти? Предложенный Ю.И.Семеновым термин *«социальный организм»* точнее и удобнее. Между прочим, он располагает к тому, чтобы не повторять старых ошибок ортодоксального марксизма и не преувеличивать (не доводить до абсурда) значения всего того, что связано с классовой борьбой: ведь в нормальном организме внутренние связи сильнее и важнее, чем противоречия. Если на первый план вышли противоречия, организму вызывают скорую помощь.

К книге *«Политарный способ производства»* есть редакторские претензии. Стараясь обеспечить математическую точность формулировок, автор утяжеляет язык и повторяет одну и ту же мысль несколько раз. В других местах он уделяет излишнее внимание полемике с бульварной прессой²¹, ставя, таким образом, ее авторов на одну доску с серьезными мыслителями прошлого и навлекая на себя упреки в публицистичности. Впрочем, назовите мне такого мудреца, который о современности, то есть о собственной жизни и о судьбе своих близких, писал бы не публицистично. Это как? С полным безразличием? Важно то, что суждения о современной России в работах Ю.И.Семенова основаны не на идеологических абстракциях вроде «прав человека» или «державной соборности», а на ясном понимании отношений власти и собственности. Из каких классов состоит наш социальный организм? Когда, как и из кого эти классы формировались? Чем поддерживают свое существование? Из ответов на эти главные – научные! – вопросы следует все остальное, в том числе «образовательная реформа» и состояние гуманитарных дисциплин.

Что касается системы в целом, она развивается и совершенствуется с каждой новой работой профессора Семенова. По ходу дела у читателей, естественно, возникают возражения, уточнения и прочие комментарии. Но на сегодняшний момент мне неизвестно никакой серьезной альтернативы.

²¹ Семенов Ю.И. *Политарный... С.222 и далее.*

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные статьи научного и общественно-политического характера, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современным общественно-политическим процессом, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редакция оставляет за собой право отбора рукописей для публикации.

Ответственность за достоверность приводимой информации несет автор.

Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, контактный телефон и адрес электронной почты).

Название статьи.

Аннотацию (до 500 знаков).

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, – от 10 до 40 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного
фонда «Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Шеррер Ютта

профессор, Высшая школа социальных наук, Париж

Лапицкий Марк Исаакович

доктор исторических наук,
профессор Российской академии внешней торговли

Каджая Валерий Георгиевич

журналист

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук,
профессор кафедры литературной критики факультета
журналистики
Российского государственного гуманитарного университета

Трофимова Елена Ивановна

литературовед,
преподаватель кафедры культурологии ИПК МГУ,
преподаватель кафедры литературы XX века
филологического факультета МГУ

Смирнов Илья Викторович

историк, независимый журналист

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences, President of the International Public
Foundation «Experimental Creative Center»,
editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Scherrer Jutta

professor, School of Graduate Study in the Social Sciences, Paris

Lapitsky Mark Isaakovich

D. Sci, historian,
Professor of Russian Academy of Foreign Trade

Kadzhaya Valeriy Georgievich

journalist

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of literary criticism,
Russian State University for the Humanities

Trofimova Elena Ivanovna

specialist in theory and history of literature,
lecturer of the Chair for cultural studies, Institute of advanced
vocational training for lecturers, Moscow State University,
lecturer of the 20th century literature,
Department of philology, Moscow State University

Smirnov Il'ya Victorovich

historian, independent journalist

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

МДК ул. Новый Арбат, д.8;

«**Гелея**», Нахимовский просп., д.51/21;

«**Наталис**», Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«**Фаланстер**», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»:

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

книжная галерея «Нина», ул. Бахрушина, д.28;

магазины ОГИ: ул. Б. Дмитровка, д.12 («Пироги»);

ул. Никольская,19 («Пироги»); Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;

киоск РУДН ул. Миклухо-Макляя, д.6;

киоски I и II гуманитарных корпусов МГУ Воробьевы горы;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1;

киоск в РГБ ул. Воздвиженка, д.3/5, 1-ый читательский подъезд;

в интернет-магазине «Политкнига.ru»

www.politkniga.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»

Альтернативная подписка:

ООО «Интерпочта» тел. (495)500-00-60,

(495)580-95-80,

(495)795-23-00

ООО «АльтПресса» тел. (495)974-30-79

ООО Агентство «Артос–Гал» тел. (495)603-27-33,

(495)603-27-34

ООО «Вся пресса» –

справки о вашем региональном агентстве

по тел. (495)906-07-26, (495)906-07-35

В редакции подписка и продажа льготные.

Тел. (495)691-74-79

Для иностранных читателей

подписка проводится

через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495) 681-91-37, (495)681-57-15

e-mail: export@periodicals.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

Отчет об использовании имущества Фонда за 2008 год

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- денежные средства, поступающие от реализации научно-технических договоров,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки составила 3968 тыс. рублей. Добровольных, вступительных и иных взносов не поступало. Фонд осуществляет свою деятельность на полном хозрасчете.

Расходы за истекший год составили 3915 тыс. рублей, прибыль — 52 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 12 тыс. рублей. В 2008 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов. Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

Учредитель
Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
телефон (495)691-74-79
факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2009
Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 17.02.2009. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 11.5 печ. л.
Тираж 2000 экз. Заказ
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

1.2009 january-february

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Theory of Development (Existential and Metaphysical Blind-alleys) _____ 4

Labels and Myths

Jutta Scherrer

«The Silver Age» in Duplex Perspective of the Memory: By the Example of Textbooks on Cultural and Civilization Studies _____ 46

Pages of History

Mark Lapitsky

The Banality of Evil or Evil of Stupidity _____ 62

Valeriy Kadzhaya

Sobibor _____ 92

Topical Archive

Oksana Kiyanskaya

Decembrists and the People:
Presentation of the Problem ____ 108

Readers' Letters

Elena Trofimova

«Feminine Issue» in Prose
and Publicist Works
of Alexandra Kollontai _____ 154

Il'ya Smirnov

A New Book in the Context
of Old Disputes between «Physicists»
and «Lyricists» _____ 168